

ДИВО БАРСОТТИ
ДОСТОЕВСКИЙ
Христос — страсть жизни

ДИВО БАРСОТТИ

ДОСТОЕВСКИЙ

Христос — страсть жизни

1999

DIVO BARSOTTI
DOSTOEVSKIJ. *La passione per Cristo*
Edizioni Messaggero Padova 1996

Центр распространения:

Магазин «Паолине», 103050 Москва, ул. Б. Никитская, 26.
Тел. (095) 291-5005, тел./факс (095) 291-5430, e-mail: paoline@orc.ru

Оригинал:
DOSTOEVSKIJ. *La passione per Cristo*. Edizioni Messaggero, Padova, 1996.
ISBN 88-250-0497-4
© 1996 by P.P.F.M.C. MESSAGGERO DI S. ANTONIO - EDITRICE
Basilica del Santo - Via Orto Botanico, 11 - 35123 Padova

Русский перевод:
ДОСТОЕВСКИЙ. Христос — страсть жизни. «Паолине», Москва, 1999.
ISBN 5-900086-03-8
© 1999 «Паолине» 103050 Москва, ул. Б. Никитская, 26, тел. (095) 291-5005
Изд. лиц. ЛР № 064583 от 14.05.96

Переводчик Леонид Харитонов
Редактор Галина Муравьева
Дизайнер Виталий Колесник

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие к русскому изданию</i>	7
<i>Вступление</i>	11
<i>Часть первая</i>	
ЧЕЛОВЕК И ПИСАТЕЛЬ	13
<i>Часть вторая</i>	
ПЕРСОНАЖИ ПЯТИ ГЛАВНЫХ РОМАНОВ	33
<i>Часть третья</i>	
ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ ДОСТОЕВСКОГО	135
<i>Часть четвертая</i>	
БОГОСЛОВИЕ ДОСТОЕВСКОГО	175
<i>Заключение</i>	237
<i>Послесловие</i>	248

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

«Восток и Запад, сколь бы ни были они пока разделены, уже не живут в безразличном пренебрежении друг другом, но готовятся или соединиться, или, столкнувшись, разойтись окончательно. История ближайшего будущего, возможно, поведает нам о высоких и роковых перипетиях этого соединения или этого страшного столкновения.

Столкновение кажется неминуемым, соединение — сомнительным и далеким. Но Божие обетование и молитва Христова не могут не быть действенными...».

Так писал о. Диво Барсотти, представляя, в далеком 1948 г., свою книгу «Русское христианство».

За эти последние пятьдесят лет истории, богатой противоречиями, противостояниями, славными событиями и невообразимыми завоеваниями, мы, к счастью, не пережили последствия столкновения, и единения еще нет, но сколь большое расстояние прошли все Церкви по пути экуменизма!

Падение Берлинской стены очень приблизило друг к другу европейские народы, которым, как на Западе, так и на Востоке, по причинам только внешне различным, нужно сегодня избавиться не столько от рабства тела, сколько, главным образом, от рабства духа.

Размышляя над всем этим и перечитывая книги о. Барсотти о русском христианстве и русской духовности, я спросил себя: «Почему нужно издавать по-русски эту книгу о Достоевском?».

Может быть, потому, что в российском обществе, после семидесяти лет принудительного молчания, существует потребность в религиозной литературе, которая могла бы глубоко говорить с душами, алчущими Христовой вести, и подсказать, что Он рядом, что к Нему можно воззвать, дабы Он освободил души от тревог материального мира.

Как полагал Достоевский, наше наследие — завоевание всей вселенной не мечом, а силой братства, наших братских устремлений к единению всех людей.

Ныне, когда отличающиеся друг от друга, а иногда и противоположные миры пытаются встретиться, они могут почерпнуть много ценного в мысли этого великого писателя. И поэтому тоже, как мне кажется, книга, рассказывающая о Достоевском, как о человеке и писателе, для которого Христос был страстью жизни, как никогда актуальна для русских христиан.

Другой вопрос, который возникает у меня, — написал ли бы о. Барсотти о Достоевском, если бы этот сын самой подлинной России, с ее внутренними тревогами, с ее глубокими духовными смутами, выходящими наружу в диалогах персонажей, не потряс его до глубины души.

Безусловно, воззрения Достоевского на человека, на его проблемы, на его жизнь, перспективу, сыграли определяющую роль в духовном преуспевании отца Барсотти. В общем-то, они произвели в нем духовный переворот.

То, что между автором этой книги и Достоевским существует глубокая эмпатия, не подлежит сомнению.

Это обнаруживается, когда, не соглашаясь разделить с Достоевским имманентистскую концепцию Бога, его суровое суждение о католической Церкви («церкви погибших и развращенных народов») и стремление отождествить православие с русским народом, о. Барсотти вместе с тем подчеркивает: чтобы не погибнуть, главное — быть влюбленным в Христа.

«Возможно, меня пробудила от сна его страсть ко Христу, как не пробудил прежде ни Мандзони с его видением Промысла, ни Данте с его богословием», — говорит о. Диво во вступлении.

Христос в центре жизни человека; вера, надежда и любовь как главный двигатель христианской жизни; второстепенность этического измерения — таковы основы христианства, уходящего корнями в мистику русских Отцов.

«Христианин — не добрый человек, а человек искупленный... тот, кто, по благодати Христовой, преодолевает бездну зла».

Достоевский — именно такой тип христианина; он во встрече с Христом избавился от зла, чтобы попытаться достигнуть откровения Божия, которого он не достигает.

Может ли он быть носителем подлинно христианских заветов России, которая, потеряв себя в пути в течение долгих 70 лет, сегодня старается примириться с Богом? Может ли он помочь народу, с надеждой взирющему на свое будущее, одолеть долгую ночь? Думаю, что да. Ведь завет Достоевского таков: человек, который живет в грехе, который живет за гранью институций, но который при этом выбирает центральность Христа, Его несравненную красоту, спасется.

В преддверии новой эры Россия нуждается в твердых ориентирах, в том, чтобы вернуться к своим началам, к земле, к нации, к народу; ей потребно преодолеть ненависть и ложь через смирение и любовь Христову.

Мне хочется завершить эту заметку словами святого Серафима Саровского: «О, как желал бы я... чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божиим! Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечением и печальми житейскими, ибо кто стерпит гнев Его и против лица гнева Его кто станет. ... бдение и молитва приносит нам благодать Его.»

ФРАНЧЕСКО ОСТУНИ

ПЕСНЬ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

*Бог-Отец; Бог-Сын; Бог-Дух Святой
Безмерен Отец; безмерен Сын;
безмерен Дух Святой.
Един Отец; Един Сын; Един Дух Святой,
Един Дух Святой,
Един Дух Святой.*

*В Троице нераздельной
каждый божественный Лик —
— Сила, Премудрость, Любовь.
Каждая Ипостась —
Божество, единое, необъятное.*

*Вся Бесконечность, Единство, что все превосходит —
это есть Дух Святой;
Дар, приходящий из Бездны
и проникающий всё,
Он, нераздельный, единый, Собою всё наполняет,
и всё претворяет в свет.*

*Пусть отныне никто из людей, никакое созданье,
на небе ли, на земле, пред тобою не преклонится:
никто пусть не знает тебя, тобою не восхитится; да не послужит
тебе и не полюбит тебя никто*.*

*Просвещенный Духом,
огнем крещенный,
— девственник, священник, монах —
престол ты Божий:
ты жилище, орудие,
ты свет Божества.*

*Ты Бог:
Ты Бог — Бог — Бог.
Бог в Отце, Бог в Сыне, Бог в Святом Духе:
Ты Бог:
Бог — Бог — Бог...*

Эта песнь приснилась о. Диво Барсотти весенней ночью 1945 г. Уже несколько лет в нем зрело желание прикоснуться к русской православной традиции, узнать о ней больше, познакомиться с русскими святыми. И вот этот сон. Он стоит перед железными воротами, которые сверху увиты цветущими глициниями. Что-то побуждает его позвонить в звонок; он ожидает. Ворота раскрываются, и перед ним возникает восточный монах лет пятидесяти, который не выпускает его дальше и не говорит ни слова, да и сам о. Диво не знает, что сказать. Не двигаясь с места, монах смотрит на него, а он — на монаха, в ожидании, что тот что-нибудь ему скажет. И тогда о. Диво слышит песнь, которая доносится до него из виднеющегося дома: это и была песнь преподобного Сергия. Она заканчивается медленно, многократным повторением имени Божия. Когда последние звуки стихли, ворота затворились, и о. Диво проснулся.

Этот дивный сон он воспринял как знамение и с тех пор не оставляет занятий русской святостью, русской духовностью, русской литературой, которые нашли выражение в многочисленных книгах и статьях.

ЛЕОНИД ХАРИТОНОВ

---

* Очевидно, эту часть Песни следует пояснить. Воспользуемся комментарием самого о. Диво. «Все христианское Предание, как известно, свидетельствует о том, что последняя цель и завершение духовной жизни — уподобление Богу по благодати. Каким же образом творение, мы, получим этого Бога, Который изливается, Который дарует Себя в Святом Духе? Целиком очистив наше существо: чтобы зеркало могло отражать находящийся перед ним образ, ему нужно быть совершенно чистым, не иметь пятен. И вот, в начале второй части Песни, человек призывается к очищению и разума, и воли.

В плане разума: «Никто пусть не знает тебя, тобою не восхитится» — человек должен как бы самоустраниться, сойти в ничто, только ничто может принять Бога. А «ничто» есть бесконечная способность к приятию. Этой способности, чтобы быть бесконечной, нужно освободиться от всякого иного содержания, открыться Богу, Который приобщает ее Себе: «Никто пусть не знает тебя, тобою не восхитится» — это очищение разума. А затем очищение воли: «Да не послужит тебе и не полюбит тебя никто».

ВСТУПЛЕНИЕ

КАКОЙ вес и какое значение может иметь мое слово в бескрайнем ряду публикаций, составляющих библиографию Федора Михайловича Достоевского (1821-1881)? Было бы неумно с моей стороны вступать в состязание с великими, которые вели с ним диалог. Моя задача скромна, но все же довольно важна и даже необходима для меня: мне нужно отдать долг. Да, многим обязан я Достоевскому и должен написать о нем не только в знак благодарности, но и как честный человек. Берущийся за перо пишет прежде всего для себя. Меня мало интересует объективное суждение о моей работе, которое, возможно, кто-то захочет вынести; даже если работа не откроет ничего нового, в любом случае, она непременно откроет что-то во мне и в первую очередь — мне самому.

В ранней молодости я был очень самонадеянным и одновременно поверхностным. Мечтал стать большим писателем, большим поэтом. Читая Достоевского, я усвоил: чтобы стать большим писателем, необходим большой опыт, на который не может рассчитывать человек, не встретивший Бога или хотя бы не познавший пустоту Его отсутствия.

Произведения Достоевского стали для меня вестью, пробудили ото сна. Этого не случилось бы, и Достоевский так не занимал бы меня сейчас, если бы он был для меня только писателем. Но его творчество взывает ко мне и питает меня донныне. С моей стороны было нелепостью считать его писателем и только. Говорят, он не умеет писать. Я не знаю, что значит писать, если написанное ничего не «говорит» читателю. А вот Достоевский говорит — спустя шестьдесят лет после моей встречи с ним. Не стану утверждать, что он научил меня очень многому, но мое общение с ним за эти годы не ослабе-

ло. Другие читатели любят других писателей; для меня вряд ли кто-нибудь из писателей жив в такой же степени, как Достоевский. Возможно, меня пробудила от сна его страсть ко Христу, как не пробудил прежде ни Мандзони с его видением Промысла, ни Данте с его богословием.

Достоевский прямо о Христе не говорит, и тем не менее, Христос — основной и постоянно присутствующий в его романах персонаж. Человеческая жизнь у Достоевского имеет такую глубину, какую, по-видимому, познал он один. Дело не просто в этике. Дело в той драме, которую переживает человек. Бог живет в человеке; Его присутствие преображает человека, наполняя его миром и, главное, смирением любви, но это же присутствие судит его и выносит ему приговор. Незримый, Бог главенствует в повествовании, и роман становится почти священной мистерией. Читая Достоевского, я познакомился с этой глубиной жизни, которая имеет, по сути, религиозный характер, понял, что Бог — живой и что в жизни человек непременно с Ним имеет дело. Мир не ирреален, и люди не призраки, но, как я узнал, за событиями, происходящими с людьми, стоит более истинная и тайная реальность. Каждое событие соотносится с вечностью, каждый человек являет Бога.

Достоевский не просто писатель, пусть даже великий, он — пророк. Через него со мной говорил Бог. Я узнавал Его в муках Раскольникова после преступления, в сострадании и в силе Сони. Меня смущала в «Идиоте» фигура князя, мне казалось, он хочет заменить собою Христа; но я полюбил Его в смирности и кротости Сони из «Подростка», в светлой красоте Макара, почувствовал Его присутствие — не только в смирении Тихона, но и в страшной смерти Кириллова и в приговоре Ставрогину; наконец, я увидел Его в старце Зосиме и в Алеше. Бог все время присутствовал. Его присутствие придавало смысл событиям, давало имя каждому человеку. Безмолвие не было пустым, это было безмолвие Бога, Который наполнял Собою каждое место, каждое событие; и жизнь была в общении с Ним, и смерть была в стремлении отвергнуть Его, в желании отказаться от Него.

ДИВО БАРСОТТИ

Часть первая

ЧЕЛОВЕК
И ПИСАТЕЛЬ

«Я не могу считать Достоевского ни хорошим, ни счастливым человеком... Он был зол, завистлив, развратен, и он всю жизнь провел в таких волнениях, которые делали его жалким и делали бы смешным, если бы он не был при этом так зол и так умен. /.../ Это видно в его романах. Лица, наиболее на него похожие, — это герой «Записок из подполья», Свидригайлов в «Преступлении и наказании» и Ставрогин в «Бесах».

Это строки из письма литератора Страхова Льву Толстому. Трудно вообразить менее благоприятное и более суровое суждение о Достоевском, и в то же время его нельзя назвать ложным, разве что — несправедливым. Как же мы, в таком случае, дерзаем говорить о Достоевском как о христианском пророке? Однако именно приведенное суждение — конечно, не слишком великодушное, но по сути правдивое, — позволяет нам полагать, что Достоевский был великим христианином.

Мог ли, в самом деле, человек, написавший «Записки из подполья», не быть злым? Верно, что произведения Достоевского — отражение его души; как бы мог он написать эти «Записки», если бы не спустился в то подземелье души, где таится зло, и не познал его. Он и сам обвиняет себя: «У меня много недостатков и много пороков, и меня это огорчает, особенно некоторые вещи, и я хотел бы, чтобы груз, тяготящий мою совесть, был полегче». Однако в другом месте он же говорит: «Многие засвидетельствуют обо мне, что я ни разу в своей жизни не предавал. Вы не смогли бы привести обо мне (лично о Федоре Достоевском) ни единого факта, который бы доказывал, что я исказил истину — из соображений выгоды, из желания славы, из себялюбия».

Достоевский, подобно Данте Алигьери, подобно величайшим поэтам всех времен, — человек, не познавший измены; но он познал мрачный ужас зла и вместе с тем — обаяние добра.

Святой живет в свете и нередко не знает ничего, кроме света. Поэтому, даже если, в своем сострадании к миру, он нисходит к людям, они не чувствуют, что он один из них. В то же время все, святые и грешники, одинаково ощущают себя товарищами и друзьями великих поэтов. В Достоевском присутствуют и рай, и ад, он и ангелам друг, и черту товарищ. Правы те, которые считают его злым, но была права и Анна Григорьевна Сниткина, его вторая жена, для которой он был почти святым.

Христианин — не хороший человек; он — человек искупленный. Отцы-пустынники говорят, и все великие учителя христианской духовности повторяют, что основание духовной жизни христианина — в том, чтобы быть попираемым всеми и осознавать себя худшим из грешников. Таким чувствовал себя апостол Павел. Это чувство не было бы христианским, если бы не соответствовало истине. Если человек — христианин, он не может чувствовать, что он лучше кого-то. Каждый человек сам по себе способен на любой грех; и если он избегает падений — то исключительно по Божьему милосердию. Так что, ни у кого нет оснований для самопревозношения. Христианская жизнь должна засвидетельствовать силу искупления. Именно поэтому человек являет эту силу в той мере, в какой его жизнь становится победой над всяким грехом, реальным или только возможным. Грех становится условием милосердия, и отношения Бога с человеком не имеют иного основания, кроме Его бесконечного милосердия. Поэтому-то свидетель Христов — тот, кто по благодати Христовой оказывается по ту сторону бездны зла.

Достоевский это сознавал. Никто полнее, чем он, не изведал сомнения, никто в такой степени не испытал непобедимую притягательность зла, никто, быть может, не падал ниже, чем он. Было замечено, что исповедь Ставрогина епископу Тихону — это исповедь самого писателя, а обвинение Шатова

— косвенное самообвинение Достоевского. Подобно любому истинно великому писателю, автор «Бесов» в каждом романе пишет о себе и раскрывает себя. Но именно поэтому, не умалчивая о своих заблуждениях, скажем больше, — о своих уклонениях, он не отказывается явить нам и все то, что, на долгом и трудном пути, совершилось в его жизни милостью Божией. О воспоминаниях второй жены говорят, что они носят чуть ли не агиографический характер; может быть и так, но, как известно, человека знает тот, кто его истинно любит. Несомненно, в Ставрогине или в Свидригайлове можно уловить какие-то черты писателя, но столь же очевидно, что в самых светлых персонажах «Подростка» и «Братьев Карамазовых» представлен тот идеал, к которому стремился Достоевский в последние годы жизни. В этой связи интересно отметить, что ему не удалось запечатлеть образ Христа в «Идиоте», в то же время большой христианской глубиной отличается учение старца Зосимы, большой духовной красотой — фигура Макара в «Подростке», высокую духовную жизнь обещает Алеша в «Братьях Карамазовых». Кроме того, явно автобиографична, в «Преступлении и наказании», история обращения Раскольникова: этим обращением он обязан Соне, а на жизнь самого писателя, надо признать, важное, очищающее влияние оказала его вторая жена. Путь к Богу, который совершил Достоевский, был пройден им не столько под воздействием Церкви и ее таинств, сколько благодаря кроткой и терпеливой любви жены. Но жена писателя не могла бы оказать на него никакого влияния, если бы он с юности не был влюблен в Христа. Образ Христа сопровождал его в течение всей жизни, и вся его жизнь стала путем к вере.

Прямой источник христианского свидетельства в творчестве Достоевского — победа, которую одержала над ним благодать Христова. Если угодно, именно то, что писатель по натуре был велик и во зле, придает величие его религиозному свидетельству. Он бесконечно возлюбил Иисуса Христа, и Иисус его спас. Достоевский не просто не был добр; в нем как будто сосредоточились все зло и весь грех. Но из этой бездны злобы и извращенности его вызволила благодать, обретенная

в страстной любви ко Христу. Иван Сергеевич Тургенев мог возмущаться тем, что русские архиереи служили панихиды по Достоевскому, но что знал Тургенев о христианстве? В действительности именно Достоевский — один из величайших свидетелей христианства в мировой литературе.

Следовало бы посвятить особое исследование тому драматичному пути, что привел его к высокому свидетельству веры, которым он окончил свою жизнь. По воспоминаниям жены, смерть Достоевского была легкой: умирная душа предала себя Богу. Нет достаточных оснований для того, чтобы не принимать записанного в мемуарах Анны Григорьевны. Его смерть была смертью настоящего христианина.

Было бы важно выявить в произведениях Достоевского то, что он берет из событий своего времени, связь его персонажей с реальными лицами. Он по-видимому точно воспроизводит черты некоторых известных людей, но эта точность не исключает художественного преображения. Во встрече Ставрогина с епископом Тихоном, происходящей в «Бесах», писатель даже не захотел изменить имя епископа: перед нами — достаточно достоверный портрет святителя Тихона Задонского. В этом же ряду — упоминание о враче Гаазе, который не канонизирован, в частности, как католик, но заслуживает канонизации; человек беспредельно самоотверженный, он сделал свою жизнь подвигом любви, оказывая поддержку, помощь и утешение людям, приговоренным к ссылке в Сибирь.

Достоевский говорит о нем во второй части «Идиота», но не называет его. В этих двух случаях реальные лица, которых имел в виду Достоевский, может быть, еще крупнее, чем соответствующие персонажи.

Чаще всего Достоевский берет из жизни события вполне обычные или людей более или менее дюжинных; однако он не связан прототипом. Под его пером человек преображается и приобретает глубину, свойственную душе автора. В самом деле, хотя всякое произведение автобиографично, мало найдется писателей, которые в такой степени присутствовали бы в своих творениях, как Достоевский. Он сам по себе целый мир — с огромным, почти бесконечным множеством столь несочетающихся

и одновременно столь драматично уживающихся в его душе черт. Действующие лица его романов потому такие поразительно живые, что изображает он себя самого и живет в них, со всей силой своей страстности и со своим стремлением к добру.

Никем больше, чем им, не владел бес сладострастия, страсть к игре, гордость, и, вместе с тем, никто больше, чем он, не любил простоту, смирение, чистоту сердца. Он не только созерцал красоту духовной жизни, он тянулся к этой красоте, алкал ее. В романах мы находим обширный «набор образчиков» человеческого рода и свидетельство о существовании в каждом множестве душ.

Достоевский и в самом деле был миром. Может быть, то же самое можно сказать и о всяком из нас, но почти никогда человеку не удастся выразить себя самого во всех реальных возможностях, имеющих в его душе. Он познал грех и пережил ад, но познал также и рай и возжелал войти в него. То, что пишет Страхов — правда, но истинны и воспоминания второй жены. Обычно литературоведы ставят их не очень высоко; они видят в них агиографический уклон. А я думаю, что не погрешает против истины и та, которая его любила, потому что никто не знает человека лучше, чем тот, кто его любит.

При жизни Достоевский, безусловно, не получил от своих соотечественников того признания, которого заслуживал; да и ему самому не приходило в голову ставить себя вровень с Толстым. Достоевский разделял всеобщее почитание яснополянского писателя. Однако между этими двумя писателями и личностями пролегает пропасть. Толстой велик (хотя у него нет того уровня глубины, который мы находим у Достоевского), но им властвует демонская гордыня, — настолько, что он чувствует себя вправе исправлять Евангелие. Достоевский умел любить Христа так, как не было дано Толстому, который поставил себя над Церковью, — естественно, несколько в этом не раскаиваясь. Достоевский может показаться более нелюдиным и гордым, но у него есть и свое смирение — смирение человека, умеющего любить. Он любил свою вторую жену, любил Христа. Кое-кто, после его смерти, возмущался позицией Церкви, которая пожелала в награду за верность отслужить

по нему торжественную панихиду. Но на самом деле возмущение проистекало из нежелания, чтобы великий писатель был признан верным сыном Церкви. Критики Достоевского всегда плохо переносили его величие, но особенно убоги те читатели и критики, которые вовсе отказываются признавать его великим.

Он истинный пророк христианства, которое всегда ново, если подлинно.

Достоевский — писатель, вызывающий противоположные реакции; никто не может остаться равнодушным к его гению: или он завоевывает души, или отторгается ими. Доводы, которыми иные объясняют свое неприятие Достоевского, лежат, как представляется, вне области эстетики; эстетические претензии лишь вуалируют истинные мотивы отторжения. На деле у неприятия Достоевского более глубокие корни. Его творчество или покоряет людей, или вынуждает их защищаться. Писатель навязывает людям видение мира, которого многие не могут, а главное не хотят принять: из страха, что оно перевернет всю их жизнь.

Достоевский — религиозный писатель, величайший за последние века. Многие писали о нем, многие еще напишут. Анализ его великих романов едва ли может исчерпаться. Человеческий мир его произведений обнаруживает такую глубину, которая, по мере того, как проникаешь в них мыслью, видится все более недостижимой. Однако реакция читателя так или иначе затрагивает бытие; читатель должен выбрать мир, который не замкнут на себя, не самодостаточен, но понятен лишь в той мере, в какой указывает на другую реальность и к ней подводит; поэтому-то Достоевский привлекает и отталкивает, а нередко — привлекает и отталкивает одновременно.

ВВЕДЕНИЕ В РОМАНЫ

«**П**РЕСТУПЛЕНИЕ и наказание» — первый из великих романов и, возможно, самый совершенный с точки зрения единства композиции. В центре всех страстей — главное

действующее лицо; все события выстраиваются вокруг преступления и наказания Раскольникова. Разумеется, в последующих романах у Достоевского будет возможность вернуться к основным темам «Преступления и наказания» и разработать их более глубоко, раздвинуть свой горизонт. Без сомнения, писатель все больше осознает собственную миссию по отношению к народу. Жизнь одного человека в дальнейшем уже не будет темой его романов; человек, находящийся в центре повествования, будет или образом Христа — во спасение, или орудием лукавого — на погибель. Постепенно усиливается пророческий характер его творчества; писатель чувствует, что на него возложена задача быть путеводителем для своего народа, помочь ему осознать свою миссию. Так в творчестве все явственнее проступает религиозный характер писателя, хотя он вполне различим уже в «Преступлении и наказании». Здесь религиозность прослеживается в жизни одного человека, впоследствии же: в жизни народа и города: это очевидно, во всяком случае, в «Бесах» и в «Братьях Карамазовых». Отчасти также и в «Идиоте».

В «Преступлении и наказании» (1866) добро и зло сталкиваются в душе двух главных действующих лицах романа, Родиона Раскольникова и Сони. Преступление обособляет Родиона от других, как обособляет Соню ее положение проститутки. Другие персонажи не столько взаимодействуют с этими двумя, сколько живут своей независимой жизнью, фактически создавая роман в романе. Это сестра Родиона, Дуня, и соотносящиеся с нею, с одной стороны, Лужин и Свидригайлов, и, с другой стороны, друг Родиона, Разумихин.

Во втором романе, «Идиот» (1868-1869), на первом плане князь, рядом с ним — Рогожин, которого связывает с князем одновременно дружба и ненависть. Много говорилось о том, что Достоевский хотел дать в этом романе образ Христа, но нам кажется, что скорее он хотел представить в действии два вида любви — любовь-сострадание и любовь-страсть; в обоих случаях объект любви — Настасья Филипповна.

Третий роман, «Бесы» (1871-1872), в высшей степени пророческий, — широкая картина зла.

Зло в его крайнем развитии приносит смерть. Герой романа — Ставрогин; зло убило его душу, которая уже неспособна желать, потому что более неспособна любить.

Но гений зла, одержимый страстью разрушения и смерти, это Петр. Два друга, преданные Ставрогиным, — Шатов и Кириллов. Едва намечено присутствие Тихона, который живет в стороне.

Четвертый роман, «Подросток», (1875) — наименее удачен. Его герой — мятущийся дворянин, но в его доме мы встречаем другую Соню, похожую на Соню из «Преступления и наказания», но не столь решительную и сильную; светлее — умиротворенный Макар, старый слуга, который, освободившись от всех земных привязанностей, пустился на поиски Бога.

Пятый, «Братья Карамазовы» (1879-1880), это незаконченное произведение, долженствовавшее стать пророческой книгой. Достоевский — писатель эсхатологический. Наступит ли Царство Божие на земле? Сказанное писателем позволяет нам предощутить грядущее Царства Божия; но в своем незаконченном виде произведение дает нам картину человечества, точнее России того времени, разделенной между западниками и славянофилами. Главные действующие лица три брата. Преступление, превосходящее все прочие, — отцеубийство. Ответственность за него лежит на Иване, русском, воспитанном на западной культуре; Митя — плоть от плоти России, которая, сохраняя пока дикость и необузданность, скрывает в себе огромное множество человеческих и христианских ценностей. Алеша, младший брат, — связующее звено между средним и старшим братом; ему назначено нести людям в мир чистый образ Христов. Наступит ли благодаря этому Царство Божие на земле?

Отцов в романе двое: Федор, которого убивают, и старец Зосима, духовный отец Алеши.

ПОСТОЯННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

ДОСТОЕВСКИЙ постоянно возвращается к одним и тем же темам, композиционным приемам, повторяет одни и те же

ситуации. Но именно это позволяет нам следовать за писателем, все более овладевающим своим ремеслом, и главное, это позволяет нам разглядеть эволюцию его мысли и его продвижение по пути веры. Собственно, следя за тем, как он проходит этот путь, мы и постигаем, как медленно и неуклонно совершалось истинное обращение Достоевского к христианству.

Из пяти великих романов подлинное и пророческое христианство выявляется, во всей своей красоте и силе, только в первом и в последнем — в «Преступлении и наказании» и в «Братьях Карамазовых». В первом романе уже присутствуют, причем полноценно, а не как некое обещание, тот опыт и свидетельство веры, которые обнаруживаются и в последнем. Так часто бывает: молодость предвосхищает и определяет будущий жизненный путь; так же и первое произведение писателя или первое стихотворение поэта предвосхищают и содержат в себе все его грядущее творчество. Бывает и так, что автор возвращается к своему первому творению, пытается его усовершенствовать, но итоговый текст не выдерживает сравнения с первоначальным вариантом. Писатель получил возможность свободно развернуться и развить свои мысли, но оказывается, что юношеский набросок не оправдывает тех обещаний и надежд, которые на него возлагались. «Преступление и наказание» — это, однако, не набросок и, в отличие от «Братьев Карамазовых», законченное произведение.

Чем крупнее писатель, тем больше он повторяется. Он чувствует, что никак не может высказаться до конца; слово недостаточно наполнено, когда за ним не стоит интуитивное прозрение. Писатель чувствует живо и неотступно свою миссию — передать читателю то видение, которое приоткрылось ему в глубине души, но чем больше он пишет, тем острее ощущает, что жизнь, которую он хочет дать почувствовать другим, ускользает от него, во всяком случае, отчасти.

У Достоевского романы постоянно перекликаются друг с другом. Персонажи, заговорившие и ожившие под его пером, имеют много общих черт. Автор как будто даже переносит из одного романа в другой одно и то же действующее лицо: он

углубляет, обогащает образ, но персонаж, в сущности, все тот же. Сказанное о персонажах относится и к темам.

В какой степени Алеша напоминает князя Мышкина из «Идиота»? В какой степени Федор Карамазов повторяет Свидригайлова? Какая связь существует между Раскольниковым и Иваном Карамазовым? И как соотносятся между собою Соня из «Преступления и наказания», Соня из «Подростка» и Софья Матвеевна из «Бесов»?

Начнем с «преступления». Роман построен на преступлении. Это очевидно в «Преступлении и наказании», а также в «Идиоте», завершающемся преступлением. В «Братьях Карамазовых» и в «Бесах» преступление служит развязкой романа. В этих двух последних романах преступление совершается тем, кто верит или знает, что сознательно подчиняется воле организатора, более или менее отдающего себе отчет в своих действиях. В этих романах у вдохновителя преступлений, перед ними и после них, появляются галлюцинации. В «Преступлении и наказании» галлюцинации возникают у самого убийцы, но Достоевский, веря, что это галлюцинации, вместе с тем, знал, что на деле посылает их дьявол, который, через преступление, как бы овладевает человеком. Слова епископа Тихона в «Бесах» отражают то, что думает сам писатель. Достоевский действительно визионер: под реальностью этого мира он видит иную, потаенную и более истинную реальность; к раскрытию этой-то реальности он постоянно и пытается подойти через повествование.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ

РЕЛИГИЯ Достоевского состоит в его представлении о человеке. Сквозь человека в его романах проглядывает или Бог, или лукавый; в любом случае, в человеке таинственно выявляется мир, выходящий за пределы замкнутой на себе природы. Человек преодолевает природу и возвещает иную реальность. Реальность добра в святости Сони, Макара, старца, и, вместе с тем, — в вере смиренных и грешных, которые,

сознавая свою греховность, уповают на Божие милосердие; и реальность зла в жизни по лжи, в воле к разрушению и к смерти. И в Петре Верховенском, и в духовной смерти Ставрогина Бог и лукавый выходят на первый план как главные действующие лица произведения. Это лукавый подстрекает человека ко злу; пусть тот и не совершит зла, враг Божий все равно сделает «подшефного» виновным — ведь тот стремился ко злу, или воспользовался услугами других людей, чтобы совершить дурное; это лукавый исполняет человека удовольствием и радостью от падения святых, зажигает в сердце девочки Лизы ненависть и безрассудное стремление к разрушению и смерти. Бог же не перестает взывать к совести преступника, покуда тот не обретет в покаянии прощение и мир; Бог живет в сострадании Сони к Раскольникову, в ее безграничной любви к братьям, Бог живет в милосердии и простоте князя Мышкина, в душевном покое Макара, странника, который уже перестал странствовать и спокойно ожидает смерти.

Насколько иной выглядит человеческая природа в романах Тургенева, Толстого! Сколь явно не хватает человеку в их произведениях того измерения, которое наиболее существенно для Достоевского, — глубины! Федор Михайлович нисходит в сердечные бездны, где обитают грех и благодать, и видит грех, развращающий и разрушающий человека: Петр предстает человеком лжи, но Достоевский созерцает, с некоторым удивлением, и действие благодати, которая преображает другого человека — Алешу — в чистое средоточие света. Человек был сотворен по образу Божьему, но соответствует истине и то, что дьявол сделан по образу человеческому (черт сам признается в этом Ивану).

Рай и ад существуют только в сердце человеческом; поэтому рай уже здесь, и человеку достаточно об этом знать, чтобы пережить радость любви, которая все объемлет и дарует братское чувство ко всему; но и ад уже здесь — для человека, отвергшего любовь. Он живет, не умея более любить, в пустом одиночестве. Таков Раскольников, пока он пребывает в рабстве у своего преступления. Но переход от ада к раю может совершиться в одно мгновение; для этого человеку нужно

только осознать и исповедовать свой грех, достаточно акта покаяния. Это — о Раскольникове, но это могло бы произойти и со Ставрогиным, если бы, как полагает епископ Тихон, он был готов гласно и со смирением исповедаться в своем грехе.

Тогда словно разорвалась бы завеса и человек почувствовал бы, что он принят в мир Божий. Однако бóльшая часть «видений» — из мира ада. Лукавый ничуть не уважает человека, он как будто забавляется, унижая его, Господь же расширяет сердце человека и приобщает его к Своей радости. Если человек, во Христе, стал последним откровением Божьим, то мы должны признать также, что, возможно, нет писателя, который бы в большей мере, чем Достоевский, дал нам «почувствовать» тайну человека, бездонную глубину его опыта. Ответственность за каждый его поступок — непрестанно действующий Божий постулат. Бог не оставляет человека.

СТРАШНЫЙ СУД

КТО-то сказал, что величайшие литературные творения мира — словно досрочный суд над всем человечеством; и в самом деле, как будто все человечество явлено в романах Бальзака, в трагедиях Шекспира, в «Божественной комедии» Данте, как и в романах Достоевского. Все человечество целиком живет в этих романах, человечество, которое, на последней глубине, несет в себе всю полноту добра и зла. Человек есть или образ Божий, или наоборот — образ зверя и воплощение лукавого. Сила гения Достоевского владычествует над этим миром, творя суд над каждым человеком, который появляется в его произведениях. Этот суд, проходящий через все творчество писателя, наделяет это творчество удивительным единством идеи и содержания.

Глубинный смысл творчества Достоевского обнаруживается в персонажах его романов. Величие писателя — и в богатстве, жизненности многочисленных действующих лиц, населяющих романы. И именно потому, что персонажи необыкновенно

венно правдоподобны в своей жизненности, они могут, в большей степени, чем абстрактное доказательство, приобщить нас к той сокровенной вести, которая в них заключена, — вести о Христе. Христианское благовестие, конечно же, нельзя поставить в зависимость от движений человеческой мысли, но все же можно сказать, что Достоевский — писатель, которому, в прошедшем веке, возможно, удалось лучше, чем кому либо, истолковать и обновить для людей весть Христову.

Романы Достоевского увлекательны не чистым повествованием о событиях; повествование дает нам метафизическое и религиозное видение всей реальности и главное — жизни людей.

Достоевский вдохновляет философов, его изучают психологи, им интересуются богословы. Нет числа тем, кто вчитывался в эти романы, чтобы попытаться объяснить их обаяние, истолковать их. Крайне мало тех, кто сумел, подобно Достоевскому, спуститься в бездны человеческого сердца, и именно поэтому совсем немногие сумели больше, чем он, рассказать нам о человеке как центре всего, о бездонности и о беспредельности его жизни.

ВРЕМЯ ШЕДЕВРОВ

ПЕРИОД наиболее плодотворной литературной деятельности Достоевского открывается небольшой книгой «Записки из подполья» (1865) и завершается огромным незавершенным романом «Братья Карамазовы» (1879-1880). От этих пятнадцати лет нам осталось гигантское наследие — не по количеству произведений, а по творческой мощи и богатству.

Среди всех творений этого периода следует выделить пять романов: «Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток», «Бесы», «Братья Карамазовы». Возможно, самый совершенный из них — первый, но поражают своей пророческой силой «Бесы»; несравненно грандиозен «незаконченный роман» о Карамазовых. И в существующем незаконченном виде последний роман — самое обширное из всех произведений,

созданных Достоевским. В «Бесах» писатель прозрел картину мира, где торжествует зло, ему не хватило времени на то, чтобы пророчески возвестить о явлении нового мира, где торжествует добро.

АВТОБИОГРАФИЧНОСТЬ

ДОСТОЕВСКИЙ подобно Данте совершает странствие по аду, чистилищу и раю, но странствие русского писателя не ведет его из одного места в другое, ибо мир романов Достоевского всегда один и тот же: это не то место, где собираются души после смерти, а посюсторонний мир, город, населенный живыми людьми. Странствие Достоевского это его сошествие в бездны человеческого сердца: и ад, и рай человек носит в себе. Достоевский в самом деле познал ад и, может быть, познал рай. В своем человеческом опыте он спустился в самые мрачные бездны сердца: он познал бурю сомнений, бунт против закона, неистовое половодье всевозможных страстей, его томили гордость и сладострастие. Иные видели в нем исключительно человека «подполья» и не умели, или не хотели увидеть в нем человека, который все же восстал от бездны, человека, как будто уже осиянного светом зари, душу, которая с верою открылась надежде. Был ли он злым? Был ли он добрым? В своем человеческом опыте он познал ужас зла, но он же, в беззаветной любви ко Христу, познал чистую сладость умиротворенной жизни.

Автобиографичность романов позволяет нам приобщиться к этому неслыханному богатству: ничто не могло укрыться от их автора; да, он испытал дикое неистовство зла, но он познал и восторг красоты и любви. Достоевский это Ставрогин, это Рогожин, это князь Мышкин, это Митя, это Иван и Алеша. Пять романов, эта новая «Божественная комедия», должны были завершаться рассказом о деятельности Алеша, который, в отличие от князя Мышкина, исполнил бы свою миссию мира и спасения. Хотя Достоевский не успел окончить «Братьев Карамазовых», все же можно сказать, что главная мысль,

проходящая через его романы, весть, которую они несут читателю, — весть надежды и спасения во имя Христа, Которого писатель возлюбил с юных дней. Свидетель о человечестве, потерявшем веру, он является, возможно, величайшим свидетелем Христовым в современной литературе. Ни в чьем творчестве мы не найдем столь же универсального мировидения. Мир, в котором действуют персонажи Достоевского, узок, иногда он может даже показаться закрытым, но писатель показал нам, что одна единственная душа больше целого мира, что она скрывает в себе бездны злодейства и может знать высокую жажду чистоты и добра. Эта душа, которая исповедуется всеми пятью романами, есть сам Достоевский: он действительно познал крайний предел нравственного падения и вместе с тем — верность любви ко Христу, любви к смиренным и кротким, живому стремлению к чистоте и святости.

Его романы открывают нам намного больше, чем, быть может, сам Достоевский намеревался сказать. Есть ощущение, что гений это орудие некой воли, которая им руководит, причем он не знает, куда ей угодно его вести. Он ли это или это некто, превосходящий его? Некто или нечто, частью кого или чего он является и который или которое больше его? Теория поэтического вдохновения как будто смежается с богословским учением о боговдохновенности священных книг. Существует ли действие Духа, которое направляет события и руководит великими поэтами? Творчество Достоевского словно составная часть какой-то бесконечности. Чем больше мы его читаем, тем более глубоким предстает текст и неисчерпаемым — его смысл. Наивно полагать, что кому-то удастся разгадать его тайну, и все же никто не может удержаться от попытки его интерпретации, потому что действительно кажется, что этот текст может каждому сказать предназначенное ему слово, подобно слову Божьему, в котором заключено столько смыслов, сколько людей, к которым оно обращено.

Сам поэт иногда чувствует, будто в него «вселяется Бог», что созданное им было ему надиктовано, что он — тот, кому назначено передать другим некую весть; таков Леопарди в «Песни лесного петуха», таков Рильке в «Дуинезских элегиях»,

таков Ницше в «Афоризмах», таков Достоевский в своих романах.

Разумеется, я не имею намерения ставить на одну плоскость священные книги и наиболее выдающиеся поэтические произведения, однако, мой долг — признать, что в истинной, великой поэзии человека как будто ведет некто другой, — необязательно Дух Божий, возможно даже дух зла. Но в любом случае существует вдохновение, которое обосновывает то, что было сказано уже столько раз: творение художника может быть выше его как человека.

ЕГО ЗАВЕТ

ДОСТОЕВСКИЙ написал много повестей: «Записки из мертвого дома», «Униженные и оскорбленные»... Но как вывести из них чудо последних пяти романов? Между первыми повестями и этими романами, можно сказать, пролегла пропасть. В Италии нечто подобное являет нам творчество Верга. После нескольких весьма посредственных романов вдруг, без видимой связи с ними, у него выходит в свет его шедевр «Семья Малаволья», после чего чудо продолжается: выходят рассказы и «Мастро Дон Джезуальдо». У Достоевского также пять романов стоят особняком. Вряд ли удастся расположить их по порядку, проследить внутреннее развитие от одного к другому. Их единство — не тематическое и не стилистическое. Но что же тогда объединяет их и, в конечном счете, отличает от всех прочих романов и повестей? Не темы и не стиль, а в первую очередь — особый «мир», которого в других произведениях не было.

Разумеется, эти пять романов возникли не на пустом месте, но мы должны признать их особое внутреннее единство. В других писаниях автор нередко соскальзывает в гротеск, изображает бездушный мир. Принимая во внимание глубину, полифоническое богатство пяти романов, мы осмелимся утверждать, что в свое последнее двадцатилетие писатель стал другим человеком.

Пять романов — нечто большее, чем художественное произведение огромной ценности; они являются заветом и задуманы

как завет. Достоевский выступает в них не просто как великий художник, а как человек, который словно облечен некой миссией, который чувствует, что обязан безотлагательно сообщить людям, и прежде всего своему народу, существеннейшие истины, несущие в себе и некий пророческий заряд. Он будто предвидит время беспорядков, потрясений, и главное — разрушения и смерти. Он чувствует, сколь велика ответственность господствующего класса — писателей, политиков, — который оторвался от простой и смиренной народной веры. Неверие привело к тому, что оказались подорванными все ценности, отвергнутой нравственности: только вернувшись к вере, человечество сумеет справиться с этим испытанием. Романы Достоевского населены людьми, которые одержимы всевозможными страстями, в развитии сюжета, как правило, первостепенную роль играет преступление, но одновременно Достоевский видит в святости женщины могучее средство искупления человека; другое такое же средство — святость монашеского христианства, которое должно будет однажды ворваться в мир и широко по нему распространиться.

В основе величия и единства пяти романов — их сакральная направленность. Вне всякого сомнения, Достоевский — один из величайших писателей, но как писатель он не выше Толстого; его величие иной природы. Знал ли сам Достоевский, что он последний провидец и пророк? Да, конечно, он осознал себя таковым в последнее пятнадцатилетие, причем это самосознание становилось все острее, на пути от «Преступления и наказания» к «Бесам» и далее к заключительному роману «Братья Карамазовы».

Россию совратила Европа? Писатель призывал своих соотечественников полюбить народ и землю. Слишком часто его соотечественники числили себя учениками просвещенной Европы или даже отрекались от связи с родной землей, пускаясь в скитания по европейским странам, или, хуже того, покидали родину и поселялись навеки вдалеке от источника собственной традиции.

Только Россия, по мнению Достоевского, познала истинный лик Христов. Когда Россия принесет миру в дар Христа, человечество освободится от чудовищ и извергнет яды, которые ныне угрожают его жизни. Русский народ будет народом-богоносцем.

Часть вторая

ПЕРСОНАЖИ
ПЯТИ ГЛАВНЫХ
РОМАНОВ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

ЭТО первый из пяти великих романов Достоевского и самый совершенный с точки зрения композиции. От начала к эпилогу действие развивается просто и последовательно. После первых страниц, которые предшествуют преступлению (не просто предшествуют, а делают его почти неотвратимым), истинным содержанием рассказа, по сути дела, становится одно — анализ «наказания», следующего за преступлением.

В сущности, роман представляет собой историю преступления, к которому приводит навязчивое искушение. Совершив преступление — убийство старухи-процентщицы и ее безответной сестры, случайно возвратившейся домой сразу же после того, как Раскольников расправился со старухой, — герой романа подпадает под власть страха, воспоминания-кошмара, которое заставляет его вернуться на место злодеяния. Не угрозы совести движут им, а чувство неудовлетворенности, желание оградить себя от тех, кто может выведать у него ужасную тайну. Ни сестра, ни мать не могут избавить убийцу от одиночества. И только Соня, юная женщина, не дерзает, несмотря на то, что преступление Раскольникова ужасает ее, осудить беззаконника; бесконечное сострадание помогает ей облегчить ему бремя одиночества. Именно Соня делает целью и смыслом своей жизни его спасение. Вооружившись бесконечным терпением, любовью, беспредельным состраданием, поразительной чуткостью, она становится все более необходимой Раскольникову, хотя он упорно не хочет уступать ее любви.

Соня последует за осужденным Раскольниковым в Сибирь, и ее чистая, бескорыстная любовь сумеет все же исторгнуть из сердца убийцы слезы и возродить его к новой жизни.

В романах Достоевского много необычайных женских образов, но ни одна из его героинь не достигает духовной красоты хрупкой Сони, которая, возможно, являет собой высочайшее духовное творение писателя.

Есть в «Преступлении и наказании» и другие действующие лица, но они остаются на втором плане. Их задача — помочь нам заглянуть Раскольникову в душу и увидеть, что он совсем не циник и не негодяй. Конечно, хуже его Лужин, не совершивший никакого преступления, но погрязший в эгоизме и лишенный какого бы то ни было нравственного чувства, хуже его и Свидригайлов. С другой стороны, сестра Раскольникова исполнена благородной гордости и достоинства, а Разумихин отличается самоотверженной верностью в дружбе. Как видим, Раскольников, действительно, находится в центре повествования. Конец его душевной муке придет, когда он сумеет поверить в Бога так же, как верит в Него Соня. Тогда он признает свой грех, и сердце его сможет открыться любви. Герой романа — Раскольников, но неявный, тайный герой — сам Господь Бог, Который предоставляет человеку свободу, но не выводит его из-под власти нравственного закона; только когда человек открывается в покаянии, Бог может дать ему новую жизнь.

«Преступление и наказание» — роман проблемный, как, отчасти, и «Братья Карамазовы»: «если Бога нет, все позволено», — говорят эти люди; но Бог есть, а преступление не позволено. Человек не может нарушить закон, не разрушая самого себя.

Так обязательность нравственного закона доказывает существование Бога.

Достоевский прежде всего писатель, один из величайших, но именно поэтому он — писатель религиозный. Искусство не безразлично к человеческой религии. Величие человека — в его связи с Богом, почему и величайшими произведениями искусства являются те, в которых человек изображается в своей связи с Ним. Эта связь никуда не исчезает и тогда, когда человек хочет ускользнуть от Бога, отстоять свою независимость, хочет быть хозяином самому себе. Поэт заканчивает тем же, чем начинал.

Первый великий роман «Преступление и наказание» уже предвещает последний — «Братья Карамазовы». основополагающая проблема, не отпускавшая Достоевского все эти годы, — та, что стоит в центре этих двух романов. Является ли нравственный закон детищем человека или, напротив, подчиненность человека нравственному закону есть доказательство бытия Божия? По-видимому, для Достоевского, как и для Ньюмена, самым веским доказательством бытия Божия является невозможность для человека почувствовать себя свободным от нравственного закона, т.е. стать хозяином самому себе; в случае, представленном Достоевским в романе, — суметь убить человека, не ощущая за собой вины. Тезис, который должен служить поддержкой героям романов, один и тот же: «Если Бога нет, все позволено». Но произведения Достоевского доказывают обратное: Бог существует, потому что человек не может нарушить нравственный закон, не впадая в безумие. Родион в «Преступлении и наказании», Иван в «Братьях Карамазовых» находятся в центре повествования: их преступления их же разрушают.

К косвенному доказательству нравственного закона добавляется положительное доказательство: любовь. Преступление доказывает, что Бог существует, потому что человек не может нарушить нравственный закон, не разрушая самого себя. Когда же мы встречаем любовь, мы встречаем Бога. Об этом аспекте любви рассуждает Степан Трофимович в «Бесах». Тому, что любовь есть путь к Богу, учит старец Зосима в «Братьях Карамазовых» во время разговора с женщиной, признающей в неверии. Средство от неверия — активная любовь. Любящий человек не может сомневаться в существовании Бога. Тот, кто любит, знает Бога, говорит апостол Иоанн.

Знаменует ли «Преступление и наказание» обращение Достоевского? Можно ли назвать этот роман в какой-то мере автобиографичным? Разрыв с прошлым, проявившийся в осуждении всякого революционного действия, и особенно революции, замешанной на крови; возникшая преданность царю и отношение к цареубийству как к святотатству, а также сближение с православной Церковью — все это красноречиво

свидетельствует о том, что обращение действительно совершилось в жизни Достоевского. Обращение не от революционной идеологии к консервативной; обращение прежде всего религиозное. Об этом говорит его всепоглощающая любовь к Евангелию — книге, которую он получил в острожной бане и с которой уже никогда не расставался. Достоевский — верующий, и его Бог — Иисус Христос. В «Преступлении и наказании» решающая, поворотная страница посвящена чтению о воскресении Лазаря из Евангелия от Иоанна. Достоевский почувствовал, что вера в Христа обновляет его жизнь. Он уже мог описать преступление и тем более наказание за него — состоявшее отнюдь не в каторжных работах (приговор даже избавил писателя от кошмара, который преследовал его в заключении до вынесения приговора), но он еще не мог рассказать о жизни, следующей за обращением. Роман безусловно имел автобиографический характер. Автор стремился сделать его свидетельством того обновления, которое произошло в нем, — причем произошло именно там, где так легко опуститься от каждодневного общения с закоренелыми преступниками. Но о жизни после обращения он еще не был готов рассказать. Этой жизни он хотел вкусить, но она оставалась для него пока лишь желанной и ожидаемой. Писатель все еще нес тяжкий груз страстей, первой из которых, но отнюдь не единственной, была страсть к игре. Да, полного, бесповоротного обновления жизни не получалось, но обращение уже сказалось в его внутренней позиции, в новом мировосприятии. Христос теперь озарял ему путь; осознавая свой грех, писатель становился более смиренным, более способным слышать и любить.

РОДИОН РАСКОЛЬНИКОВ

СНАЧАЛА целый месяц Раскольникова преследует мысль о необходимости совершить убийство, похожая на кошмарный сон; он никак не может отвязаться от воображаемой картины будущего поступка; затем внезапно мысль о нем овладевает им совершенно, требуя своего скорейшего осуществления. Это повергает Раскольникова в ужас, но избавиться от мечты он

не в состоянии. В качестве последнего средства молодой человек прибегает к молитве: «Господи, — молит он, — покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!».

Мать и сестра живут для него, и для него же, быть может, сестра приносит себя в жертву, собираясь выйти замуж за человека, которого она не уважает и не любит. Раскольников — студент, и у него нет денег на продолжение учебы, на то, чтобы одеться поприличнее. Комната, где он живет, это, в сущности, низкий и тесный чердак. Брак сестры, о котором написала ему мать, должен был бы доставить ему средства для продолжения учебы, но Раскольников не может принять жертву сестры, не должен допустить ее. Что же делать? Выход, как будто, один. Жадной и подозрительной старухе-процентщице он оставил в заклад часы, чтобы получить хоть какие-то деньги. Он — молодой, отчаявшийся, она — старуха, безжалостная и омерзительная в своем эгоизме... Да, он видит только одно решение... Разве не слышал он как-то прежде, что даже преступление может быть оправдано, если оно — условие, от которого зависит, сумеет ли человек совершить в жизни нечто великое, полезное для людей? А надо-то всего лишь устранить никому не нужную старуху, наживающуюся на чужой бедности.

Раскольников сражается с соблазном, но его сопротивление все слабее, а соблазны все неотразимее. Как устоять? Тоска и отвращение мучают молодого человека, душа его противится преступлению, и все же как будто ничто иное уже не способно помочь ему избавиться от навязчивой мысли, которая в его воображении приобретает все более реальные очертания.

Пока продолжается искушение, Раскольников, разумеется, имеет власть отказаться от преступления, мы же получаем возможность предугадать, какими будут последствия преступления. Молодой человек добр, великодушен, искренен, умен... Именно эти достоинства так сильно осложняют ему жизнь после преступления. Преступление разрушает его и отдаляет даже от тех, кого он нежно любит. Встреча с Соней знаменует собой начало спасения. Раскольников стремится видеть ее вновь

и вновь, порой бывает с ней груб, но не может без нее обойтись. Он не щадит ее в разговорах, потому что душа его не стремится к покаянию, ожесточается в гордыне. Он как будто даже отвергает Бога, хотя на деле продолжает в Него верить. Вот он спрашивает у Сони: «А что тебе Бог делает?», той больно, но она и не думает бросать его. Раскольников отвергает Бога, отрицает, что Он участвует в жизни людей и вместе с тем просит Соню прочесть ему евангельский рассказ о воскресении Лазаря. Это чтение стоит в центре романа.

Ей одной он признается в убийстве. С этой минуты девушку охватывает чувство беспредельного сострадания, которое навеки связывает ее с Родионом. И неважно, что Раскольников на нее злится; Соня последует за ним и в Сибирь, на каторгу. Поначалу кажется, что приговор только еще больше ожесточает Раскольникова, но в конечном счете, с осознанием греха, сердце его смягчается и отвечает на ее любовь.

Бог, Который, как кажется Раскольникову, не участвует в жизни людей, прошел с ним весь путь искупления, не унижая и не осуждая его; и это Он, Господь, через Соню взял на Себя бремя его греха.

Раскольников и никто другой совершает преступление. Об этом написан роман, и все же не он истинный герой романа. Преступление разрушает того, кто его совершил. Действительно ли человек хозяин самому себе? На Раскольникове, безусловно, лежит вина за содеянное, но он действует словно автомат. Сначала он находится во власти искушения, темной мечты, от которой никак не может избавиться. Затем, совершив преступление, Раскольников погружается в постоянное томительное беспокойство: он живет в страхе перед разоблачением и не может не думать и не помнить о содеянном. Он даже возвращается на место преступления, заходит в комнату, где убил топором старуху-процентщицу и ее сестру. Он не находит в себе сил интересоваться происходящим вокруг него, не участвует в разговорах или, наоборот, говорит и смеется, чтобы отвлечь от себя внимание. Душевная мука не дает ему справиться с бременем преступления, но Раскольников не хочет каяться, отвергает покаяние. Он то и дело выдает себя, при

этом никогда не признаваясь прямо в своем грехе. Конечно, он сам говорит и ходит, но кажется, что кто-то другой им владеет. И только Соня, юная проститутка, как будто наделена властью вывести его из этого гипнотического состояния. Это становится ясно с первой их встречи. Как и она, Родион чувствует себя отверженным, и именно с ней он вновь обретет самого себя. Ей он может сознаться в преступлении, ей он повинуется, не раскаиваясь в содеянном. Ни к кому больше он не чувствует привязанности, он порывает даже с матерью и с сестрой.

Сибирский острог еще сильнее ожесточает Раскольниковца. Одна Соня у него и остается на всем белом свете, и тем не менее, любовь, которую она испытывает ко всем каторжанам, злит и раздражает его. Но терпеливая, недокучливая любовь Сони в конечном счете побеждает Родиона, и он возрождается к жизни. Кто же истинный герой этой истории? Через Соню являет Себя и действует Тот Бог, в Которого Раскольников не желает верить и к Которому он все же взывал в начале, Который оставался втайне, но был рядом с ним в смиренной девушке, свидетеле и орудии Его неодолимой любви.

Сони нет без Раскольниковца, но Сониная прозрачность позволяет увидеть сквозь нее Самого Бога. Бог и есть истинный герой романа. Именно это Присутствие придает роману уникальность и величие. В отношениях Сони с Раскольниковым просвечивают отношения Бога с человеком, отношения, лежащие в основе бытия и жизни человека. Соня подобна Божьему таинству, и Бог являет Себя в ней заботой о человеке, терпением и непрестанным вспоможением, бесконечным состраданием.

Прошла зима, наступает весна. Родион перенес тяжелую болезнь, болела и Соня, правда, не так серьезно.

Ранним утром ясного и теплого дня Родион оказывается один на берегу реки. Он глядит на широкую и пустынную реку; до него доносится далекая песня. На другом берегу простирается необозримая степь, залитая солнцем. Душа Раскольниковца открывается чувству невыразимого покоя и свободы. Он переживает примирение с землей и вот-вот примирится с жизнью. Наконец, душа оттаивает, Родион вверяет себя Соне, уже ничем от нее не защищаясь, и в этом деянии любви — возрождается.

Его возрождение происходит в душе. Это не опыт безличного восторга. Единение с природой подготавливает личное единение Раскольников с Соней и, в конечном счете, с Богом. Спасение — в его погружении не в природу, а в любовь; отныне и каторжане стали ему братьями. И вот, в конце романа снова появляется Евангелие. Жизнь заново начинается во Христе.

Каждый настоящий писатель в своих произведениях рассказывает исключительно о своей собственной жизни; только если он действительно говорит о себе, его слова наполняются правдой. Последние страницы «Преступления и наказания» именно потому столь прекрасны, что имеют почти открыто автобиографический характер. Достоевский и сам познал неприязнь со стороны обычных каторжан; он и сам был атеистом, гордившимся своим умственным развитием. Обращение Раскольникова приобщает нас к обращению Достоевского. Неизвестно, обратился ли Достоевский под влиянием женщины, как Родион обратился под влиянием Сони; несомненно одно: обращения не было бы без любви. Писатель почувствовал, что любовь выше разума; он почувствовал, что только любовь может дать жизни смысл. Открыв для себя любовь, Достоевский открыл для себя Христа. Он отказался от претензий найти смысл жизни через построения рассудка и уверовал. Он понял, что вера не противостоит разуму, а превосходит его. Достоевский был побежден любовью. В его жизнь пришел тот Христос, Который прежде явил ему Себя в Евангелии. Именно Евангелие, которое он получил перед отправкой в Сибирь, помогло ему открыть Христа. Может быть, и он на первых порах сопротивлялся, но затем чтение Евангелия одолело его, и с тех пор Иисус вошел в его жизнь и овладел ею. Иисус не был больше истины, но, как говорил Достоевский, если бы ему достоверно стало известно, что Иисус не есть истина, он без раздумий предпочел бы Иисуса. Это не фетишизм. Скорее можно сказать, что Достоевский познал ту истину, которая превосходит всякое человеческое понимание. Любовь не больше истины, но истина — в любви, которой научил его Христос; Достоевский познал высочайшую истину, Абсолют истины.

МНОГО раз Достоевский спускался в мрачнейшие бездны человеческого сердца, чтобы нарисовать образ грешного человека. В некоторых творениях писателя чувствуется превосходство человека над человеком, автор может явить ад, но он же может явить и Бога. Многократно человек в его произведениях выступает как откровение святости. Более того, соблазн представить читателю истинный образ Христа, возможно, был для него сильнее всех прочих. Однако принято считать, что истинного величия он достигал, скорее, описывая тайну зла, чем являя тайну присутствия Божия в человеке. То же самое говорили о Данте Алигьери. Но в обоих случаях такие суждения нередко свидетельствуют о поверхностном подходе к творчеству писателей.

Роман «Идиот» целиком посвящен образу Христа, но не убеждает; в «Братьях Карамазовых» Достоевский в старце Зосиме дарует нам образ монашеской святости, но в той части романа, которую автор посвящает этому действующему лицу, думается, представлен не столько сам старец, сколько его учение.

Как это ни парадоксально, из всех персонажей Достоевского самым высоким образцом святости является проститутка. Даже Зосима не имеет такого живого опыта общения с личным Богом, какой есть у Сони в «Преступлении и наказании». Но как оправдать то, что писатель находит именно в проститутке идеал необычайной чистоты? Впрочем, страницы, посвященные Соне, лишены всякой полемичности. Священник, который исповедует и причащает умирающего Мармеладова, хочет также утешить его жену, но то, что батюшка говорит, — это только слова, вера его формальна. Соня внешне никак не обнаруживает своей религиозности, но когда вдруг возникает просвет в ее внутренней жизни, оказывается, что Бог для нее все. Чтобы спасти семью от самой безысходной нищеты, Соня, движимая жертвенной любовью и подстрекаемая мачехой, берет желтый билет, но грех не затрагивает ее душу, не загрязняет сердце. Она не судит и тем более не осуждает

никого. Именно Соня взваливает на себя невыносимое бремя семейной ситуации; точно так же затем она взваливает на себя бремя преступления Раскольникова. В ней нуждаются ее сестры и брат, мачеха, отец-алкоголик, но еще больше нуждается в ней тот, кто, совершив преступление, стал несчастнейшим из людей. Как мы уже говорили, ее любовь это беспредельное сострадание. Действительно, может показаться, что Бог ничего для нее не делает, и у Раскольникова есть основания так говорить, но он не видит, что Бог дает ее душе эту силу неодолимой любви. Она отдает себя без меры, ничего для себя не выгадывая, ничего не ожидая. И вот, по смерти отца и матери, пристроив сестер и брата, Соня отправляется в Сибирь — расплачиваться вместе с Раскольниковым за преступление, всегда вызывавшее у нее одно отвращение.

Знакомя нас с Соней, сначала в квартире ее умирающего отца, а затем в студенческой каморке Раскольникова, где одновременно с ней находятся мать Родиона, его сестра Дуня и Разумихин, Достоевский подчеркивает, что, «несмотря на свои восемнадцать лет, она казалась почти еще девочкой», была робкой, застенчивой, слегка неловкой; жизнь, полная лишений, проступала в ее облике. Глаза ее лучатся огромной, чистой, обезоруживающей добротой. Невозможно подумать о ней плохо. Но нам не уйти от вопроса, почему из всех своих женских персонажей Достоевский избрал именно Соню, обладательницу желтого билета, т.е. проститутку, чтобы явить нам светлый образ святости. Разумеется, писатель не собирался превозносить «святость греха». В Соне нет ничего провоцирующего, соблазнительного, и Достоевскому чужды любые полемические устремления и морализм без любви. Из всех персонажей Достоевского Соня самое чистое творение любви, любви, в которой нет ничего чувственного. Эта любовь — чистое самопожертвование, ибо Соня отдает себя без меры. Любовь могла бы потребовать от нее смерти, но не могла и не должна была требовать от нее гнусного позора греховной жизни. Соня ничего не может защитить от любви, даже свое женское достоинство. Ради любви она соглашается погрузиться в скверну, но Бог хранит ее от внутреннего осквернения:

взваливая на себя бремя искупительной жертвы за преступление, она отправится с Раскольниковым в Сибирь, где наконец и перед нею распахнутся врата жизни.

Красота Сони совершенно духовного свойства. Ее внешность, ее наружность не смущают, не возбуждают чувств. Она может сойти в мир греха и разврата, жить в нем и не оскверниться; более того, благодаря ей он становится чище. Перед ней открываются тайны сердца: одной лишь Соне признается Раскольников в своем преступлении, подчиняясь *ей*, он идет заявлять на себя в полицию. Признание Родиона в том, что убил — он, пробуждает в Соне не осуждение, а глубочайшее сострадание. Больше чем об убитой сестре старухи, которая, возможно, была ее единственной подругой, Соня сокрушается об убийце; чувствуя всю мерзость преступления, она тем не менее сердцем — с тем, кто его совершил. Мерзость преступления даже как будто обостряет в ней жалость: до этого Соня только уважала Раскольникова, но не чувствовала к нему любви. Именно признание навсегда соединяет ее с Родионом, потому что вместе с признанием Раскольникова Соня берет на себя его судьбу, его грех и становится с ним едина.

Но ведь точно так же и сам Бог относится к грешникам.

Всем своим существом Соня припадает к Богу — в этом ее религия. Она верит в Бога, в Бога живого и смиренно и доверчиво Ему предается. Трагическая ситуация в семье, унижение и позор не ослабляют Сонину веру, не делают менее живой эту веру и менее безраздельной ее преданность Господу. И не зря она, такая смиренная и кроткая, вспыживает, когда Раскольников хочет подточить ее веру, констатируя, что Бог ничего не делает ни для нее самой, ни для ее семьи. Ее Бог — Христос. Ее внутреннюю жизнь поддерживает и питает истинное общение с Христом. Она знает, что как проститутка не может пойти к причастию, она не смеет участвовать в жизни Церкви, но она читает Евангелие, и это чтение возвышает и укрепляет ее, дает ей силу безропотно принимать свой позор. Когда Соня узнает, что Раскольников совершил преступление, она сразу же постигает, что Раскольников несчастнее ее и больше, чем она, заслуживает сострадания. Тогда она

отнимает у себя крест, который несла до тех пор, чтобы отдать его Раскольникову. Этот крест таинственно приобщал ее страстям Христовым, но отныне его должен был понести другой, имеющий на то больше оснований. Совершив злодеяние, Раскольников не мог отказаться от его искупления, и крест Христов, думала Соня, поможет ему нести его собственный крест, сполна выплатить долг, чтобы начать новую жизнь.

Нет никакой зависимости между святостью и физической красотой, вот и святость Сони не сопровождается красотой ее внешнего облика. Но мыслима ли святость без нравственного совершенства? Мы не можем отрицать, что Соня человек святой, однако, нечто в этой святости могло бы нас смутить, если бы Соня не тяготилась своим уделом и не чувствовала всей его мерзости. Ее святость находится вне чисто формальных представлений о нравственности, являясь одновременно подлинно и всесторонне христианской. Источник этой святости — в Сонином сердце. Соня, собственно, есть любовь, любовь жертвенная, целомудренная, тайная. Она любит больше себя сестер и брата, мачеху, а потом и Раскольникова будет любить больше себя, особенно после того, как узнает о его преступлении.

Бог — с униженными и оскорбленными. Соня — с Лизаветой, но особенно — с Раскольниковым, после того, как он признался ей в преступлении. С другими у нее как будто настоящих отношений нет. Существует солидарность, объединяющая всех выброшенных на обочину жизни, тех, кто живет униженно и безмолвно; они безропотно принимают свою судьбу. Что связывало Соню с Лизаветой? Как они познакомились? Таинственная судьба словно соединяет людей. И эти-то «униженные и оскорбленные» и взваливают на себя груз человеческого страдания. Они, в своем бесконечном сострадании — живой образ Христа. Соня не осуждает отца, который крадет у нее последние копейки, чтобы напиться, в то время как его дети умирают от голода; не осуждает она ни Катерину, ни Раскольникова, признавшегося ей в убийстве. Соня берет на себя грехи всех и, тем самым, создает новое сообщество; даже каторжные любят ее как сестру. В Соне больше чем в любом

другом персонаже и произведении Достоевского различимо подлинное русское христианство.

Соня, безусловно, самая благородная душа в романе, но есть одна сцена, центральная в «Преступлении и наказании», где величие и роль этой женщины раскрываются особенно полно — когда она отваживается встать на защиту Бога в разговоре с Раскольниковым, а затем читает Евангелие, отрывок о воскресении Лазаря. *Роман есть экзегеза этой страницы Евангелия* и еще в большей степени — весть о том, что совершит вера героини, которая, почти в литургическом акте, торжественно провозгласила Евангелие.

В смиренной робости Сони являет Себя Господь, и Раскольников борется с крепостью ее веры. Он не поддается на изощренные психологические приемы Порфирия, но уступает смирению и состраданию Сони. Раскольников предает себя в руки правосудия, добровольно беря крест, а прежде чем обвинить себя перед судьями, кается перед народом, целуя землю на городской площади.

В Соне больше, чем в текстах многих русских богословов, раскрывается Премудрость, которая руководит человеком в его жизни. Она — чистый образ Премудрости Божией, которая не довольствуется пребыванием возле человека, но с бесконечным состраданием нисходит в глубочайшую бездну его убожества, чтобы вновь даровать ему жизнь.

Ведь Премудрость всецело служит человеку и сопровождает его на протяжении всего жизненного пути. Мать не может следовать за сыном, сопровождать его на жизненном пути, потому что чем старше становится сын, тем больше отдаляется он от матери и живет своей жизнью, при том, что любовь его к ней не становится меньше. То же самое и с сестрой. Лишь жена соединяется с тем, кого любит и все более к нему прилепляется, дабы жизни их слились в одну жизнь. Так же и Премудрость. Этому учит Книга Премудрости, и роман Достоевского прекрасно иллюстрирует эту истину. Грех не прогоняет Премудрость: незаметная, она остается рядом с человеком, руководит им, а когда человек отвергает ее, она не покидает его, но терпеливо ждет. Ее любовь — смирение. Смирение и

терпение преодолевают сопротивление человека, его гордость. В конечном счете, человек отдается любви, и Премудрость дает ему новую жизнь и спасает его.

Премудрость связана с Евангелием. Соня читает Раскольникову евангельский отрывок о воскресении Лазаря, и это чтение словно предвосхищает дальнейшие события, в этих словах, ставших ее словами, возвещается воскресение самого Раскольникова, которое происходит именно благодаря ей. Это Соня избавляет Раскольникова от софизмов разума и спасает его, пробуждая к жизни и к любви. Разум сух и холоден, а любовь полна жизни, и любовь растапливает сердечный лед, как солнце, которое поздней весной заливают поля и леса после долгой сибирской зимы.

Чтение Евангелия, центральная точка романа, говорит о таинственном, но реальном присутствии Христа в человеческих событиях. Неизменно смиренная и покорная, Соня энергично и решительно встает на защиту Евангелия и Бога, — от человека, которого она любит и чьему спасению посвятила жизнь; поистине, она обретает всю силу мучеников, когда должна защищать Бога.

МАРМЕЛАДОВ

*М*АРМЕЛАДОВ не в состоянии, не имеет воли расстаться с пороком. Он забирает все у жены, у детей и оставляет их в самой жалкой нищете, раздетыми и голодными, чтобы было на что напиться в кабаке. У дочери, которая, спасая брата и сестер, взяла желтый билет проститутки, он крадет последние гроши, и пропивает их. Мармеладов человек *типично русский*, он сознает свою испорченность и ищет страдания и муки. Жена таскает его за волосы; он никак не реагирует, чувствуя за собой вину. Он не только принимает наказание как должное, но как будто даже находит некое удовольствие в переносимых побоях и унижении, впрочем, и не думая из-за этого расставаться с дурной привычкой. Наоборот, унижения и побои, которым он подвергается, как будто оправдывают его и дают ему дозволение упорствовать в пороке.

И все же его речь в кабаке о суде Божиим, о Боге, Который в Своем милосердии *всем* прощает, *всех* принимает, *всем* открывает дверь, чтобы *все*, даже такие запойные пьяницы, как он, могли явиться на пир, участвовать в небесном празднике, — эта речь является одной из самых значительных, в религиозном отношении, страниц романа. Но главное, в словах Мармеладова нам открываются воззрения Достоевского на последний этап истории. Та же картина предстанет в «Легенде о великом инквизиторе», в конце которой Христос, безмолвно выслушавший обвинительное выступление инквизитора, приблизившись, целует его.

ДУНЯ

ТРУДНО поверить, что Дуня — родная сестра Раскольникова. Она тверда, сильна, решительна. Нет ничего удивительного в том, что Разумихин в нее влюблен: она обладает достоинствами, которых ему самому недостает. Впрочем, и Дуня должна была влюбиться в него, такого открытого, такого великодушного и верного. Нравственная сила, присутствующая в Дуне, не мешает ей оставаться женщиной, способной испытывать глубокие чувства и, более того, нуждающейся в любви.

Она слишком умна, чтобы не относиться к Лужину весьма критически: она не любит его, но готова пожертвовать собой ради брата. Самоуверенный Лужин даже отдаленно не представляет, какая у Дуни большая душа и какой нравственной силой она обладает. Он думает, что ему удастся поработить ее. Чтобы не уронить себя в собственных глазах, он должен надеяться и верить, что нашел именно ту женщину, которая ему подходит: бесприданницу; и хотя, вопреки, а может быть, благодаря похвалам Марфы, жены Свидригайлова (к которому Лужин относится не без подозрений), Лужин Дуню не любит, он может, женившись на ней, предстать в глазах людей ее спасителем. После встречи с Лужиным в присутствии Раскольникова и Разумихина Дуня

доподлинно узнает того, кому обещала руку и сердце и, не задумываясь, рвет помолвку. Когда она окажется наедине со Свидригайловым в гостиничном номере, ее отказ будет решительным и твердым, но, может быть, Свидригайлову Дуня отказывает не с такой жесткостью, как Лужину. Да, распутник Свидригайлов ей отвратителен, но грязный эгоизм Лужина должен был в таком нравственно высоком существе, как Дуня, вызывать особое омерзение.

Раскольников походит более на мать, чем на сестру, и понимает, что Дуня создана для его друга. Поэтому он поддерживает Разумихина в его стремлении жениться на Дуне, чувствуя, что в скором времени расстанется с родными навсегда. Родион хотел доверить их кому-то, кто сумеет заполнить пустоту, которая образуется после его отбытия.

Дуня выйдет замуж за Разумихина; их брак будет счастливым, и именно поэтому это будет брак без истории. Они станут получать известия о Раскольникове от Сони, которая последовала за ним в Сибирь. В своем счастье они не забудут о брате, о далеком друге, но судьбы их с этих пор разойдутся.

РАЗУМИХИН

В Разумихине Достоевский являет нам образ дружбы. Это молодой студент, который находится примерно в том же материальном положении, что и Раскольников. Они друзья, причем Разумихин — друг бескорыстный, простодушный и верный, добрый до наивности. Он не знает сомнений, несмотря на то, что в бреду Родион говорил вещи, вполне способные вызвать подозрение. Странное поведение Раскольникова, его речи могли бы заставить Разумихина призадуматься, но природная доброта не дает ему плохо думать о Родионе. Он ведет себя так, что становится ясно: не испытывая никакой ревности, в дружеских отношениях с Родионом он ставит его выше себя. С той минуты, как Разумихин увидел Раскольникова бредящим, он его уже не оставляет, и принимается служить

ему, несмотря на нетерпимость друга. Он обращается с ним, как с больным, и хочет оправдать его необъяснимое поведение по отношению к матери и сестре, которые живут для него, в то время как он их бросает на произвол судьбы. Но в Разумихине эти бедные женщины, одни-одинешеньки в незнакомом городе, находят опору. В такой атмосфере естественным образом зарождается любовь, и Раскольников, принимая, наконец, решение явиться с повинной, может спокойно доверить другу сестру и мать.

СВИДРИГАЙЛОВ

В Свидригайлове Достоевский вывел тип развратника и, конечно, те речи, которые писатель влагает в уста этого персонажа, вполне оправдывают такое суждение.

Да, перед нами сластолюбец, но такой, которого можно полюбить. Марфа, богатая женщина, вышла за него, хотя знала, что верность ей он хранить ни за что не будет. Однако Свидригайлов не только распутник; он также виновен в убийстве своего слуги, и есть серьезные основания полагать, что и жену Марфу он отравил. Мотивы неясны, но стремительное перемещение Свидригайлова в Петербург и его решение во что бы то ни стало встретиться с Дуней, сестрой Родиона, наводят на мысль, что причиной, побудившей Свидригайлова избавиться от жены, было не что иное, как желание сочетаться браком с упомянутой девицей.

Свидригайлов, безусловно, человек порочный, однако, он, как будто, действительно способен влюбиться *всерьез*. Конечно, можно думать, что брак с Дуней не изменил бы его, но, может быть, стоило выйти за него замуж, если имелось желание «спасти его»? В самом деле, любит он не порок; в упорстве Свидригайлова, во всех уловках и жертвах, которые он совершает, чтобы добиться Дуни, видна его истинная любовь к ней.

Можно понять отвращение и даже чувство омерзения, которое испытывает Дуня к Свидригайлову, но не кажется, что Дуня для него — предмет очередной короткой и грязной

интрижки. Безумная страсть влечет его к ней, вызывая в Дуне одно омерзение. Эта страсть кажется даже какой-то необыкновенной и, если не искупляет Свидригайлова, то, во всяком случае, делает его в наших глазах менее отвратительным.

Сцена его свидания с Дуней обнаруживает силу девушки, которая, предвидя возможное насилие со стороны Свидригайлова, запаслась револьвером, чтобы убить его, если он покусится на ее честь; в то же время, эта сцена обнаруживает, на какую любовь был способен этот человек; ожидая смертельного выстрела, он никак ему не препятствует, а убедившись, что взаимности ему не добиться, отпускает Дуню и кончает с собой.

Достоевский и в других романах показывает силу страсти — в Рогожине, в Мите Карамазове, в Версилове, но, может быть, нигде столкновение между силой страсти и силой нравственной чистоты не достигает того драматизма, который ощутим в «Преступлении и наказании». Более того: нравственная сила женщины словно озаряет мужчину, и он предстает не в таком мрачном свете, как прежде. Свидригайлов уже любит не один лишь порок, он наконец встретил женщину, которая стала смыслом его жизни. Он уважает ее, потому что наконец полюбил.

ЛУЖИН

РАСКОЛЬНИКОВ и Лужин невольно напрашиваются на сравнение. Мысль о преступлении гложет душу Раскольникова, превращаясь в постоянное наваждение еще до того, как он совершает убийство. Кажется даже, что само преступление он совершает, чтобы избавиться от этого неотступного кошмара. Но после того, как преступление совершено, пытка становится все беспощаднее. Ничто уже не способно отвлечь и развлечь Раскольникова. Совершенное преступление отделяет его от всего и от всех. Это не касается одного Разумихина, которому дружеское чувство не дает испытывать даже малейших подозрений и который не оставляет Раскольникова

даже несмотря на то, что тот едва ли не тяготится его присутствием. Родион расходится с матерью и сестрой. Он чувствует себя проклятым. Пытаясь отвести от себя подозрения Порфирия, на деле он обвиняет себя. Следователь может говорить ему, что нет необходимости в его задержании, но Раскольников, если не хочет сойти с ума, не может избежать явки с повинной. Его мучение не было еще покаянием, но оно требовало покаяния. Его душа не могла удовлетвориться софизмами разума. Раскольников оставался человеком.

Лужин намного хуже Раскольникова. Он не совершает преступлений, за которые его можно отдать под суд; его нечистоплотный эгоизм не пробуждает в нем ни душевных мук, ни стыда, он уверен в себе, оправдывает себя и восхищается собой. Каждый его поступок расчислен холодным рассудком, пущенным в ход для исполнения плана, ради которого вполне можно пожертвовать невестой. Фактически он требует от Дуни разрыва с матерью и с братом и доходит до клеветы на кроткую девушку, единственная вина которой — ее невинное простодушие. Тайком он кладет ей — Соне — в карман сторублевый кредитный билет, чтобы обвинить ее в краже. Истина обнаруживается лишь случайно, но и это не пробуждает в нем угрызений совести; он неспособен на покаяние. Да, Раскольников пишет в своей статье, что великие люди неподвластны морали, и пытается быть одним из них; Лужин же вообще не знает никакого закона, которому бы он должен был повиноваться, у него одно желание: все подчинить своим целям, своей выгоде. Он мог признать, что плохо рассчитал, но совесть его остается такой же нерастревоженной, как и прежде. В действительности неподвластны морали только такие люди, как Лужин, которые не знают никакого нравственного закона. «Великие люди», о которых писал Раскольников, все же, по его мысли, всегда служат человечеству, а такие, как Лужин, живут лишь поклонением самим себе, по законам показной, кажущейся справедливости.

На фоне Лужина даже Свидригайлов выглядит порядочным. Но, похоже, на сей раз писателю изменило чувство меры: мне не думается, что Лужин — фигура правдоподобная. Как

могла Марфа Петровна, которая почувствовала расположение к Дуне и повсюду ее расхваливала, содействовать ее браку с Петром Петровичем? Верно, сама она вышла за Свидригайлова, но у сестры Раскольникова положение было другое. Свидригайлов — распутник, однако, его испорченность остается человеческой. Лужин с его гордыней, с его холодным эгоизмом, вообще не похож на человека. Свидригайлов признает свою испорченность и получает от нее удовольствие. Лужин, наоборот, видит и чувствует себя человеком порядочным и респектабельным. Он считает, что все должны относиться к нему с уважением и оказывать ему всяческое почтение. Разум его поражен растлением, он неспособен помыслить о чем-нибудь с бескорыстной добротой. Для беспримерного эгоиста Лужина не существует ничего недозволенного, — лишь бы добиться цели. Только Лужин мог обвинить в краже Соню, перед этим положив ей в карман сотенный билет.

Да, Достоевский сгустил краски, но вот что он несомненно хотел нам сказать: грех духовный намного тяжелее греха плоти. Человек часто даже не осознает творимое им зло, ибо сам установил для себя правила поведения.

ИДИОТ

ДОСТОЕВСКИЙ имел намерение явить нам в этом романе человека абсолютно доброго, благого, ни много ни мало — образ Христа. Конечно, фигура князя — одно из величайших творений Достоевского, но верно и то, что писателю не удалось осуществить в романе свой далеко идущий замысел. Князю противопоставляется Рогожин. Они воплощают два типа любви: любовь-сострадание и любовь-страсть. Любовь князя лишена жара, любовь Рогожина, напротив, опалает и разрушает. И получается так, что любовь-страсть оказывается разрушительной, а любовь-сострадание — тщетной. Финал романа изумителен в литературном отношении, но трагичен. Ни любовь князя Мышкина, ни любовь Рогожина никого не спасают; они только приносят гибель, каждая по-своему.

Таким образом, «Идиот» является единственным в ряду великих романов Достоевского, в котором главное действующее лицо не столько персонаж, сколько любовь. Во всяком случае любовь — его тема. Персонажем же, играющим ключевую роль в развитии действия, является женщина, Настасья. И если это роман о любви, понятно, что он занимает особое, ни с чем не сравнимое место в творчестве писателя. Князь должен был стать образом Христовым, и именно поэтому он должен был стать своего рода воплощением любви. Достоевский показывал на конкретном примере, что такое и как живет в человеке любовь Божия. Но любовь Мышкина более ангельская, чем человеческая. Изумление, которое он вызывает, возникающая у многих потребность защитить его, неспособность князя осуществить нечто определенное, не соответствуют тому человеческому совершенству, которое присуще Христу, каким

Его знает вера. Писатель впадает в некое монофизитство. Но и любовь Рогожина не похожа на человеческую, она слишком неистова. Страсть сметает всякое сопротивление, всякую волю и легко превращается в ненависть.

Ни сострадательная любовь князя, ни страсть Рогожина это не любовь, хотя их чувства обладают все же некоторыми чертами, без которых любовь непредставима.

Достоевский пожелал противопоставить сострадательную любовь страсти, и князь и Рогожин — бессмертные творения его гения; но любовь князя и любовь Рогожина как бы корректируются множеством других персонажей, наполняющих роман, которые придают действию более реальный характер, несколько ослабляя напряжение. Конечно, встреча и столкновение князя с Рогожиным — сцены такой силы, какой, может быть, Достоевский нигде больше не достигал; они обладают масштабом трагедии.

Любовь и в самом деле разделилась в романе таким образом, что в сострадательной любви не оказывается никакого живого чувства, хоть чем-то напоминающего страсть, а в страсти — никакого сострадания. Если любовь князя более ангельская, чем человеческая, то страсть Рогожина не столько человеческая, сколько животная. Подобную страсть извели и другие персонажи, и для писателя эта любовь роковым образом связана со смертью. А что же сострадательная любовь, дарует ли она жизнь? В «Идиоте» и та, и другая любовь приводят к смерти. Рогожин убивает Настасью через несколько дней после свадьбы.

Чему же нас учит этот роман? Любовь не может быть только страстью или только состраданием. Человеческая любовь это не любовь ангелов, но и не неистовство иррациональной страсти. Может быть, настоящая человеческая любовь отсутствует в романе. Князь не может быть истинным образом Христовым, потому что Христос «совершенный Человек», который любит живой и сильной любовью Своих учеников — Петра, Иоанна, а также Марию Магдалину и Марию из Вифании. Эта любовь навсегда привязывала к Нему тех, кого Он любил, и от них Он мог всего требовать и добиться. В самом деле, как

Он отдал жизнь ради любви, так же и они возлюбили Его и отдали за Него жизнь. В этой любви состоит спасение человека, этой любовью, которая была не только состраданием, Соня в «Преступлении и наказании» даровала Раскольникову обновление жизни. Этой любовью Шатов в «Бесах» принимает Марию, жену, которая прежде оставила его, а теперь принесла ему в дар ребенка, рожденного от другого. В своей доброте Шатов не знает обиды и любит с нежностью первой любви.

Любит и Настасья. Однако ее любовь к князю не имеет выхода. Она любит князя так, как женщина может любить, но князь безжизнен, обескровлен, как Христос в «Легенде о великом инквизиторе». Он не оспаривает ее у Рогожина. Чем же была его любовь? Разве не должен был он знать, что выйти за Рогожина означало для Настасьи подписать себе смертный приговор? Любовь-страсть чувство собственническое: Рогожин ни за что бы не стал делить с князем любимую женщину. Но и Настасья любит собственнической любовью; не имея возможности получить князя в свое полное распоряжение, она в то же время не может допустить, чтобы он принадлежал другой женщине. Весь роман это борьба, и все в этой борьбе получают раны.

КНЯЗЬ МЫШКИН

КНЯЗЬ — свободный человек в мире рабов. У него отсутствуют защитные навыки, он весь — как на ладони, он неспособен видеть зло. Вначале «свет» пребывает в замешательстве, будучи не в состоянии вынести о нем какое бы то ни было суждение. Его считают «идиотом», но наименование это — не столько суждение о человеке, сколько защитная реакция со стороны тех, кто не умеет и не может понять его, кто чувствует, что он слишком сильно от них отличается. Мир, в котором он живет, это мир, поработанный лукавым, жаждой власти, сладострастием. Князь непостижимым образом неосведомлен о цене денег. Он носит с собой документ, который может сделать его богатым, и при этом находится в незнакомом городе, никого в нем не зная, без жилья и без денег.

Почти случайно он обнаруживает реальную «стоимость» своего документа. Но и позднее, богатый, окруженный льстецами и принятый в обществе влиятельных людей, князь не умеет поставить себя.

Он любит, но его любовь лишена всякого стремления к обладанию. Сострадательная любовь, о которой говорят в связи с князем, это любовь человека, приносящего себя в дар; такая любовь не требует ничего. Князь не только прощает; создается впечатление, что его вообще невозможно обидеть. Он ясно видит и оценивает каждого, но нечуткость других не тревожит его, он вообще не верит в то, что кто-либо может быть злым. Если над ним смеются, он присоединяется к смеющимся, ничуть не оскорбляясь, с обезоруживающей простотой. Мы не можем отрицать, что перед нами — великий художественный образ, но образ этот неубедителен. Иисус, каким мы знаем Его по Евангелиям, мужественнее, трезвее, истиннее.

В конце романа Мышкин вновь впадает в бессознательное состояние, Настасья убита, Рогожин сходит с ума, а Аглая, девушка, на которой князь собирался жениться, выходит замуж за никчемного человека. Мир остается таким же, как прежде, снова становится тусклым. Князь промелькнул падающей звездой: на какие-то мгновения он озарил мир, но погас, и все опять погрузилось во тьму.

Достоевский восхищался «Дон Кихотом» Сервантеса и вдохновлялся этой великой книгой, создавая роман «Идиот». Полагаю, что Сервантес не имел намерения изобразить в «Дон Кихоте» христианского святого, потому что это было бы чуждо его замыслу (хотя рыцарский идеал изначально был высоким христианским идеалом). Впрочем, испанского философа Унамуно образ Дон Кихота вдохновил на комментарий, в котором герой Сервантеса сопоставляется со св. Игнатием Лойолой. А в романе Достоевского князь Мышкин должен был стать живым отображением Христа. Мудрость мира сего — безумие для Бога и наоборот, мудрость Божия представляется миру безумием. Слова Павла находят подтверждение в героях этих двух знаменитых романов. Внутренняя свобода князя, его искренность

и простота слишком необычны для того, чтобы быть понятыми и чтобы не вызывать одновременно тайного восхищения и явного непонимания. Его нельзя объявить сумасшедшим, но он безусловно представляется «идиотом» тем, кто в большей или меньшей степени является рабами мира сего. Кто-то реагирует на присутствие князя злобно и даже свирепо; ирония сестер Епанчиных более поверхностна и скорее благожелательна. Восхищение князем никогда не бывает беспримесным; к восхищению примешивается некое раздражение и, более того, некоторая нетерпимость — к его наивности, к его неумению скрывать свои чувства, лгать, защищаться, приспособливаться и следовать принципам, по которым живет и поступает мир. Никто не похож на него, и он ни на кого не похож. Конечно, князь не образ Христов; Христос тоже уникален, но Он не вызывает ни смеха, ни иронии. Права мать Епанчиных: Мышкин невыносим как жених и супруг. В действительности он несовместим ни с какой человеческой жизнью, ни с каким человеческим трудом. У него нет «своей» жизни; его жизнь существует только в соотношении с другими — с Рогожиным, с Настасьей, с Аглаей. Смерть Настасьи, безумие Рогожина с неизбежностью должны были столкнуть его обратно в беспомощность; его жизнь лишилась всякого содержания.

Так князь приходит издалека и в конце возвращается в ту даль, из которой пришел: он не принадлежит этому миру.

ПАРФЕН РОГОЖИН

ЕДИНСТВО Мышкина с Рогожиным это единство противоположностей. В одном доминирует любовь-сострадание, разрушающая его самого, в другом — любовь-страсть, разрушающая тех, кого он любит. Мышкин закончит свое недолгое приключение — приезд в Россию — возвратом в состояние чистого и безмятежного беспомощности; Рогожин сойдет с ума, убив из ревности любимую.

Для Рогожина непереносима мысль, что женщина, которую он так страстно любит, может любить князя, и он не в

силах поверить, что любовь князя к Настасье — не более чем любовь-сострадание. Рогожин не знает жалости; его любовь это насилие, которое сметает любое препятствие на пути к обладанию любимой. Из романа можно извлечь озадачивающее назидание: какой бы ни была любовь, она всегда плодоносит смертью. Нет любви, которая бы не была или разрушительной страстью, или состраданием, не защищающим того, на кого оно направлено. Финал романа трагичен. Мышкин никого не лишает жизни, но он не в состоянии и спасти от смерти. Когда князь рядом, Рогожин верит ему и любит его, но стоит Мышкину исчезнуть из поля зрения, как он становится для Рогожина врагом, которого нужно уничтожить, — и это при том, что Парфен понимает, что смерть князя вряд ли сможет принести ему любовь Настасьи.

Рогожин — человек с добрыми чувствами, но обуянный страстью. Его поведение во время встреч с князем вполне может внушить к нему симпатию; он совсем непохож на алчного купца. Если бы его не одолевала страсть, он был бы другом, верным, открытым, щедрым; но страсть ослепляет его; за считанные месяцы он проматывает состояние, практически ничего не добившись; в своей ревности он готов убить князя, забыв о том, что они, по его собственному почину, обменялись крестами, заключив, тем самым, союз любви. У Парфена есть кровный брат, но он его знать не хочет; единственный брат и настоящий друг Рогожина — князь, и его-то смерти он желает. Когда страсть теряет всякий смысл, потому что женщина убита, тогда, вместе со смертью Настасьи, в объединившем их горе воскресает союз двоих.

НАСТАСЬЯ

КТО же, в самом деле, герой романа? Судя по названию, это князь Мышкин. В действительности же его роль не самая значительная; она равна роли купца Рогожина. Если главной темой романа является любовь, то единственный объект любви-сострадания и любви-страсти это Настасья Филиппов-

на. Те, кто любят, почти поровну делят свое присутствие и роль в романе. Несмотря на то, что они противостоят друг другу, между ними, от начала до конца, существует нерасторжимая связь. Объединяет же их та, которая, по всей видимости, и является истинной героиней романа, — Настасья Филипповна, содержанка князя Тоцкого. Безумная, исполненная страсти любовь к ней сдает Рогожина; неутолимую сострадательную любовь к ней же испытывает князь Мышкин.

Кто такая Настасья? Достоевский подчеркивает ее красоту и постоянно напоминает о ней. Красота это тайна, учит нас писатель; красота Настасьи в одном возбуждает страсть, в другом — жалость. Глядя на ее фотографию, которую князь Мышкин рассматривает по возвращении в Россию, на первых страницах романа, он угадывает в Настасье Филипповне глубокую печаль об ее униженном состоянии. Эта печаль внушает князю сострадательную любовь, которая поистине становится содержанием его жизни. Он хочет спасти ее, своей любовью вырвать ее из униженности, вернуть ей самоуважение. Настасья влюбляется в князя, но именно потому, что любит, не может согласиться быть его женой. Как ей кажется, этот брак запачкал бы того, которого она научилась любить, уважать больше, чем кого бы то ни было. Таким образом, князю не удается достичь своей цели. Настасья не верит в возможность его полного выздоровления и, похоже, по собственной воле берет на себя роль, которую ей отвело «общество».

Но отказываясь выйти за князя, она не может согласиться и с тем, чтобы он женился на Аглае, младшей дочери генерала Епанчина, чье семейство протезировало Мышкину с первых дней его пребывания в России, когда он появился в Петербурге без крова, без денег, с одним убогим узелком, в котором было все его достояние. Настасья любит по-женски. В сущности, из ее поступков следует, что душой она намного благороднее, чем те, кто добивались ее руки, или полагали, что могут ее сторговать. Разве могла она согласиться выйти замуж за человека, который за то, чтобы жениться на ней, рассчитывал получить значительную сумму от князя Тоцкого, ее «покровителя»? Рогожин-то готов выложить за нее бо́льшую сумму.

Да, он одержим слепой страстью, но все же это любовь: не денег ему надо, а женщину.

В конце концов Настасья Филипповна выходит за него замуж, но не может полюбить его, потому что уже узнала князя.

Финал романа, как упоминалось, трагичен: ревность ослепляет Рогожина, который пытается убить князя, и не помышлявшего перебежать ему дорогу. И в самом деле, крепкое дружеское чувство связывает этих двоих мужчин, таких непохожих. Но после свадьбы Рогожин не может позволить, чтобы жена любила не его, а князя, и убивает ее.

Роман заканчивается сценой невероятной силы: Мышкин и Рогожин вдвоем проводят ночь у смертного одра Настасьи Филипповны.

Настасья находится в центре повествования. Ее выставляет на продажу князь Тощкий, ее желает Рогожин, с его безумной собственнической любовью; ее любит князь, в своей любви не требуя ничего для себя, но стремясь только вернуть этой женщине утраченное достоинство. Общение с князем смогло пробудить в Настасье страстную любовь, похожую на ту, что Рогожин испытывает к ней самой, но не избавило ее от чувства вины, от сознания собственной низости. Любовь князя не спасает ее, а любовь Рогожина убивает.

Впрочем, чувствует ли Настасья Филипповна со стороны князя любовь и желание? Любящий не может не стремиться к ответной любви, но способен ли князь желать Настасью, желать ее любви? Не проистекает ли ее «опечаленность» в том числе, а может быть, и главным образом, из того, что она не чувствует себя любимой так, как хочет быть любимой женщина?

«Идиот», как и «Преступление и наказание», роман не полифонический. Все подчинено единому, твердому порядку, отклонений нет, и действие компактно. В этом произведении Достоевский, по всей вероятности, хотел явить образ Христа — в князе Мышкине, — что повлекло за собой концентрацию романа.

Фигура князя должна была бы занимать доминирующее положение, но этого не происходит.

Разумеется, князь — один из ключевых персонажей, но Рогожин не менее значительное действующее лицо. Центром

же повествования является Настасья Филипповна, и как князь, так и Рогожин действуют ради нее, поведение каждого из них обусловлено ею. Настасья это красота, которая неудержимо влечет к себе обоих: в одном она возбуждает безумную страсть, в другом — бесконечное сострадание.

В центре романа оказывается не образ Христа, а роковая красота Настасьи; в центре тайна красоты, которая продвигает действие и высвечивает человека, осуществляя заложенные в нем потенциальные возможности, но одновременно — сжигая и губя его, как огонь.

Роман, как представляется, следует не столько Евангелию, сколько гностицизму. Настасья — Спящая Красавица, или даже принцесса, закованная в цепь или томящаяся в темнице, которая ждет принца, — того, что должен освободить ее от злых чар; но, в отличие от сказки, в романе принц, он же князь, не имеет власти разбудить и спасти ее, и Настасья гибнет. Если эта интерпретация верна и писатель действительно хотел явить нам в князе образ Христа, то роман получает трагический оборот: его финал означает, что христианство потерпело крах, и Христос не Избавитель. Но в действительности князь не дает нам образа Христа, перед нами не Сын Божий, становящийся, в преходящем теле, таким же человеком, как мы, и отдающий за нас Свою жизнь; скорее Мышкин — гностический спаситель, которого проповедал докетизм.

Его присутствие в романе больше похоже на видение, чем на настоящее воплощение.

Очевидно, это не то впечатление, которого хотел добиться Достоевский, но логика поведения персонажей не дает ему создать иное.

БЕСЫ

В «Бесах» самодержавно царствует смерть. Не видно, чтобы бунт против Бога, атеизм, грех принесли хоть какой-то плод. Смерть — неотвратимое следствие греха. К этой смерти — самоубийству Ставрогина — устремлен роман, она его итог и сердцевина; но ею дело не ограничивается: прежде была страшная смерть Кириллова, который хотел провозгласить свободу от Бога и божественность человека, однако обнаруживает, в зловещем ужасе смерти, конец всякого величия, всякого человеческого достоинства. Перед нами проходят и иные смерти: гибель Федыки Каторжного, самоубийство девочки, которая не перенесла мысли о том, что «Бога убила», убийство помешанной и поджог городского квартала, устроенный, чтобы скрыть это убийство, смерть, которой невольно и весьма простодушно предает себя Шатов, окончательно избавляясь от всяческой связи с революционной шайкой, и наконец смерть Степана Трофимовича, который, обретая мир Божий, искупает жизнь, прожитую во лжи и суете, и утверждает — против разлива ненависти и смерти — верховенство любви, дарующей жизнь без смерти.

Да, столько смертей, но умирание Степана Трофимовича стоит особняком: он признает, что всю жизнь лгал, и обращается к правде, обвиняя тех, в которых и сам он не воспитал серьезного отношения к жизни и нравственной ответственности; Верховенский-старший вновь обретает веру и умирает в состоянии, близком к мистическому восторгу.

Рассказ об этой смерти, вместе с рассказом о смерти Макара в «Подростке», является одной из вершин поэзии Достоевского.

Атмосфера ужаса и страха, пронизывающая роман, сменяется в финале мирным и тихим закатом. Даже наставления старца из «Братьев Карамазовых» не могут сравниться по высоте с последними словами Степана Трофимовича — исповеданием Бога, Который есть Любовь и Который дарует жизнь, не знающую смерти.

В «Бесах» Достоевский больше, чем в каком либо другом романе, охватывает взором всю жизнь. Господин этого мира — лукавый, он хочет одного — разрушения и смерти, но тайно присутствует здесь, на земле, и благодать. Тьма не в силах помешать присутствию света.

Кириллов хочет, чтобы человек заменил Бога; он отрицает Бога и хочет Его смерти; но епископ Тихон, с его кротостью и смирением свидетельствует о Нем. В действие вовлечена, наряду с революционерами, даже губернаторская власть, и все же в центре романа, как в центре города, расположен христианский собор и участие горожан в богослужении. Так в заседание людей, вынашивающих планы смуты, вмешивается призыв к религиозному благочестию народа и к святости.

Встречаемся мы в романе и с типично русским соединением вполне преступной жизни с верой и упованием на милосердие Богородицы. Федька Каторжный, не скрывающий своего презрения к Петру Верховенскому за его неверие, даже обращается к последнему с проповедью. Подлинная, хотя и простая набожность Федьки вызывает в памяти образ поэта виселицы, Франсуа Вийона. Впрочем, набожность эта нередко сопряжена с суеверием и преемственна в большей степени по отношению к древней языческой религии, чем к христианской вере. Так, Дева Богоматерь становится в устах кающегося «Матерью сырой землей» древнего язычества. Но религиозная жизнь народа не теряет своей подлинности ни от того, что некоторые ее формы можно назвать спорными, ни от того, что многие представители высших классов считают возможным ее высмеивать.

Верующий народ с простодушным восхищением воспринимает и переживает формы простой и народной харизматической «святости». В «Бесах» носителем такой святости выступает

Семен Яковлевич, фигура харизматическая; народ следует за ним и ищет его советов.

Другое действующее лицо, Маврикий Николаевич, испытывает по отношению к себе некоторое пренебрежение со стороны иных персонажей романа. Это человек смиренный и искренний в мире лжи. Войдя в залу вместе с дамами из чистого любопытства, он, тем не менее, один из всех пришедших проявляет религиозное почтение к Божьему человеку. Достоевский описывает христианскую *кончину* Степана Трофимовича, отца Петра Верховенского. Но религиозная *жизнь* в «Бесах» находит свое высочайшее выражение в фигуре огромного масштаба, епископе Тихоне. В этом персонаже романа ужасов воплощается образ христианского святого. Мир, изображаемый Достоевский в «Бесах», это мир, в котором господствует лукавый. Дьявол господствует, действует и торжествует в мире; Христос есть жизнь мира, но Он пребывает в нем прикровенно, незримо. Те, кто с Ним, также не действуют явно и остаются сокрытыми. На одной стороне — мощь зла, которая как будто сметает и разрушает всякое социальное устройство, всякую верность священнейшим узам, на другой — добро, полностью сосредоточившееся в больном человеке, который живет каким-то изгоем в собственном монастыре, встречая противодействие со стороны монахов, неприязнь со стороны игумена; он не действует, но с братской простотой принимает тех, кто нуждается в прощении и утешении.

Итак, в этом заключено мировидение писателя? Он не хочет, чтобы добро пребывало сокрытым; но, по сути дела, даже входя в мир, оно как будто бессильно очистить его. Действие — в руках тех, кто служит сатане, и все же, пусть смиренно и тайно, присутствует в романе и религиозное благочестие. Писатель словно говорит нам: так живет в нынешнем мире благодать Божия. Силы ада не преодолевают, даже несмотря на то, что всякий раз как будто угрожают смертью. В стороне и без власти живет Тихон; он с содроганием видит, как Ставрогин стремительно погружается в омут преступления, еще более страшного, чем злодеяния, совершенные им прежде, но не может удержать его и не осуждает его.

Книга оказалась пророческой; в ней предвозвещается многое из того, что произойдет в России с приходом власти, основанной на лжи, многое из того, что совершит революционное движение, а в более широком смысле роман служит иллюстрацией к словам из 1 Послания апостола Иоанна: весь мир находится под властью лукавого (ср. 1 Ин 5,19). Добро присутствует, но потаенно, оно как бы в изгнании и не имеет власти. И все же, чем более глубоко оно сокрыто, тем более действенным оказывается. После ужаса бесконечной ночи в конце романа возникает свет зари: старый Степан Трофимович открывает для себя любовь и Бога.

Сын его, Петр Верховенский, — этакий посланец ада; все, что он делает, это ложь. И руководит им, по-видимому, не ненависть, а безразличие к человеку. Человек ничего уже не значит, смерть не имеет никакого веса. Устранение человека не вызывает ни смятения, ни ужаса. Пожар, уничтожающий целый район города, превращается в зрелище. Кончает с собой человек, стоящий в центре, стержень, вокруг которого вращаются все персонажи романа, Ставрогин; кончает с собой Кириллов, Шатова убивают, и смерть его выглядит особенно страшной после чудного возвращения его жены Марьи и рождения ребенка, которому не он отец и который, тем не менее, пробуждает в его сердце удивительную нежность; убиты капитан Лебядкин и его сестра-хромоножка, законная жена Ставрогина; убит Федька, растерзана толпой Лиза, побежавшая смотреть пожар.

Верно, в романе есть встреча Ставрогина с епископом Тихоном, но встреча эта — лишь молния в сгущающейся тьме. Выживает во всем этом ужасе лишь тот, кто сплел всю интригу. Потерпев поражение в одном городе, лукавый находит прибежище в другом и не отступает от своих намерений, от своей воли к разрушению и к смерти. В центре всей громадной картины — Ставрогин, богатый дворянин, оказавшийся на самом дне нравственного разложения, ставший пустым человеком, который неспособен ни на какое решение, ни на какое дело любви. Всем представляется, что этот человек должен быть предводителем, и всех он разочаровывает — Шатова,

Петра Верховенского и женщин, которые готовы простить ему все на свете, лишь бы он полюбил их — Лизу, Дашу.

В конце тихо умирает Степан Трофимович Верховенский, претерпевший жестокое оскорбление от сына. Привязавшись душой к скромной книгоноше, продающей Евангелия, старик Верховенский вновь обретает Бога. После торжества смерти окончание романа запечатлевается словом старого литератора: любовь бессмертна.

СТАВРОГИН

«**Б**ЕСЫ» — произведение, стоящее особняком в творчестве Достоевского, потому что оно не только выражает определенное видение человека (как и другие великие романы), но также, больше, чем какой-либо другой роман, имеет пророческий характер. «Бесы» — не рассказ о чем-то, происходящем в истории; здесь возвещается и, главное, открывается метафизическое и религиозное начало человеческой истории.

Власть над миром, согласно Достоевскому, принадлежит дьяволу. «Бесы» являют нам «тайну беззакония». В этом мире царствует смерть, потому что князь этого мира — лукавый. Никакой свет не озаряет его.

Одних убивают, другие кончают с собой; только Степан Трофимович умирает на склоне лет, примирившись с людьми и с Богом. Зловеще самоубийство Ставрогина, жутка и гротескна смерть Кириллова.

Николай Всеволодович Ставрогин, как уже говорилось, в центре романа; создается впечатление, что все женщины живут только ради него: Варвара Петровна, Даша, Лиза, Марья-хромоножка... Мужчины — Шатов, Петр Верховенский, Кириллов — именно благодаря Ставрогину живут ради известной цели. И многие из толпы менее значительных персонажей, например, Федька, поддаются обаянию этого человека. Мало кого оно не затронуло...

Кто же такой Ставрогин? Несомненно, исключительно одаренный человек, который расточил все свои способности в

пороке, в стремлении бросить вызов общественному мнению, в стремлении бросить вызов всякому закону. Петр, говоря о нем, называет его человеком «необыкновенной способности к преступлению». Шатов признает в нем предводителя, способного исполнить дело спасения России и, косвенно, всего человечества. В Кириллове Ставрогин зажег сатанинское испуганное хотение заменить собой самого Бога. Кириллов — умный маньяк: в нем отражается и живет демоническое вождение Ставрогина, который хочет отделаться от Бога, чтобы самому стать Богом. Женщины существуют для него: Варвара Петровна живет для него, и это естественно, она ему мать; Лиза любит его, хотя знает о том, что он состоит в законном браке с хромоножкой; Даша готова следовать за ним, когда и куда бы он ни пожелал. Но Ставрогин не оправдывает их ожиданий; воспламенив в сердцах пожирающий огонь, он оставляет этих женщин.

Ставрогин еще хранит в себе толику света. Поразительная сила проявляется в его реакции и ответе на пощечину Шатова. Несмотря на все Ставрогин еще способен на какие-то человеческие чувства; Шатов имеет над ним некую власть, а Петр — никакой. Если Шатов может укорять Ставрогина, то только потому, что Ставрогин не отвергает некоторой с ним связи. Он прекрасно понимает, что в планы Петра Верховенского входит устранение Шатова, и вступает за него. «Я вам его не отдам», — говорит он Петру. Шатов как будто и сам взывает к нему о защите. Эркель заходит к Шатову, чтобы увести его, ни о чем не подозревающего, в лес, где его ожидает смерть. Шатов спокоен, потому что Петр заверил его, что в лесу будет Ставрогин. Это заверение истребляет в Шатове всякий страх, и он беспечно идет навстречу смерти.

Итак, между Ставрогиным и Шатовым существует связь, — конечно, неглубокая, и все же достаточная, чтобы признать, что в Ставрогине еще осталось что-то человеческое. Он принимает совет Шатова сходить к Тихону. Но может ли святой пробудить в нем надежду на жизнь? Вместо того, чтобы воскресить в нем, через покаяние, надежду на жизнь, визит к Тихону приводит Ставрогина лишь к окончательному

отказу от Бога, Который мог спасти его. Бог не вовсе покинул его, но он был уже мертвым человеком.

После гибели Шатова одиночество Ставрогина становится совершенным. Оставаясь человеком растленным, он все же не имеет ничего общего с сообщниками Петра и не в состоянии перенести своего более или менее сознательного и намеренного соучастия в убийстве помешанной.

После ночи, когда Лиза отдалась Ставрогину, она может сказать: «Я хочу видеть сама зарезанных... за меня... из-за них он в ту ночь разлюбил меня... Я увижу и все узнаю». Трудно сказать, был ли Ставрогин способен полюбить кого-то, но, несомненно, он мог быть любимым и его любили. С Петром дело обстояло иначе. В младшем Верховенском есть способность к воодушевлению, но это восторг разрушения, опьянение смертью.

Николай Ставрогин не может быть предводителем, потому что он не умеет любить; эгоист по натуре, он живет, никогда ни во что не вкладывая души. Для всех он — источник вдохновения и силы, все от него получают свою силу, а его жизнь — одна пустота. Брак Ставрогина с помешанной Марьей Тимофеевной, разумеется, был вызван его желанием натворить что-нибудь поскандальнее, но может быть, и желанием выйти из спячки, вырваться из оцепенения. Он отправляется к епископу Тихону, чувствуя, что не в силах более переносить свое состояние, но после этого посещения ему и в голову не приходит покаяться за то, что он совершил и еще собирается сделать. Для его состояния есть определение в Апокалипсисе: он тепл, ни горяч, ни холоден, — а таких Бог извергает из уст Своих (ср. Откр 3,16). Не только Бог, но и люди отвергают его; да ему, похоже, и не нужно ничего, кроме сиделки. Только Даша готова на это, но когда она вызывается исполнить эту его единственную просьбу, Николай уже мертв, он повесился. У его матери Варвары Петровны нет других детей, а у Петра — другого руководителя. Если верно, что все вращается вокруг него, все вращается вокруг пустоты. Роман, действительно, — толкование того отрывка из Евангелия от Луки, который Достоевский выбрал эпиграфом к роману: о стаде свиней,

в которых вошли бесы, и которое бросилось с крутизны в озеро (ср. Лк 8, 26-36).

У Ставрогина, как и у Свидригайлова, как и у Ивана Карамазова, бывают галлюцинации. Подобно Ивану, он знает, что галлюцинация это как бы раздвоение личности. Ставрогин и Иван повторяют усвоенный урок, но в действительности и Иван, и Ставрогин *верят* в черта. Как сказано в «Преступлении и наказании», разве не могут быть эти галлюцинации от лукавого?

С точки зрения психологии их можно определить как раздвоение личности; Достоевскому это известно, как и его героям, но он полагает, что и раздвоение могло бы быть следствием беснования. Мир Достоевского это мир не только больной, но также мир закрытый и самодостаточный. В этом мире действует бес, и люди им одержимы. Драматична встреча Ставрогина с Дашей, страшен его смех, когда он рассказывает ей о своих видениях. Он чувствует, что внутренне поощрил или, во всяком случае, не отверг Федькино предложение убить помешанную, и не испытывает ни малейших угрызений совести. Он не проявляет инициативы, это так, но позволяет черту обладать собой и не восстает против его господства.

СТАВРОГИН И ТИХОН

У всех есть некая идея, которая придает смысл их жизни и внутренне поддерживает их. Ставрогин живет лишь собственной смертью. От этой смерти он хочет уйти и для того, чтобы возродиться, нуждается в сильных ощущениях, в глубочайших потрясениях. Встреча с епископом Тихоном отвечает этой потребности; это последний всплеск души перед непоправимым погружением Ставрогина в адскую безысходность. Он приносит Тихону свои записи и просит епископа ознакомиться с ними. К этому Ставрогина подталкивают, скорее всего, два обстоятельства: бессознательный поиск прощения, которое бы могло обновить его жизнь, и вместе с тем, вероятно, еще глубже запрятанное желание привести епископа в негодование, смутить его описанием своих злодеяний. Конечно, записки

предназначались для более широкого круга читателей, чем один единственный святой епископ, но, может быть, Ставрогин рассчитывал, благодаря реакции Тихона, заранее насладиться ужасом людей, которых он презирал.

Святой ничуть не выходит из себя; это для Николая Всеволодовича первое разочарование, но и первое указание на то, что можно дать волю надежде на прощение. Но записки должны были стать прежде всего вызовом. Ставрогин мог, презирая всех, бравировать своим презрением к людям, но у него не доставало силы, чтобы вынести всеобщее осмеяние, которое предсказывал ему епископ. Он не был готов к обращению, но не был готов и к тому, чтобы перенести иронию окружающих. И в таком состоянии он оставляет епископа, который видит, что его собеседник близок к новому преступлению. Ставрогин сможет разорвать сковывающую его цепь лишь самоубийством, которое для Достоевского — самый тяжкий грех, знак бесповоротного осуждения на вечную муку.

СТАВРОГИН И ПЕТР ВЕРХОВЕНСКИЙ

ЕСЛИ Ставрогин идет к Тихону, если он не реагирует на пощечину Шатова, это означает, что он не такой, как Петр. Он еще человек. Мог ли он покаяться и обратиться? По крайней мере, он не был совершенно закрыт для благодати. Его равнодушие, его апатия проистекали из опыта человека, который все изведal и во всем увидел суету и пустоту. Это равнодушие того, кто уже не в состоянии ни за что взяться всерьез. Его чудачества абсолютно бескорыстны; в них нет ни злонамеренности, ни вызова: именно с таким настроением он пребольно кусает губернатора за ухо. Его учтивость не фальшива; он неспособен лгать.

Нет, он не такой, как Петр. Петр Верховенский прежде всего (и Ставрогину это известно) некто, знающий, что лжет, и стремящийся обмануть; он — сама ложь. А Ставрогин — нет: его поведение, его слова могут содержать в себе загадку, но в них нет желаний обмануть. С другой стороны, Ставрогину вообще все рав-

но, какое впечатление могут произвести его слова. Он словно невосприимчив к жажде добра, впрочем так же, как и к жажде зла, жизнь сделала его неуязвимым в этом отношении. И все же, не в силах смириться с положением мужа помещанной, он соглашается, чтобы Петр избавил его от нее пожаром, в котором вместе с ней погибают и другие... Это и есть то, что предвидел Тихон. Несмотря ни на что, Ставрогин боится показаться смешным в своем браке и становится соучастником убийства. Это приводит к краху: он перестает выносить уже и самого себя и сводит счеты с жизнью. Петр может разрушить все, убить всех и не чувствовать вины. Да, Ставрогин ни тепл, ни холоден, но Петр это глыба льда. Бывают святые, уже при жизни осененные благодатью; Петр же необратимо слит с грехом, при жизни осужден.

Шатов не может ненавидеть Ставрогина; Петра же Шатов презирает как существо, не заслуживающее никакого уважения и внимания. Шатов просит Ставрогина очнуться от апатии; Петр, видя в Николае Всеволодовиче прирожденного вождя, хочет, чтобы тот встал во главе его банды. Но способен ли Ставрогин быть человеком, влекущим за собой других? Нет, *он предпочитает состояние влекомого* и уступает лжи и преступлению. Петр считает, что в конечном счете ему удалось скомпрометировать Ставрогина, что тот у него в руках. Но это не так, потому что Ставрогин кончает с собой.

ПЕТР ВЕРХОВЕНСКИЙ

ДЕТОНАТОРОМ действия является не столько чувственность, сколько гордость, стремление подорвать всякий порядок и встать на место Бога.

В «Бесах» все грешники — люди без страсти или, во всяком случае, без всякой страсти, кроме одной — жажды замечать собою Бога: их грех не человеческий, а дьявольский.

Они хотят построить на лжи новое человечество, новый человеческий порядок, но ложь порождает одну лишь смерть. Наместник Сатаны — Петр Степанович Верховенский. Ставрогин более не способен ни к какому действию. Он вдохновил

Петра, Шатова, Кириллова, и каждый ждет и желает его руководства. Он должен был бы стать предводителем для одних и для других, а стал для всех бесполезным. Дело же ведет Петр Верховенский, человек лжи.

Ставрогин ни тепл, ни холоден, поэтому Бог извергает его из уст Своих.

Слова из Апокалипсиса объясняют нам, кем является Ставрогин в романе. Уже при первом своем появлении в «Бесах» он человек конченный, неспособный ни на какое движение воли. Его состояние — результат беспутной жизни; он был богат природными дарованиями, богат имуществом и деньгами, он мог бы быть вождем и возглавить любое движение, в которое с радостью влились бы его приверженцы. Но Ставрогин не умел отдавать себя, самоотверженно служить никакому делу. Он жил исключительно для себя, никогда не вставал на путь служения идее и тем более какому-то человеку, так что можно сказать, что единственное содержание его жизни — его смерть.

Петр Верховенский, безусловно, — самое демоническое существо во всем творчестве Достоевского, это воплощение лжи; он способен на любое преступление, но, в отличие от Ставрогина, он служит идее, живет страстью. Он живет, чтобы разрушить установленный порядок. В его программе нет ничего положительного, у него нет нового порядка в противоположность или взамен старому. Петру угодно разрушение ради разрушения, зло ради зла. Он целиком отдается этому делу, он встал на службу этой идее. При этом Верховенский-младший отнюдь не живет стремлением к господству над другими; в качестве главы движения он видит не себя, а Ставрогина. Он повсюду, он знает все, вмешивается всегда во все, чтобы все омрачить. Он не любит, потому что любовь отвлекла бы его от работы; не уважает, не почитает и тем более не любит тех, кто признают в нем предводителя. Его вездесущность это вездесущность зла. Нет ценности или доблести, которые бы он уважал, нет человека, с которым бы он считался. Его воля не слабеет ни на миг, и он идет вперед в осуществлении своих планов, не зная препятствий. Во всем том, что он делает, что

думает, им руководит ум — холодный и острый, как лезвие кинжала. Он обладает какой-то нечеловеческой способностью превращать белое в черное. Маленькие, «чрезвычайно частые» шаги Петра, влетающего в гостиную в начале романа, его слова, которые сыплются без перерыва, словно бесчисленные зернушки бисера, делают его похожим более на машину, чем на человека. Это машина без сердца. Ставрогина Бог вот-вот исторгнет из уст Своих, но Петр уже исторгнут и проклят, он — бес.

Во всех романах последнего отрезка жизни Достоевского есть нечто от священной мистерии. Религиозная проблема постоянно присутствует, но, как и должно быть в романе, еще более ощутимо присутствует реальность мистерии. В «Бесах» страшным видением предстает то, чему научил нас Новый Завет: весь мир подвластен лукавому.

Николай Всеволодович, бесспорно, центральный персонаж, человек огромных дарований, прекрасной внешности; он живет в нерадении, предается разврату, не любя его, намеренно провоцирует скандалы, идет на соучастие в любом преступлении.

Петр же — воплощение лукавого, все в нем ложь, его забота — подделка истины, его дело — разрушение и смерть, на нем — смерть Шатова, Кириллова, Федьки; он подымает насмех и извращает любые отношения — с отцом, с товарищами по «обществу», с верным учеником Эркемем; растаптывает достоинство всякого, оскверняет все, к чему прикасается.

И все же знаком осознанного разрыва Петра Степановича с Богом становится его распря с отцом. Достоевского в свое время поразила мысль Федорова: когда совершится искупление, возвратятся к жизни отцы для общения с детьми, и это общение, «общее дело» окончательно победит смерть. А Петр, наоборот, отделяет себя от отца.

Человек в нем проглядывает единственный раз — когда он умоляет Ставрогина о мире, а потом уже Петр Верховенский говорит и действует, как бездушная машина. Он не верит в доброту, не верит в правду; без всякого стыда, и не помышляя о раскаянии, он может смертельно оскорбить отца, бесовски обмануть доверившихся ему. Он верен только лжи;

более того, ложь — его программа и его сила. Ужаснее ненависти, ужаснее стремления испохабить, разрушить все на свете, этот холодный, возведенный в принцип культ лжи. Дьявол — лжец и отец лжи (ср. Ин 8,44). Никто никогда не рисовал столь страшный образ беса.

Столь явно в Петре Верховенском проглядывает бес, что, возможно, многим из тех, что отрицают существование лукавого, нелегко поверить в правдоподобие этого персонажа «Бесов». Достоевский переносит нас в мир, *уже не только человеческий*. К Свидригайлову может в видениях приходиться жена, которую он отравил; черт может являться Ивану Карамазову, но вместе с Петром являет себя сам ад. Истинное измерение человека превосходит человека.

Почему Петр не в центре романа, хотя именно он управляет действием? Казалось бы, у Ставрогина тоже нет друзей, Ставругин тоже не имеет ни с кем общения, основанного на любви, но Ставругина могут любить; он еще не совсем погиб. Кто-то любит его, молится о нем. Петр же дьявольски холоден: люди могут идти за ним, более того, его власть над ними может быть огромной, ему подчиняются без возражений, без рассуждений, — но никто не может любить его. Петр (как и Ставругин) не любит, но он и не любим. Петр чувствует, что без Ставругина он скорее всего пропадет.

Ведь только любовь ведет за собой. Единственная нить, которой Петр привязывает к себе людей, — компрометация; он приковывает их к себе преступлением. Но Ставругина он не привязал и, что еще знаменательнее, Петр не привязывается к тем, кого привязал к себе.

Петр присутствует повсюду, повсюду иницирует действие. И сам действует даже с известным воодушевлением, но его деятельность сеет смерть. Он один не умирает, но, когда срывается революция в городе, где разворачивалось действие, исчезает. Петр Верховенский исчезает и отправляется в иные места, чтобы строить новые преступные козни. Стало быть, даже потерпев поражение, лукавый готов вступать в борьбу вновь и вновь, и так без конца. Он не испытывает раскаяния, не отказывается от своей устремленности к разрушению. Сколь Богу

угодны созидание и жизнь, столько же бесу угодны хаос и смерть. Бес не выставляется, он действует через людей, которых компрометирует и вынуждает к преступлению.

Петр отрекся от отца, а это противоположно «общему делу», — спасению в воскресении отцов.

План Верховенского-младшего поистине дьявольский: он хочет пустить «неслыханный разврат»; «мы всякого гения потушим в младенчестве», — обещает он. Петр Степанович хочет уничтожить в человеке образ Божий; в его словах — программа самой страшной борьбы против Бога. «Все свести к одному знаменателю» — это ли не план разрушения человека, его достоинства, его свободы. Только так можно убрать Бога с лица земли. Роман обнажает яростную борьбу ада со всяким присутствием Бога, а таинство присутствия Бога — человек.

Петру противостоит князь Мышкин из романа «Идиот». Петр — человек лжи; бесчувствие хуже ненависти, бесчувственный человек может убить совершенно хладнокровно, без ненависти. Не ненависть, а ложь делает его воплощением дьявола. Князь, наоборот, — абсолютная прозрачность, он способен не только лгать, но и скрывать правду. Его наружность — чистый свет, но его любовь лишена страсти, подобна ангельской, и в этом-то и состоит ограниченность Мышкина, потому что любовь это и страсть тоже.

ШАТОВ

ПЕРВЫЙ персонаж, появляющийся после Варвары Петровны и Степана Трофимовича, — Шатов. Автор романа знакомит нас с обстоятельствами его рождения, в нескольких строках рассказывает о его жизни. Шатов находится в числе посетителей кружка, который собирался у Степана Трофимовича. Когда мы встречаемся с ним, он уже превратился из социалиста в славянофила. Побывал за границей, пожил в Европе и в Америке, но вернулся в Россию, и его возвращению сопутствовало изменение его взглядов.

Теперь он признает, что западники, которые принесли социализм в Россию из Европы, не знали, и не любили Россию и потеряли всякую связь с народом и с Богом. Именно поэтому они стали «или гнусными атеистами, или равнодушной, развратной дрянью». «Неуклюжий, но стыдливый», Шатов — человек, верящий в свои идеи и только ими и живущий, в отличие от Степана Трофимовича, который занимается литературой. Шатов появляется в романе многократно; изумительна встреча Шатова со Ставрогиным. В своем целомудрии он сильнее всех тех, кто посвятил себя преступлению. Он один имеет власть над Ставрогиным. Он может дать ему пощечину, заставившую Ставрогина «сильно качнуться на месте», и тот оставляет оскорбление без ответа; но еще больше, чем в этой пощечине, являет Шатов свою силу во время встречи, которая происходит уже не в гостиной у Варвары Петровны, а в снимаемой Шатовым комнатке.

Николай Всеволодович Ставрогин сначала заходит к Кириллову, а затем — к Шатову. И того, и другого Ставрогин поработил; его слово, совершенно различным, даже противоположным образом, полностью покорило их. Теперь они живут этим словом, которое услышали от него. Кириллов должен отделаться от Бога, чтобы добиться абсолютной свободы. Шатовым владеет идея религиозного мессианизма; религия и жизнь Кириллова — атеизм, религия и жизнь Шатова — народ. Кириллов преодолел свою зависимость от Ставрогина и живет одной идеей: он «мистик» атеизма. Шатов же, напротив, ожидает от Ставрогина осуществления того мессианизма, который с некоторых пор стал для него смыслом жизни.

Шатов не может смириться с нравственным оскудением своего героя. Когда Ставрогин спрашивает Шатова, почему он его ударил, тот отвечает: «Я за ваше падение... за ложь». Ставрогин был его учителем, его богом, и он ждал его, как спасения. Шатов верил в мессианизм России, но сознавал, что не может быть орудием осуществления этой мечты; он рассчитывал на Ставрогина, но теперь Николай Всеволодович увиделся ему человеком распущенным, лгуном, расточившим свою силу в пороке. Их встреча жестоко разочаровала Шатова, который

так долго ждал и надеялся. Его смятение увеличивается, когда он узнает, что Ставрогин вступил в «общество».

«Вы, вы, Ставрогин, как могли вы затереть себя в такую бесстыдную, бездарную лакейскую нелепость! Вы член их общества!». В народническом мессианизме Шатова Ставрогину отводится роль предводителя, он тот долгожданный, от которого зависит спасение.

Николай Всеволодович удивляется, узнавая, кем ему, по всеобщему мнению, надлежало бы стать, но, по сути дела, в его удивлении проявляется лишь его неспособность воспринять всерьез жизненное поприще; он погружается в распутство, не любя его; зажигает Шатова своими речами, оставаясь сам безучастным; помогает обществу, но не желает ему принадлежать. Он стоит на страже своей свободы, чтобы ни в какое дело не вкладывать души. Шатов же — энтузиаст, как и Петр Верховенский: «Я вас слишком давно ждал, я непрерывно думал о вас. Вы единый человек, который бы мог...». Слова Шатова это слова человека, отдающего жизнь за осуществление идеи, ему нестерпимы разговоры о нем самом, ему безразлична нависшая над ним угроза гибели, он говорит и принуждает Ставрогина выслушать его.

Он один отваживается напоминать Ставрогину о его оргиях, бичевать его суровым словом, и Николай Всеволодович слушает его, не выказывая возмущения, и даже обещает сходить к Тихону. Ставрогин еще не совсем погибшая душа; Шатов родился у него в доме, и, главное, Шатов чистый человек, — и Ставрогин, для которого этот разговор подобен пытке, не уклоняется от него. Но рана слишком болезненна: Николай Всеволодович не привык подвергаться столь нелюбезному и открытому суду и выслушивать столь суровый приговор. «Говорите, не смейте лгать!», — кричит ему Шатов. Ставрогин отвечает и выдает себя: «Он побледнел», — пишет Достоевский. Это реакция на настойчивые, яростные обличения Шатова. Ставрогин не хочет больше отвечать, и все же остается на месте, он больше не придет к Шатову, зато пойдет к Тихону. И не кто иной, как Ставрогин, обращается к Шатову с некоторой даже кротостью: «Прошу вас, отворите мне ворота». В

конце концов в Николае Всеволодовиче как будто пробуждается раскаяние. Когда Шатов говорит ему: «добудьте Бога трудом», кажется, что Ставрогин всерьез принимает эти слова. В нем словно начинает робко теплиться желание изменить жизнь, и он соглашается сходить к Тихону.

Если верно, что в центре романа стоит Ставрогин, то это его центральное положение прямо оправдывается двумя персонажами, которые являются воплощением двух крайностей, сожигательствующих в нем самом. Да, сам Ставрогин подобен мертвецу, но он живет в этих двух персонажах: один из них Петр, другой Шатов. Но в Шатове, больше, чем в любом другом действующем лице «Бесов», присутствует и автор романа. Достоевский вкладывает в уста Шатова свои собственные слова; как и Шатов, Достоевский возвращается из Европы в русскую землю, от западной мысли — к мессианизму своего народа. Может быть, писатель чувствует, что еще не нашел Бога?

Конечно, страстная речь, с которой Шатов обращается к Ставрогину, до того ясна, что эта ясность даже причиняет боль. Что же, Бог это только душа народа? Здесь-то Ставрогин и прерывает своего обвинителя; он берет реванш за перенесенную пытку обличения, спрашивая: «А в Бога, в Бога вы веруете?». Возможно, достаточно этого короткого вопроса, умерившего шатовский напор, для того, чтобы удостовериться, что сам писатель, познав искушение народнической религией, преодолел его. Не существует русского Бога. Русский мессианизм нельзя отождествить с религией. Шатов будет убит, и с его гибелью окончательно развеется миф о русском мессианизме, который якобы должен придти на смену такой вселенской религии, как христианство.

Вопрос Ставрогина словно пробуждает Шатова от его экзальтации. В действительности, Шатов — самое светлое создание Достоевского в «Бесах»; он чист душой и не может принять лжи, не живет для себя, и, главное, любит. Даже его обвинительная речь против Ставрогина стоит на любви: он не может допустить, чтобы Ставрогин погиб. Но в полной мере тонкость и щедрость его души раскрываются в конце романа,

когда к нему возвращается жена, чтобы родить ему ребенка, зачатого от другого. Ни слова упрека нет у него; Шатов не знает, что такое прощать, он только любит. Он испытывает такое счастье, принимая женщину, бросившую его и изменившую ему, что приходит в полную растерянность. Он не знает ни что делать, ни как. И дело доходит до того, что Кириллову приходится помогать ему во время родов и позже, в первых заботах о ребенке. Шатов не знает, что вот-вот погибнет и думает, что теперь-то только и начнется его настоящая жизнь. На ложь тех, кто приговаривают его к смерти, отвечает простодушная, доверчивая беззаботность человека, наконец почувствовавшего, что он волен вступить на новый путь любви и счастья.

КИРИЛЛОВ

Во всех произведениях Достоевского не найти страниц, подобных тем, которые запечатлели исповедь Кириллова. «Мистический» характер его опыта как-то особенно отзывается в сердце еще и потому, что Кириллов излагает свой опыт, ссылаясь на тексты Нового Завета. Именно в нем, Кириллове, который хочет избавить людей от Бога, будто бы осуществились евангельские обетования. Опыт Кириллова, как ему представляется, предвещает эсхатологическую эру: время исчезает, когда человек чувствует присутствие в себе гармонии и блаженства, и в этом состоянии человек не может жить, если прежде не переменится.

Какой же смысл придает Кириллов словам из Нового Завета, которые он приводит в подтверждение всего того, чем и ради чего он живет? Кириллов утверждает, что мысль о Боге терзала его всю жизнь. Совпадает ли для него конец Бога с вхождением человека в новый мир гармонии и неисчерпаемой полноты жизни? Кириллов видит связь между концом Бога и этим опытом, но Шатов прерывает его, выказывая озабоченность состоянием здоровья Кириллова. Не являются ли эти его ощущения всего лишь признаком приближающегося

эпилептического припадка? Для Кириллова уже не существует закон, все ему безразлично, добро и зло. С устранением Бога исчезают любые критерии суждения. И все же Кириллов по сути своей добр. Он живет аскетической жизнью, он откликается на нужды друзей. Но ни доброта, ни, тем более, переживаемый опыт, не делают из Кириллова христианина. Он не любит, он маньяк, и даже друзья испытывают к нему некоторую жалость. Человек, даже совершая худшие преступления, может оставаться человеком, но, желая заменить собою Бога, он человеком перестает быть.

Кириллов — родня Ивану из «Братьев Карамазовых»: для него, если Бога нет, все не имеет значения. Не существует ценностей — ни добра, ни зла, все теряет очертания, становится одинаковым. Но против всех этих логических построений восстает инстинкт жизни. Смерть Кириллова вместе трагична и гротескна: он не хочет умирать. Высшее осуществление свободы, которое человек, по мысли Кириллова, должен обрести в отрицании Бога, — *располагать собою целиком*, избавляясь от Бога с помощью самоубийства. Совершая самоубийство, полагает Кириллов, человек становится Богом. Но кто может располагать собой после смерти? На деле такой идейный самоубийца не становится Богом и не остается человеком.

Иван еще человек, он способен испытывать раскаяние, осознавать преступление как нечто ужасное, а Кириллов нет. Поэтому у Ивана бывают видения, в которых он может ощущать себя грешником, проклятым, чуть ли не собственностью лукавого; в «Бесах» галлюцинациями страдает Николай Ставрогин, но у него они возникают под воздействием воспоминаний о преступлении и не столь тяжки, как Ивановы. В «Братьях Карамазовых» добро и зло отделены друг от друга намного больше, Кириллов же в «Бесах» действительно потерял Бога, добро и зло в нем неразличимы, он утратил всякое чувство вины. И тем не менее, хотя на уровне сознания для Кириллова исчезло всякое различие между добром и злом, на инстинктивном уровне он остается человеком и может помочь Шатову в его нужде и не может быть заодно с Петром. Несмотря ни на что, Кириллов отказывается отождествлять себя с Верховенским-

младшим. Лживость Петра — вот что вызывает отвращение у Кириллова. Инстинкт жизни одолевает его идеи.

Смерть Кириллова становится агрессивной, эта смерть невообразимо страшна.

Ни смерть Лизы, ни гибель Шатова, ни даже конец Николая несопоставимы со смертью Кириллова. Апофеоз человека, который своей смертью должен был продемонстрировать миру свою божественность, свидетельствует исключительно о паническом страхе человека, ощущающего смерть только как конец. Человек, который рассчитывал заменить Бога, становится лишь гротескной маской; в движении Кириллова, когда тот, только что неподвижный, стремительно кидается на Петра и вгрызается ему в палец, различимо трагическое дерганье марионетки.

Так его смерть доказывает, что рассуждения могут быть весьма причудливо, не вполне естественно связаны с размышляющим. Истина имеет в человеке более глубокие корни, чем отвлеченная мысль. Умозаключения Кириллова должны бы были сделать его ко всему безразличным — если он полагает, что все безразлично.

С устранением Бога упраздняются все ценности; все одинаково и все бессмысленно. Но это не так: Кириллов остается человеком и не может устранить Бога — он добр, чуток в заботе о жене Шатова. Но особенно несостоятельность его умозаключений проявляется в его гибели. Он не хочет умирать, восстает против смерти. Безобидный, неспособный причинить боль, он, как кошка, впивается зубами в Петра, требующего его смерти.

Петр пропускает мимо ушей его наставления, ему важно, чтобы Кириллов застрелился, как обещал. Так, вместо того, чтобы явить в своей смерти акт высшего своеволия, Кириллов переживает самую омерзительную рабскую зависимость от подлеца, которому нужно взвалить на него ответственность за собственные преступления.

Совместимо ли отрицание Бога с нравственностью? Религиозная жизнь есть прежде всего осознание личной связи с Богом, а затем уже исполнение добродетелей; когда отсутствует

такая связь, человек может вообразить, что он способен заменить Бога и предположить, что его поступка достаточно, чтобы преобразить человечество, осуществить спасение.

Смерть Кириллова, вместо того, чтобы преобразить людей и ввести их в мир окончательного спасения, становится проявлением несказанного, панического ужаса. Как мог человеческий поступок совершить спасение людей? Воля человека не может быть основанием его бытия. Человек получает бытие, а не создает его. Только деянием Христа могут быть спасены все люди, потому что Он их создал, и в Своем воплощении сделался едино со всеми. Доброта Кириллова не делает его едино со всеми, а наоборот, ото всех его отделяет. Его смерть так страшна, потому что бесполезна. Кириллов умирает в одиночку, и неизвестно для чего. Впрочем, ему безразлично, воспользуется ли Петр его гибелью для своих преступных целей. Люди ничего не знают о его смерти, и для него самого смерть становится проклятием; он уже не человек, а автомат, робот.

Труп Шатова ночью бросают в пруд, и в этом можно увидеть траурный обряд, обладающий даже каким-то суровым величием; труп Николая Ставрогина обнаруживает его мать; а вот о мертвом Кириллове неизвестно ничего; умерев, он исчезает, никто не востребует его тело. Та новая эра, которая должна была начаться с этой смерти, есть ужас небытия — и только.

СТЕПАН ТРОФИМОВИЧ

СТЕПАН Трофимович — выразитель самого чистого завета Достоевского: «красота спасет мир». На празднике, организованном, как может показаться, женой губернатора, а на деле — как раз теми, кто хотел подорвать порядок и государство, Верховенский-старший произносит речь, которая становится его завещанием. Человеку нужна красота, без всего он может обойтись, но без красоты ему не прожить. То, что кажется самым бесполезным, необходимее всего; человек действует, только в виду цели, а цель любой человеческой деятельности — красота. В ней человек находит успокоение.

Хотевшие опрокинуть общественный порядок не знали красоты и не выносили ее.

Человек же слабейший и, по-видимости, уже конченный, вдруг оказался сильнейшим, в своей немощи. В его словах была сила, которой сильные ничего не смогли противопоставить, кроме неистового галдежа, призванного заглушить оратора, заставить его замолчать.

Воле к революции, которая разрушит все и вся, Степан Трофимович противопоставляет красоту, заявляя, что она есть «настоящий плод всего человечества и, может быть, высший плод, какой только может быть! Форма красоты уже достигнутая, без достижения которой я, может, и жить-то не соглашусь...».

В действительности, Степан Трофимович откроет для себя красоту иную, возвышающуюся над красотой искусства, когда, сбжав из дома, он встретит книгоношу, продавщицу Евангелий, и в этой встрече познает любовь, а в любви — Бога. Не красота искусства, а духовная красота спасет мир. Достоевский познал ее во Христе. Явить Его миру — в этом, по мысли писателя, состояла миссия России. У Степана Трофимовича едва достанет времени, чтобы узнать Его.

Для Степана Трофимовича Бог растворяется в человеке, только в человеке Бог осознает Себя; для Шатова Бог — душа народа, так что «у кого нет народа, у того нет Бога». Человек не покидает себя. В чистой игре имманентности Бог становится лишь атрибутом человека и нации, Он лишен всякого элемента трансцендентности. Для Кириллова Бог — человеческое изобретение, но у Него нет ни одного положительного атрибута человека. В Своей трансцендентности этот Бог отнимает у человека его свободу; получается, что человек сообщает этой воображаемой реальности свою свободу и становится рабом своего создания.

Только в Петре отсутствие Бога становится абсолютным. Петр — существо, наделенное умом, но при этом являющееся не человеком, а машиной и даже марионеткой. Ему, в отличие от Ставрогина, незнакома немощь плоти, он — дух бесплотный, но дух зла. Ни сомнение, ни чувство, ни идея не

снедали его. Кириллов, которому представлялось, что он может упразднить Бога и актом абсолютной свободы обрести божественность, познаёт лишь чудовищную и гротескную смерть.

Вопросы Ставрогина, попадающие прямо в цель, помогают Шатову почувствовать, что его вера бедна, что он должен подлинной верой преодолеть свою идейную позицию. Богом живет епископ Тихон, в смиренной простоте живет книгоноша, живет народ, который приходит за словом совета и утешения к юродивому. Даже Федька, разбойник, знает Бога лучше, чем люди умственного труда. Но и Степану Трофимовичу все же удастся встретить и узнать истинного Бога — в преданности Софьи, скромной вдовы, продающей Евангелия.

Степан Трофимович безобиден, совершенно неприспособлен к практической жизни. Он живет в воображаемом мире, который сам для себя создал. Он может пройти сквозь все события, не меняясь, оставаясь вечным ребенком, но их (детей) есть Царство небесное (ср. Мф 18,3)..

Фактически он один из всех остается непреклонным в отказе от лжи. Степан Трофимович способен не только на красивые фразы, он умеет переносить с достоинством непонимание и несправедливость, не угашая дружеского чувства к своей покровительнице, умеет постоять за «свою веру» и осудить преступную поверхностность рукоплещущих «новым идеям».

Беззащитный, одинокий, Верховенский-старший вступает на путь к свободе. И именно благодаря тому, что он честен со всеми, Степан Трофимович наконец находит любовь, встретив книгоношу, и Софья сопровождает его в этом последнем странствии, конечный пункт которого — смерть. Образ Премудрости, она не оставит его. Степан Трофимович потерял сына как только тот вернулся. Он отказался от любой материальной поддержки со стороны женщины, которая до тех пор протезировала ему; своей речью на празднике он порвал всякую связь с миром. Он отверг, потерял все, но нашел любовь. Бог это уже больше не то Существо, Которое осознает Себя в человеке. Теперь Степан Трофимович отказывается и от своего наивного идеализма и принимает Бога, Который есть любовь. Перед кончиной он со смиренной простотой приемлет таинства

Церкви. Воодушевление Степана Трофимовича окрашено уже не в литературные, а в религиозные тона; смерть больше не страшит его, потому что он уже победил ее уверенностью в своем бессмертии.

Последние страницы романа, которые повествуют о его смерти в скромном доме — одни из самых возвышенных и вдохновенных во всем романе.

ТИХОН

НИКОЛАЮ Ставрогину, Петру Верховенскому, Кириллову и Федьке противостоит епископ Тихон, свидетель Божий. Действовать дано одним лишь орудиям зла, Тихон не совершает никаких действий.

Он присутствует в городе, но не на переднем плане. Он не блещет ученостью, не кичится своим саном. Даже монахи, которые живут с ним в монастыре, относятся к нему без всякого уважения, некоторые — враждебно, но ему как будто нет до этого дела. Он принимает стремящихся к нему, желающих поговорить с ним и просящих совета или утешения. Он ничего не ищет для себя и не навязывает свое мнение посетителям, не судит и не осуждает, и, более того, прежде всего хочет верить в честность их намерений и, насколько это для него возможно, входит в их положение. Тихон не только не ставит себя выше других, но и не реагирует, когда другие его оскорбляют. Его отношение к посетителям, проникнутое кроткой любовью, поддерживается и питается его единением с Богом. Он знает людей, обладает безошибочной интуицией касательно намерений, мыслей тех, кто его ищут. Он живет в безмолвии и, по возможности, в одиночестве, но ни одиночество, ни безмолвие не отдаляют его от людей. Он помнит посетителей и, судя по всему, следит, из своего затвора, за жизнью каждого. Быть может, он имеет дар сердцеведения (ср. Мф 9, 4; Мк 2,6.8; Лк 5,22; 9,47; 24,38)?

В своей любви к людям он становится с ними едино и так узнает их.

Есть ли какой-то свет, противостоящий тьме мира, подвластного злу (не зря действие романа нередко разворачивается ночью)? Бог не может отсутствовать, если это Бог. Он присутствует в епископе Тихоне, который удалился от деятельного служения, чтобы жить в смирении и в безмолвии. Он не вступает в игру, не живет в истории. Бог в нем присутствует, но Его будто бы нет, Он будто бы безвластен. Христианство в «Бесах» мы могли бы определить как строгое и простое христианство. Рассказывая о встрече Ставрогина с епископом Тихоном, Достоевский вдохновлялся фигурой Тихона Задонского, который именно в годы создания романа был канонизирован русской Церковью. Увещевания Тихона, обращенные к Ставрогину, носят традиционно-аскетический характер; епископ требует от него смирения, исповедания и признания собственного греха и наконец обращения.

Урок этой главы, расположенной в центре романа, состоит в том, что человек может, в определенный момент своей жизни, оказаться перед необходимостью выбирать между двумя безднами: бездной Божьего милосердия и бездной преступления. Бездна с неизбежностью призывает бездну; человек, укоренившийся во зле, вряд ли сумеет его отвергнуть и почти неизбежно устремляется в бездну худшего зла, словно ужас нового преступления может истребить ужас первого. В противоположность Ставрогину епископ Тихон — образ святого. Он не говорит о себе. Преступления Ставрогина не возмущают его, он чувствует, что «способен» на любую низость. Тихон знает, что вера его несовершенна; действие, в котором он проявляет себя — его тайная, но страстная молитва ко Христу.

ТИХОН И ЗОСИМА

ЗОСИМА — старец, духовник Алеши Карамазова, Тихон — епископ, отошедший от деятельного исполнения своих архиерейских обязанностей. В творчестве Достоевского эти два

персонажа наилучшим образом представляют историческое христианство. В образе старца нам явлено открытое христианство, которое с полным основанием можно назвать благой вестью. Жизнь, наставления старца, — пророческая весть христианства, не укрывающегося более в монастырях и, может быть, уже не связанного с некой традиционной формой церковной жизни. Тихон более строг и более верен историческому христианству. Изображая его, Достоевский брал за основу лицо историческое, одного из самых замечательных деятелей русского христианства, св. Тихона Задонского. Епископ Тихон живет на покое, как обычный монах, но в монастыре он остается в изоляции. Старца Зосиму в «Братьях Карамазовых» окружают другие монахи, Тихон же одинок, единомышленников около него нет. Он страдает нервными судорогами, выглядит болезненным, слегка застенчивым, совершенно лишен напускного, внешнего достоинства.

Достоевский пишет: «проживавший на спокойе архиерей... не сумел внушить к себе, в самом монастыре, особого уважения. Говорили, что отец архимандрит... даже питал к нему некоторое будто бы враждебное чувство». Все это можно было бы написать и о св. Тихоне.

Желание Достоевского взять за основу сведения о жизни святителя Тихона Задонского свидетельствует о том, что писатель к этому времени уже полностью примирился с Церковью. Ставрогин испытывает к Тихону противоречивые чувства: то раздражение, то глубокую симпатию, но всего сильнее в нем гордость. Безоружная кротость епископа пробуждает в Ставрогине чувство глухого противления. Где святость души — там всегда противоположные реакции; человек хотел бы предаться ей без остатка, но часто начинает защищаться и только больше замыкается в своей гордости.

Тихон в «Бесах», в самом деле, образ святого, — в своей кротости, в простоте и в простодушной чистоте своих слов. Он безропотно принимает презрение, злобное ехидство Ставрогина, но когда тот осмеливается с насмешкой спросить: «Вы, конечно, и христианин?», Тихон, «каким-то страстным шопотом» произносит: «Креста Твоего, Господи, да не постыжуся!».

Это одна из крайне немногочисленных молитв в романах Достоевского и еще это одно из важнейших исповеданий веры писателя: он знает, что не нравственное измерение является основанием христианской жизни, а живая связь с Христом.

Слова Ставрогина становятся все более резкими и оскорбительными. Перед лицом такой его настроенности, не для того, чтобы ответить на оскорбления, но в заботе о спасении человека, который, как догадывается епископ, готов исполнить «ужасное намерение», Тихон предстает во всем величии человека Божия. Твердо посмотрев на Ставрогина, он взывает к нему: «умоляю, не мучьте себя и скажите все». Ставрогин дает Тихону прочитать несколько печатных листиков. Это исповедь за всю жизнь, беспорядочную, истраченную на порок, отмеченную чудовищными поступками и преступлениями. Прочитав этот документ, Тихон говорит с силой и уверенностью. Так исповедь ли это? Ставрогину кажется, что это была последняя возможность. Он колеблется между раскаянием, мольбой о прощении и вызовом мнению света, последним актом сатанинского бунта против любого нравственного закона.

Тихон не хочет замечать обиды, наносимые ему Ставрогиным; он весь захвачен стремлением спасти человека, который к нему пришел. Он старается помочь ему утвердиться в покаянном чувстве, в желании покаяться, но в конце концов епископа молнией поражает неожиданное видение. Ставрогин не покается, не будет искать прощения, он к этому не готов... но он недостаточно силен даже для того, чтобы, в случае обнародования документа, выдержать презрение людей и, тем более, всеобщий смех, который, по словам епископа, поднимется по его прочтении. Спасение отвергнуто, и теперь Ставрогин для Тихона не более чем «бедный, погибший юноша».

Тихон видит, что еще до обнародования листков, может быть, чтобы избежать этого обнародования, Ставрогин совершит преступление еще более ужасное, чем все предыдущие.

Рассказ о встрече Ставрогина с Тихоном — глава редкой силы. Если, можно сказать, все творчество Достоевского это повествование о борьбе добра и зла, то эти страницы, которые даже не вошли в окончательный текст романа, в

действительности находятся в центре всего творчества писателя. Столкновение между добром и злом здесь непосредственное, и в нем явлен лик и Того, и другого — Бога и лукавого. Бога — в истинном смирении Тихона, который выслушивает человека и всякий раз хочет помочь ему покаяться, начать новую жизнь. Лукавого — в раздражении, издевательских насмешках Ставрогина, в его желании спровоцировать и унижить Тихона, который никак не реагирует на оскорбления.

МАВРИКИЙ НИКОЛАЕВИЧ

ЗЛО по природе нахраписто, Петр проникает повсюду и как будто повсюду обладает полной свободой действий, входя в доверие даже к власти имущим; добру наоборот словно все время сопутствует что-то нескладное, неуклюжее, неловкое, и даже когда в нем все же распознают добро, ему не удается снискать людскую благосклонность. Так, например, происходит с епископом Тихоном. Но Тихон, удалившийся от архиерейских дел, чтобы жить в одиночестве, не играет сколь-нибудь заметной роли в сюжете романа. Другая фигура является в романе своего рода воплощением добра. Это трагический образ в мире «Бесов». Добро не имеет ни власти, ни признания.

Маврикий Николаевич любит Лизу любовью, исполненной безоговорочной преданности, стоит ей подать знак — он тут как тут, его не обижают ее капризы, не возмущает ее скандальное поведение, ему никогда ничего не приходится ей прощать: он только любит. Он даже отказывается от Лизы, потому что видит, что она безумно любит Ставрогина, и предлагает Николаю Всеволодовичу занять его место в жизни любимой, и при этом продолжает любить ее — неразделенной любовью. Он ждет ее под дождем после того, как она убежала от Ставрогина, провожает до дома Лебядкина, куда она устремляется, «словно горячая», чтобы взглянуть на зарезанную законную жену Николая Всеволодовича. Здесь, не имея возможности повлиять на происходящее, Маврикий Николаевич

присутствует при расправе над Лизой, которую до смерти избивает толпа, видящая в ней виновницу преступления. Маврикий Николаевич всегда рядом, когда нужно защитить любимую, но всегда — в безмолвии, в сторонке, как бы всеми забытый. Все ждут от него, чтобы он забыл о себе и жил исключительно для других, и как будто никто не удивляется и не замечает его преданности, его кротости.

Тихон уединяется в монастыре, Маврикий живет в миру; один — официальный представитель Церкви, другой — простой мирянин, однако свидетельство одного не ниже свидетельства другого.

ФЕДЬКА

ФЕДЬКА способен совершить любое преступление и не испытывать ни раскаяния, ни угрызений совести, может разорвать церкви и все же иметь верующую душу. Нравственное чувство в нем столь притуплено, что ему, в общем-то, все равно, за какое преступление браться, и вместе с тем, он сохраняет веру и не теряет упования на заступничество Пресвятой Богородицы. Конечно, это соединение парадоксально, но оно говорит о том, что возможно существование религиозности, которая, по-видимому, не знает никакого нравственного закона. Федька даже упрекает Петра Верховенского за его атеизм. Все преступления, которые он совершил, не мешают ему иметь смиренную веру в Богородицу, не мешают ему признавать, что есть идеал красоты и милосердия, не подрывают его уверенности в существовании незапятнанного добра, которому он воздает должное. Петр же в своем воинствующем атеизме хотел бы истребить саму возможность этой красоты и этого добра.

В словах Федьки явно проступает то, что отличает его от Петра Степановича. Во всем, что Петр делает и замышляет, им движет холодная и неутолимая ненависть к Богу, ко всему тому, что ему о Нем напоминает.

По сравнению с Петром, которому введомы одна ложь и для которого нет никаких ценностей, и Федька — человек. Пре-

восходна сцена, в которой происходит столкновение между ними, и Федька разъединяется со своим «заказчиком». К этому времени Федька уже слишком хорошо узнал Петра и понимал, что после первого убийства из него теперь, лживыми обещаниями вознаграждения, пытаются вытянуть согласие на расправу со Ставрогиним; но перед лицом нового «поручения» восстает и душа разбойника. Он собирается уйти, не дожидаясь обговоренной мзды, но Петр находит его в доме Кириллова, и здесь-то и происходит столкновение, в финале которого Федька, придя в страшную ярость, несколькими сокрушительными ударами сваливает Петра с ног.

Извращенность ума — худший вид извращенности. Сцена отвратительна, однако, Федька в этой ситуации рассуждает как человек здоровый, его здравый смысл здесь защищает жизнь. Для Достоевского тот, кто сохраняет веру, даже самую скудную, никогда не отречется от осознания добра и зла. Так, в прямом сопоставлении, даже разбойник оказывается лучше Петра. Федька — человек; Петр же, в своем холодном и расчетливом продумывании наперед, подобен бесу, он не знает раскаяния и прощения, он всегда готов и способен на любое преступление. Кириллов говорит, что, если Бога нет, все безразлично. Но это не так: Петр никогда не бывает совершенно безразличным к окружающему миру; напротив, он — сплошная ложь, он хочет только зла. Верховенский-младший никого не уважает, он не знает, что такое человеческие отношения, он абсолютно одинок.

Мы не можем забыть ни набожности убийцы, ни странно-го поведения «человека Божия». Это два типично русских проявления народного христианства. Семен Яковлевич в романе лишь эпизодическое лицо, Федьке уделено намного больше места. У него нравственность полностью разъединена с религией. Эта разделение, конечно, было постоянным искушением для самого автора «Бесов». У Достоевского различие между нравственным законом и набожностью само по себе стремится стать разделением, причем в этом нет никакой полемичности. Нельзя отрицать, что в набожности Федьки, убийцы, есть парадоксальная подлинность.

СЕМЕН ЯКОВЛЕВИЧ

СЦЕНА с богомольцами в комнате Семена Яковлевича могла бы вызвать отвращение, если бы не позиция Достоевского: он не смеется ни над благочестием, ни даже над суевериями простонародья. Только такие женщины, которые рыщут в поисках развлечений, способных разогнать скуку пустой жизни, могут смеяться над набожностью простецов; впрочем, этим дамам сполна отплачивает Семен Яковлевич, необразованный простолюдин, который верит в свою особую духовную одаренность. Это не лицемер, пользующийся легковерием людей.

В сцене с участием Семена Яковлевича Достоевский вводит нас в мир наивной религиозности, мир суеверный и все же подлинный. Более суровым по отношению к нему писатель предстанет в «Братьях Карамазовых». Здесь же единственной диссонирующей нотой звучит хамская назойливость дамы, которая продолжает задавать вопросы «человеку Божию», не получая ответа, и которую в конце концов он осаживает «крайне нецензурным словом». Семен Яковлевич — юродивый,¹ прозревающий расположения сердца. Из всей развеселой компании, которая зашла в комнату, чтобы поразвлечься у него за спиной, он не обращает внимания ни на кого, кроме Маврикия Николаевича, которому приказывает подать чай с сахаром. Чуть погодя именно Маврикий Николаевич, чтобы исполнить каприз Лизы, соглашается на унижение и, с неизменной серьезностью в лице, отворив дверцу решетки, отделяющей юродивого от богомольцев, становится перед ним на колени. Маврикий Николаевич — единственный безраздельно добрый человек из всего сообщества персонажей, населяющих полотно романа.

---

¹ Прототипом Семена Яковлевича явилось историческое лицо - Иван Яковлевич Корейша, обитатель сумасшедшего дома, почитавшийся народом как святой (Т. Spidlák *I grandi mistici russi*, Città Nuova, Roma 1977, p. 147)

СОФЬЯ МАТВЕЕВНА, КНИГОНОША

ЭТА скромная, незаметная женщина — Божье орудие: благодаря ей темный мир озаряется светом. Она, как и Соня из «Преступления и наказания», как и Соня из «Подростка», — образ Премудрости Божией. Софья Матвеевна продает Евангелия. Тихон явил Ставрогину требования Бога, и Ставрогин закрылся еще больше, чем прежде, стал настоящим узником зла.

А вот женщине удастся спасти другого персонажа «Бесов». Книгоноша сумела примирить беглеца Степана Трофимовича с Богом и дала ему мир. В своем смирении она не продала Евангелие, она открыла душу Степана Трофимовича любви, помогла ему узнать, что такое любовь Божья.

Так Бог живет в мире «Бесов». Кажется, что все обречено на разрушение, кажется, что тьма объемлет мир и что весь мир достается в добычу злу; но тайно, незаметно противостоит ему Божье присутствие — в кроткой женщине без семьи, без дома, без власти, — если не считать власти робкой любви.

И Даша, женщина, которую Варвара Петровна думала выдать замуж за Степана Трофимовича, хотела бы ходить по деревням из дома в дом, продавая Евангелие. Она чувствовала, что на ней лежит миссия спасения, соглашалась поехать в кантон Ури, чтобы быть при Ставрогине, но после того, как тот свел счеты с жизнью, она, может быть, и в самом деле пойдет разносить Евангелия.

Таким образом, образ книгоноши с Евангелиями тайно проходит через весь роман. Роман ужасов завершается явлением Софьи Матвеевны, которая с деликатной и преданной любовью ухаживает за Степаном Трофимовичем и предает его Богу в мире; находясь подле нее, Степан Трофимович может без страха ожидать смерти, ибо смерть побеждена любовью. Достоевский посвятил книгоноше немного строк, но эти строки не менее важны, чем страницы, которые писатель посвящает зачинщикам революции. Она не осознает своей роли, живет на задворках жизни и словно даже чувствует себя виноватой за то, что кто-то ее заметил.

Перед нами вторая Соня. Кроткая и немногословная, она не столько продает Евангелия, сколько несет, своим присутствием, благодать Евангелия. Так Бог являет Себя и живет в мире.

Это самые важные страницы романа. Можно было исключить из окончательного текста главу о посещении Ставрогиним Тихона, которая, собственно, и не публиковалась в течение многих десятилетий, но нельзя исключить эти немногочисленные страницы, запечатлевшие книгоношу. Епископ Тихон не приносит мира Ставрогину — наоборот, визит ускоряет продвижение к новому и более тяжкому преступлению, в то время как скромное присутствие Софьи Матвеевны возвращает старого литератора к вере и дарует ему мирную кончину.

Князь Мышкин в «Идиоте» не несет ни мира, ни спасения; спасение и мир — дары, исходящие от существа униженного, существа, чья жизнь — безмолвие и бедность.

ПОДРОСТОК

В этом романе нетрудно различить желание писателя противопоставить распущенной и ложной жизни класса уехавших из России (которые, в своих скитаниях по Европе, теряют связь с родной землей и ее народом), простую и подлинную жизнь малых сих. Не они на первых ролях в романе, но в действительности только эти персонажи являются носителями спасения.

Дворянин Версилов спасается от смертельной болезни благодаря безграничной преданности Сони. Не из-за нее он был на грани смерти, но эта простая женщина из народа, которую хозяин отнял у законного мужа, не может и не хочет покинуть его, когда ему приходится плохо. Супруг Сони не держит на нее за это зла, не возмущается. После разрушения семьи он использует появившуюся свободу для того, чтобы стать странником, и тем самым обретает более глубокую связь со своей землей.

Из пяти романов этот наименее известен и, может быть, наименее удачен в литературном отношении, однако, в «Подростке» более прямо, чем во всех других романах, выражена страстная любовь Достоевского к русской земле и к ее народу. Это и есть настоящая главная тема «Подростка». Ответ непоседливости Версилова, чужого в любой стране, — живое единение с землей странника, которому не нужно скитаться в поисках покоя, потому что мир для него повсюду родной.

Так прихотливо-сложной жизни «граждан мира» отвечает смиренная простота народа-богоносца.

Достоевский воспеваает степной простор, целомудренную красоту своей земли, славит добродетельность русского народа,

кротость и доброту его женщин, мудрость простых сердцем.

Спасение человека, по Достоевскому, кажется, невысказано без его связи с народом и землей, но примиряет заблудшего с землей и с Богом непременно женщина.

ВЕРСИЛОВ

ЭТО главное действующее лицо, человек, который никак не может обрести внутренний мир; его бегство за границу это бегство русских, которые ищут далеко от родины свое истинное прибежище и, вместо того, чтобы найти его, чаще всего теряют самих себя.

Богатый, умный, он растраниживает все свое имущество, скитаясь по Европе, бесцельно растрчивает свой ум, интересуясь всем с праздным любопытством, не имея в жизни никакого реального дела. Но Версиров спасается, благодаря тому, что не расстается со своей дворовой женщиной, которую он отнял у законного мужа. Любовные похождения подводят его к черте, за которой — смерть, но рядом с ним Соня, преданная ему всецело. Она и будет его спасением.

Это действительно так, однако Соня осталась крепостной; даже после смерти ее мужа Макара, несмотря на его просьбу, Версиров на ней не женится, но теперь, по крайней мере, он возвращается к Соне, как ребенок, который нуждается в уходе и исцелении. Соня не отходит от него и нянчит своими словами и своей нежностью, а Версиров обретает мир в общении с простой женщиной из народа.

Тщетно искал он вдалеке то, чем уже обладал. Он не отрекся от своей связи с этой простой женщиной. Да, он, разумеется, и прежде признавал значимость и величие народа, но только теперь, наконец, с большой простотой он вверил себя заботам Сони, чтобы излечиться от постоянного беспокойства — хвори живущих вне родины.

На последних страницах романа возведено возвращение русской интеллигенции к народу. Только в этом возвращении состоит, для Достоевского, спасение России. Не это ли было

главной проблемой, решению которой он посвятил свою жизнь? Не было ли у него искушения поставить православную веру на службу спасения страны? Не получается ли так, что страна для него важнее Бога, Который в таком случае становится лишь средством, помогающим России исполнить свою миссию?

Как бы там ни было, именно простая и кроткая женщина из народа, жена человека Божия, избавляет Версилова от его «бесов». Его новый покой, внутренний мир, безусловно, напоминают состояние того человека, которого нашли сидящим у ног Иисуса после того, как Он изгнал из него бесов(ср. Лк 8,35).

Несмотря на присутствие в романе Макара, Версиров все же является центральным персонажем «Подростка». Этот образ позволяет писателю вновь коснуться излюбленных тем, причем в высказываниях Версилова они приобретают новое звучание, смысл, который проливает свет на другие, не менее знаменитые страницы. Известная сцена встречи Версилова с Аркадием, подростком, когда Версиров испытывает религиозный подъем, не отличается от других близких по содержанию мест, но удивительно, что это религиозное чувство, кажется, не имеет ничего истинно христианского. Впрочем, мы никак не можем обойти вниманием стремление писателя не выдать себя. Затрагивая тему веры, он всегда избегает прямого ответа на прямые вопросы. Это заметно и в «Бесах», и в «Идиоте», но особенно — в «Подростке». Слова Версилова побуждают Аркадия спросить: «Вы так сильно веровали в Бога?». Тот отвечает: «Друг мой, это — вопрос... лишний. Положим, я и не очень веровал...».

Можно ли утверждать, что Достоевский — христианский писатель, если он даже не уверен, верует ли в Бога? Человек, конечно, не в состоянии обойтись без Бога, но этот Бог, возможно, — лишь идея, которая поддерживает и направляет путь народов. Есть бог для европейских народов, который, как будто, умирает или уже умер, но есть и другой Бог — который поручает русскому народу обновить жизнь наций европейских; благодаря этому «русскому Богу» обновится земля, и, может быть, человечеству удастся познать новый золотой

век и обрести потерянный рай. Рай не есть Бог, не есть лицемерие Его; рай это всеобщая сопричастность друг другу, любовь, соединяющая всех людей. Это будет не столько покой, сколько радость, счастье, новая юность.

Таково было искушение Достоевского, и, конечно, к вере православной Церкви он пришел от этих взглядов.

Такое видение рая, кажется, не преодолено ни в писаниях старца, ни, тем более, в «Сне смешного человека». Христос существует, но кто же на самом деле этот Христос, столь сильно любимый? Версиров признается: «Я не мог обойтись без Него. Если Он — Тот, Который сумел возлюбить других больше, чем себя, Он и правда Сын Божий». Достоевский, во всяком случае, в последние годы жизни, верил в божественность Христа. Версиров же объявляет себя деистом, его Бог — бог масонского Просвещения, бог, не дающий бессмертия, бог, который сотворил мир, а затем предоставил его самому себе. Если существует Бог, такой Бог, которого нельзя отождествить с душой народа, этим Богом, для Достоевского, будет только Христос. И именно в любви ко Христу Достоевский переживает теперь путь восхождения к Богу.

И все же часто остается непонятным, во что же верует Достоевский; личная связь с Богом в молитве для него почти не существует. Достоверно свидетельствует о его вере в Бога его вера в бессмертие, и более того — в воскресение. Эта вера в воскресение вплотную подводит его к истинной вере.

СОНЯ

НАСКОЛЬКО сильна Соня из «Преступления и наказания», настолько кротка и мягка Соня из «Подростка». Это женщина лет сорока:

«Лицо у ней было простодушное, но вовсе не простоватое, немного бледное, малокровное. Щеки ее были очень худы, даже ввалились, а на лбу сильно начинали скопляться морщинки, но около глаз их еще не было, и глаза, довольно большие и открытые, сияли всегда тихим и спокойным светом.

Любил я тоже, что в лице ее вовсе не было ничего такого грустного или ущемленного...».

С самого начала эта женщина предстает человеком необычным, а для Аркадия, ее сына, и вовсе непонятным. Скажем, само собой разумеется, что молодой Версильов, богатый, не отягощенный совестью, мог «воспользоваться» молодой дворовой и полагать, что имеет на это право. Но по достижении цели для такого молодца было бы естественно тотчас же бросить девушку, меж тем как Версильов с той минуты никогда больше с нею не расставался и «таскал ее за собою всю жизнь». Соня была уже полгода замужем за Макаром, дворовым человеком. Макар годами намного превосходил жену, и та, возможно, не была в него влюблена, но несомненно уважала. Однако молодой вдовец произвел на нее столь сильное впечатление, что к мужу она уже не вернулась. Она стала жить с Версильовым, кротко заботилась о нем и в его бродяжнической жизни создавала ему уют и покой. Соня оставалась дворовой, ничего для себя не просила, с радостью жила в тени и в молчании, но, хотя Версильов не отдает себе в этом отчета, именно она — в центре, как сердце. С ее мягкостью и кротостью Соня, безусловно, вместе с Соней из «Преступления и наказания», — одно из чистейших созданий Достоевского.

Мать Аркадия проще, тише, чем Соня из «Преступления и наказания». Она живет своей преданностью Версильову, ни на что не претендуя; жить в тени ей совсем не в тягость. Скромная, кроткая, терпеливая, она не обижается, когда Версильов ее бросает; она ждет его, верно и безропотно. Она не осуждает его, да и не прощает, потому что не чувствует себя обиженной. Как и в «Преступлении и наказании», как и в «Бесах», Соня в «Подростке» — образ Премудрости, таинство ее сокровенного, но действенного присутствия.

Конечно, она любит Версильова, но сохраняет и глубочайшее уважение к мужу, которого бросила, чтобы последовать за соблазвившим ее хозяином. Она любит, не требуя ответной любви. Такой была разница в годах между нею и мужем, что Макар годился ей в отцы. Совсем юной, но уже связанной

браком с пожилым и мудрым дворовым, Соня «до изнеможения» полюбила молодого барина, вдового, богатого и проявившего к ней живой интерес.

Любя его, она рада, что может находиться с ним рядом, жертвовать собою для него; пребывание в незаконном сожительстве как будто ее не беспокоит. Действие романа ее не затрагивает; в событиях романа эта кроткая женщина никогда не выступает на первый план, и все же ее скрытое присутствие остается определяющим; она — мать Аркадия, подростка, но ее материнские чувства распространяются и на Версилова. Другие женщины участвовали в его жизни, страсть сотрясала его и овладевала им безраздельно, разрушала его, но Соня всегда была рядом, и с нею он вновь обретает мир.

МАКАР

*М*АКАР Иванович Долгорукий, возможно, — самый светлый образ во всем творчестве Достоевского. Появляется он в романе человеком пожилым, который «говорил с амбицией» и «судил бесповоротно». Это душа без тени досады, горечи, душа, полная мира и излучающая мир.

После двадцати лет страннической жизни, хождений по необъятной стране, Макар Иванович возвращается к своей жене, чтобы умереть. Он держит спину прямо, не имеет нужды в опоре, выглядит крепким, несмотря на изнуренность и страдания. Он совсем не выглядит как недолгий гость. Ему вполне хорошо и уютно в Сонином доме. В его отрешенности от всего все стало ему родным, и он нигде не чувствует себя чужим. Он любит жизнь, но с совершенной простотой принимает и смерть.

В романе он не занимает сколь-нибудь значительного места; повествование могло бы идти своим ходом и без него, однако, как кажется, он имеет власть останавливать события и выходить на первый план. Его старость и безмятежность словно очищают атмосферу, замутненную страстью.

Аркадий, подросток, в это время живет с матерью. Уже несколько дней он замечал необычную тишину, которая уста-

новилась в доме; на третий день он слышит где-то близко молитвенное обращение ко Христу, произнесенное истово, с глубоким вздохом. Два раза в произведениях Достоевского встречаются прямо проговоренные молитвы: это тихая молитва Тихона в «Бесах» — «Креста Твоего, Господи, да не постыжуся!», и вот эта, услышанная Аркадием, молитва Макара Ивановича: «Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас». Молитва — тайное основание его религиозного опыта, он состоит в общении со всеми вещами, потому что познал тайное, но близкое общение с Богом. Природа более не чужда человеку, он живет в общении с деревьями, с поющими птицами, с бескрайней степью, просыпающейся с восходом солнца. Если красота спасет мир, то будет это, конечно, красота духовная, подобная той, которой лучится Макар. Юная Соня, в «Преступлении и наказании», имеет силу Божью; Макар действует, не действуя. Он вернулся к своей законной жене, чтобы умереть, и живет уже в отрешенности, исполненный мира и сладости духовной. Он любит всех, всех принимает с радостью, и со всеми беседует — и вместе с тем, словно все время пребывает в каком-то своем одиночестве. Макар Иванович не вступает в спор, не защищает свою мысль; он естественным образом выходит на первый план — своими советами, свидетельством своего опыта. Все чувствуют себя хорошо в его присутствии. Человек будто вернулся в рай. Исчезли всякая тревога, всякое сомнение, жизнь любима. Главное чувство — радость, благодарность за все. Это не смерть, а непорочность. И именно в считанные дни и часы до ухода из жизни Макар Иванович обретает новую жизнь в радости.

В «Идиоте», в «Братьях Карамазовых», как и в «Преступлении и наказании» (в лице Сони) Достоевский вывел на сцену крупные фигуры носителей добра, но в «Подростке» ему удалось изобразить светлого человека — Макара Ивановича — всего на нескольких страницах. Добро, кажется, вытесняется со сцены мира; оно живет в монастырях с Тихоном, со старцем Зосимой, но живет оно и с Макаром, странником на дорогах земли, у которого больше нет дома. Добро остается тайным, сокрытым, но это — добро, которое своим миром спасает мир людей, обуреваемых страстями.

БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ

ЭТО незаконченный роман, который, проживи писатель подольше, был бы по крайней мере раза в три-четыре длиннее. В имеющемся же виде он композиционно несоразмерен (например, отрывок с судом над Митей сделан необыкновенно мастерски, однако, он нарушает единство романа). С особой тщательностью выписаны также два длинных трактата, которые, как будто, несколько выбиваются из структуры романа: наставления старца Зосимы должны были бы стать частью самостоятельного агиографического произведения; самостоятельным сочинением выглядит и «Легенда о Великом Инквизиторе», которую сам автор считал поэмой. Это страницы, исполненные высочайшей поэзии, хотя они и не играют решающей роли в развитии сюжета.

Завязкой романа должна была стать смерть старого Карамазова, отца троих братьев, а далее нам предстояло узнать, как Алеша осуществляет миссию, возложенную на него старцем, — дать миру чистый образ Христа, каким он сохранился в монастырях.

В продолжении романа не только Алеша, но, возможно, и Иван, и Митя осуществили бы свое предназначение! Иван, быть может, олицетворил бы возврат интеллигенции к традиции, с сопутствующим неприятием любого искушения европейским рационализмом; в Мите Достоевский изобразил бы народ в его безотчетном великодушии, в его способности безропотно принимать и преображать страдание. Три брата стали бы символом новой России, несущей Бога в мир. Грандиозный замысел не смог осуществиться из-за смерти писателя. Тем не менее, и тот фрагмент, который он успел закончить, можно

считать если не самым совершенным из романов, то, по крайней мере, настоящим завещанием Достоевского.

Роман начинается с рассказа о мерзостях Федора Карамазова, а заканчивается чистым ожиданием воскресения. Перед нами тот же процесс, который является темой первого великого романа — «Преступление и наказание». То, что там было процессом жизни отдельного человека, в «Карамазовых» становится процессом жизни народа. В начале мы встречаемся не только с Федором Карамазовым, но и со Смердяковым и Иваном, который живет в доме у отца, потому что желает и ждет его смерти.

В этом мире скверны и скотства в начале романа царствует смерть. В конце, когда на первый план выходят Алеша и мальчики, которых смерть Илюшечки преобразила, господствует ожидание воскресения. Впрочем, Алеша присутствует в романе с самого начала, неся в себе чистоту, любовь и мир. Именно Алеша, по мере развития сюжета, выделяется все больше и больше, хотя не он ведет действие. Алешино присутствие незримо, и оно очищает, прощает и не ведает ничего, кроме любви.

Грозовой пейзаж, полное драматизма повествование характеризуют роман почти до самого конца, но вот на заключительных страницах возникает совсем иная картина: тихое, ясное утро, пейзаж, напоенный весенней свежестью. В конце, как и в начале, мы сталкиваемся со смертью, но теперь смерть уже не влечет за собой наказания и приговора, а объединяет вокруг Алеши стайку мальчиков, которые открываются жизни, в ожидании, исполненном надежды.

Все наталкивает на мысль, что преступление — дело рук Мити, но вина не на нем, а на Иване, хотя убивал не Иван. Иван из трех братьев — самый далекий от жизни народа, еще грубого, живущего инстинктами, раба всевозможных страстей.

Алеша, уже в этом фрагменте несостоявшейся эпопеи, — тот, в ком братья примиряются и объединяются, но он еще слишком молод. Его роль состоит в том, чтобы быть рядом и с тем, и с другим, чтобы помочь каждому прожить его судьбу.

Повествование завершается осуждением Мити и помещательством Ивана, которого свело с ума чувство вины.

«Братья Карамазовы» есть *summa*²; Достоевский возвращается здесь ко всем темам предыдущих романов и проникает в них глубже. Это история преступления, как и первый из великих романов, «Преступление и наказание»; образу Христа в романе «Идиот» приходят на смену фигуры старца Зосимы и его ученика Алеши. Став ко времени написания «Карамазовых» настоящим христианином, Достоевский знает, что ему не создать истинный образ Христа, и довольствуется изображением святого. Не хватает женщины — образа Премудрости, но в романе выделяются два прекрасных творения Достоевского, два удивительных женских персонажа, — Катерина Ивановна и Грушенька. Страсть Мити сближает его с Версильевым из «Подростка». А сам мир «Карамазовых» это мир, где хозяйничает зло, как в «Бесах». Здесь присутствуют сладострастники и пьяницы: Федор Павлович, отец братьев Карамазовых, который и после смерти играет в романе главную роль, превосходит Свидригайлова из «Преступления и наказания» рабской, скотской зависимостью от нечистой страсти; Лягавый — пьяница, в большей степени, чем Мармеладов, потерявший человеческий облик. Но хуже сладострастия и пьянства ложь, алчное стремление совратить и погубить.

В этом мире есть место и добру. Правда, старец умирает уже в начале романа, и Алеша, его ученик, чистый образ доброты, пока не делает смыслом своей жизни исполнение возложенной на него миссии; он почитает отца, выслушивает братьев, не отвергает даже Ракитина, но его доброта не активна, она не действует.

Ракитин — фигура, конечно, меньшего масштаба, чем Петр Верховенский из «Бесов», и с меньшими амбициями, но, возможно, в одном он превосходит Петра: его эгоизм гаже. Зло в нем лишено всякого величия. Сложнее образ Ивана, воспитанного на западной культуре, подобно Раскольникову. Иван потерял веру в Бога, не верит в нравственность и все-таки его

---

² Итог (лат.)

реплики в беседе с монахами в начале романа и «Легенда о великом инквизиторе» как будто говорят о том, что не все в нем умерло. Его слово к брату, кажется, в действительности не соответствует тому, что он думает. Цель «Легенды...» — прославить Христа и осудить Церковь, поскольку она, по мысли Ивана, неверна Христову учению. Не веруя в Бога, Иван любит Христа, но отвергает творение и Церковь, берущую на себя попечение о людях. Каково же христианство писателя?

Как и Раскольникова, Ивана испортила антихристианская культура. Оба они переживают наказание за свои преступления, потому что культура, которая побуждает их отрицать всякий нравственный закон, не убивает в них совесть. В отличие от Раскольникова и Ивана, Петр в «Бесах», Лужин в «Преступлении и наказании», Ракитин в «Братьях Карамазовых» уже потеряли всякое чувство греха; зло уже словно вошло в их плоть и кровь.

Вера и неверие, добро и зло, страсть и сердечная сухость, эгоизм и великодушие, все человечество со своими пороками и со своими добродетелями живет в этом романе, который, тем не менее, остается фрагментом задуманного целого. Место действия — город и лесное захолустье, монастырь, дом, суд...

Новое в творчестве Достоевского — история компании мальчиков. Смерть одного из них объединяет оставшихся в обетовании любви и в надежде на воскресение. Итак, роман открывается смертью двух пожилых людей — старца и Федора Карамазова, а оканчивается смертью мальчика; но если гибель Федора Павловича дает толчок развитию событий, завершающемуся осуждением невинного Мити, если кончина старца вызывает скандал в монастыре, то смерть Илюшечки выливается в обещание, по сути дела, — обязательство его друзей потрудиться в любви ради более светлого и тихого будущего.

«Бесы» и «Братья Карамазовы» — исполинские произведения; они дают нам целостное видение жизни мира. Оба романа свидетельствуют о том, что в мире господствует лукавый; более всеобъемлющей и пугающей выглядит его власть в «Бе-

сах», более открыто надежде мировидение в «Братьях Карамазовых». Сможет ли действительно мир избавиться от порабощенности злу? Присутствие Бога в «Бесах» остается тайным и кажется недействительным; иная ситуация в «Братьях Карамазовых»: повествование как будто возвещает будущее искупление, которое сможет совершиться без чудесного вмешательства Бога. Что же, писатель искушается хилиазмом, обещающим до времени победу любви в совершенном и всеобщем братском общении? И он тоже полагает, что за эрой Христа последует эра Святого Духа? Нет, Достоевский не считает, что Христос отживает Свое время, но, может быть, думает нечто подобное о Церкви. В «Братьях Карамазовых» присутствует монашество, но нет священства и тем более — иерархов. Образ Христов сохраняется вдали от мира, в монастырях, но, по мнению Достоевского, пора этот образ перенести в мир. В этом то и будет состоять миссия Алеши, который, из послушания своему старцу, оставляет монастырь, чтобы жить в миру.

Три брата — главные действующие лица романа; все прочие персонажи вращаются вокруг них. Практически действие романа складывается из жизни Ивана, Дмитрия и Алеши. Их трое, и они символизируют собой народ: Иван — русская интеллигенция, испорченная и развращенная западной культурой; Митя — великодушный порыв народа и вместе с тем — его невоздержанность; Алеша — Россия будущего. Поэтому Алеша остается один, хотя все его любят. Именно ему открывают душу Иван и Митя, все уважают его, чувствуют, что он не сможет солгать, что он неспособен творить зло. Вокруг Алеши происходят разные события, но он в них не втягивается. И только в конце романа юные друзья провозглашают его своим предводителем и наставником. Но здесь роман кончается.

Из троих братьев особенно Иван — та сильная личность, которая притягивает к себе второстепенных персонажей романа. Холодный скептик, никогда никому не открывающийся до конца, кроме, может быть, Алеши, Иван — единственный человек, которого боится старик-отец. Слуга Смердяков признает превосходство Иванова ума и хотел бы подражать ему в

его скептицизме; впад в рабскую зависимость от того образа Ивана, который он себе создал, Смердяков готов пойти на преступление, лишь бы стяжать благосклонность человека, которого он почитает больше всех на свете, лишь бы сделать ему приятное. Совсем по-другому относится к среднему из братьев Карамазовых Ракитин, завистливый и ревнивый: он ненавидит и презирает Ивана, потому что чувствует, что умом Иван превосходит его. Скептицизм этого ума производит разительную перемену в Лизе, больной девушке, которая с детства была привязана к Алеше, как и Алеша к ней: она вдруг стала презирать его чистоту, обратилась к самой лютой ненависти — потому что безумно увлеклась Иваном и захотела походить на него; в конце концов она предлагает ему себя, свою несозревшую юность, чем вызывает у него одно отвращение. Даже монахи с удовольствием беседуют с ним о церковном праве, не понимая, что для скептика Ивана такая беседа — лишь игра.

Старший брат, Митя, стоит в центре действия. Не он совершал преступление, но все как будто доказывает, что именно на нем — вина за убийство отца. Более расчетливый и хладнокровный Иван желал этой смерти и втайне ждал ее. Возможно, только для этого он и вернулся в отчий дом, и смутное чувство говорило отцу, что смерти ему приходится ждать скорее от Ивана, чем от Мити. Чувственный, как отец, но при этом открытый, не знающий удержку в словах, человек чести, готовый лично ответить за свои поступки, Митя легко внушает к себе любовь. Его оспаривают две женщины, совсем разные и влюбленные в него; из-за одной, Грушеньки, старик-отец совершенно потерял голову, и между сыном и отцом идет беспощадная борьба за обладание этой роковой женщиной; другая, Катерина Ивановна, любит Митю, но Митя, также любя ее, толкает ее в объятия Ивана, словно хочет таким образом помочь Катерине справиться с положением покинутой женщины.

Отношения между двумя братьями во многом определяются их общей любовью к Алеше и той ответственностью за обоих братьев, которую чувствует Алеша. Только в Алеше

брatья находят единство. Ибо Митя не интересуется Иваном, а Иван не уважает и не любит своего старшего брата, оба они открываются до конца единственному, одному и тому же человеку — Алеше.

Для всех персонажей романа Алеша — своего рода точка соприкосновения: для старика отца и старца Зосимы, для Ракитина и мальчиков. Кроткий, искренний, не замкнутый на себе, Алеша подобен свету: всюду, куда бы он ни шел, он несет покой и доверие.

ФЕДОР ПАВЛОВИЧ

ФЕДОР Карамазов это чистое скотство; в нем нет ни тени отцовских чувств. Федор Павлович не скрывает своих ощущений, мыслей, намерений, наоборот, — он чувствует потребность с абсолютным бесстыдством обнаруживать их перед всеми, ему хочется безобразия. Как говорит Алеша, отец лучше, чем кажется, но эти слова Алеши означают, что Федор Павлович знает о том, что потерял всякую порядочность. Будучи для всех лицом, лишенным какого бы то ни было нравственного чувства, он намеренно и вызывающе предстает человеком, который бахвалится собственным безобразным эгоизмом и скотством. В своей нравственной деградации Федор Павлович — наименее человеческая фигура из всех, изображенных в романах Достоевского.

Отвратительна сцена, которая разворачивается в монастыре в присутствии монахов и старца. Федором владеет бесовское стремление к кощунству. Его отношения с собственными детьми лишены всякого намека на любовь.

Он открыто борется с Митей, с Иваном же бороться не может, но хотел бы отослать его подальше, чувствуя, что не в состоянии доверять ему и защитить себя от него, отчего он и боится среднего сына. Но Иван сохраняет свободу, он покидает дом только тогда, когда смутно чувствует, что именно его отбытие предоставит удобный случай для убийства и одновременно отведет от него подозрения. И в самом деле, никто его

не подозревает, но у него самого появляется все возрастающее мучительное чувство вины. «Все желают смерти отца», — скажет Иван судьям. Со своей смертью Федор Павлович исчезает. Никому больше нет дела до этого человека. Он никого не любил, и никто не имел любви к нему: это вечное проклятие. Так же, как он ушел со сцены этого мира, он уходит из сердца и из памяти людей.

ИВАН

ИВАН — самая сложная фигура из всех персонажей романов Достоевского. Это один из Карамазовых, жадный до удовольствий и до денег. Он говорит о себе как об атеисте, но в действительности религиозная проблема мучает его. Как считает его брат Алеша, Иван не приобрел еще твердых убеждений, не принял еще окончательных решений, но несомненно верит он лишь в свой разум. Вместе с тем он не такой, как Ракитин, который способен, бесповоротно порвав с верой, опубликовать книгу религиозного содержания с предисловием архиепископа.

Не проживает ли Достоевский в Иване заново свой медленный и изнурительный путь? Иван никогда не сумеет прийти к вере. Да, он восхищается Христом, проявляет интерес к Церкви, но это не мешает ему начисто отрицать Бога и бессмертие души. Иван движется не столько к простоте веры, сколько, может быть, к гнозису. Вера требует смирения, от обладания которым Иван весьма далек; вера прежде всего есть живая связь с личным Богом и со Христом, рожденным от Девы и воскресшим, а затем уже — мировоззрение, включающее в себя систему понятий. Позиция Ивана помогает понять нежелание многих персонажей Достоевского твердо свидетельствовать о своей вере во Христа. Даже старец Зосима в своих наставлениях как будто игнорирует личного Бога. Единственное действующее лицо у Достоевского, недвусмысленно и с силой заявляющее о своей вере, это Соня Мармеладова. Софизмы и возражения Раскольникова не смущают ее; ее собственная жизнь есть доказательство Божьего бытия.

Не таков Иван: вместо того, чтобы привести его к Богу, разум уводит его от Бога, и в своем удалении от Господа он становится легкой добычей пагубных мыслей, чувств, желаний. Митя в припадке ярости мог бы убить отца, но никогда бы не смог, подобно Ивану, втайне жаждать его смерти.

Благодаря своей сердечной чистоте Алеша догадывается, какие намерения у его братьев. Уже в первом разговоре с Ракитиным он дает понять, что совсем не боится отцеубийства со стороны брата Мити. Он с твердостью отмечает инсинуации Ракитина и вместе с тем признает возможность преступления и страшится его. Кто же тогда мог бы убить отца? Алеша выдает себя, когда, в ответ на слова Ракитина о том, что Иван над всеми смеется, вдруг резко спрашивает у него: «Почему ты все это знаешь?». Только ли холодность Ивана и его гордость вызывают опасения у Алеши и у самого Федора Павловича? У Карамазова-старшего тоже есть неясное предчувствие, и он испытывает потребность защитити себя.

Если главная черта Алеши — искренность, в Иване, наоборот, живет ложь; с помощью лжи он может ускользнуть даже от Ракитина. Ничего он не принимает всерьез, ни Церковь, ни Бога.

С большим искусством пользуется Иван теми же методами, что и Ракитин. Он вроде бы серьезно говорит с монахами об отношениях между Церковью и государством, но на самом деле играет — и только. И с Алешей он играет, не верит в то, что говорит, хочет лишь смутить и победить его. Все в Алеше просто, непосредственно; Иван наоборот все подготавливает заранее, планирует. Он вернулся в отцовский дом, потому что был уверен, что «один гад съест другую гадину». Иван должен был появиться здесь, чтобы отцовское добро смогло упасть ему в руки. Даже Алеша обманывается: может быть, Иван действительно — душа в пути? Он сам запер себя в своем мире, он знает, чего хочет. Когда обрушивается поддерживающая его конструкция, не выдерживает и он; теперь он предстает в своем истинном виде: «Вы в уме или нет?», — спрашивает у него председатель суда. «То-то и есть, что в уме...», отвечает тот, «и в подлом уме, в таком же, как и вы [...]. Не помешанный, я только убийца!».

Митя мог бы лишиться отца жизни в припадке страсти, а Иван может хладнокровно желать и споспешествовать смерти отца. Алеша рад, что Иван любит жизнь, но этого мало для его спасения: Иван должен воскресить своих мертвецов. И в суде он обвиняет судей в лицемерии и отваживается заявить, что «все желают смерти отца».

«Если Бога нет, все позволено». Но именно этот Бог, Которого он отвергает из гордости, властно вторгается в его душу после преступления. Помешательство Ивана возникает из-за того, что он не может перенести ответственность за преступление, ибо нет никого, кто мог бы простить его. Он чувствует на себе вину, но не хочет исповедовать свой грех. Иван ждет осуждения Мити, чтобы избавиться от мучительного чувства вины, и когда Алеша заверяет его, что убил не он, но и не Митя, младший брат словно вновь обрушивает на него ответственность за преступление. Тогда Иван восстает и порывает с Алешей: он не в силах вынести истину, но в то же время не может больше оставаться в неопределенности и идет к Смердякову. После третьей встречи со слугой сомнения у Ивана исчезают, и осознание собственной ответственности разрушает его.

Иван повторяет Родиона Раскольникова, повторяет Николая Ставрогина. Подобно им, Иван имеет власть над другими, подчиняет их себе, но при этом не сближается, не объединяется с ними. Смердяков совершает преступление под влиянием Ивана; он в глубине души знает, что поступает по воле Ивана, но Иван отказывается взять на себя ответственность и бросает Смердякова, который кончает с собой. Так же и с Лизой: Иван имеет на нее дурное влияние и как будто забавляется уничтожением безмятежного мира веселой и невинной девочки, что впоследствии не мешает ему досадовать на ту страстную привязанность к нему, которую он же и возбудил в ней. Иван хочет остаться свободным, он неспособен любить. Они могут любить его, но он не любит, он ни к кому не привязан.

И все же под кажущейся сердечной сухостью, холодной рассудительностью, в нем живут трудные искания. Он совер-

шил преступление и теперь совесть не дает ему покоя. В видениях открывается его сокровенное я. Дьявол усыпляет совесть грешника, творящего зло, но от преступления, вдохновителем которого он был, Иван страдает жестоко, страдает до умопомрачения. Иван еще не укоренился во зле. Он — Карамазов, в нем господствует страсть к деньгам. Он обладает большим умом, но ум этот обслуживает жажду могущества.

Три брата, символизирующие три души России, — смогут ли они когда-нибудь стать одной душой? В этом, возможно, состоял замысел Достоевского, но писатель не завершил роман.

Иван — человек бунта, человек, отвергающий Бога и отдающийся в рабство черту.

Его исповедь с самого начала свидетельствует о том, сколь чужд ему Христос. «Я тебе должен сделать одно признание, — говорит он Алеше: — я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних». Любовь к ближнему — это само христианство, и будущее искупление есть, собственно, век любви, истинного общения между людьми. За отказом от любви стоит уже распад человека.

Иван разрывает глубочайшую связь, соединяющую детей с отцом. Согласно Достоевскому, общение любви, в котором осуществляются Божии обетования, совершается, в первую очередь, через воскресение отцов силами детей. Но Иван желает смерти отца.

Его выступление на суде — крах, не только физический, но и нравственный. Это выступление не из тех, что приводят к раскаянию, наоборот, это свидетельское показание, ледяющее душу, обвиняющее всех: «Все желают смерти (собственного) отца», — говорит Иван. Проживший во лжи, он приходит к мысли, что ложь господствует над миром. И все глупо. Ум расписывается в своей несостоятельности. Кто же был прав в своем суждении об Иване, Ракидин или Алеша? Все, казалось бы, Иван предусмотрел. Он вернулся в дом отца, потому что надеялся, что Митя убьет его, и все упадет ему, Ивану, в руки. Он не любит Катю, не любит Митю. Он дает свидетельские показания против Мити, но не

любит он и Алешу, и не желает впускать его в свою сокровенную жизнь, и забавляется, стараясь смутить его словами, предваряющими «Легенду о великом инквизиторе». Он разворачивает Лизу и бросает ее. Если Митя — сердце без ума, то Иван — ум без сердца.

О чем свидетельствует «Легенда о Великом Инквизиторе», рассказанная Иваном? Исполненный скепсиса, желчный, гордый, он, может быть, мог бы принять христианство бесплотное, христианство, которое, в силу самой своей чистоты, должно было бы исключать творение, историю. Христос Ивана — это Христос докетизма, который выводит Его за пределы земной истории, поюстороннего мира; этот Христос не Сын Божий и не Спаситель мира.

Роман, в том незаконченном виде, в котором оставил его писатель, как мы уже говорили, представляет собой своего рода протяженный фрагмент. Нам неизвестно, изменилась ли бы в дальнейшем роль каждого из трех братьев. Конечно, несмотря на то, что Митя осужден, его осуждение в конце романа не исключает и, более того, даже, по-видимому, предполагает его реабилитацию; мы знаем, что в Алеше должен был впоследствии сосредоточиться смысл всего романа; однако судьба Ивана выглядит более неясной. Он уходит со сцены со скупыми словами, которые ужасают, как дьявольская ухмылка.

СМЕРДЯКОВ

СМЕРДЯКОВ — рабская душа. Для Ивана он готов на все и выводит наружу то, что Иван таит в сердце. Его жизнь это не столько даже восхищение Иваном, сколько поклонение ему, как некоему божеству. Своими высказываниями Смердяков пытается заслужить его внимание, а цель этих высказываний — полное ниспровержение христианского Бога; Иван никогда бы не сказал того, что произносит Смердяков, который в своих речах идет намного дальше учителя, но при этом знает, что верно истолковывает мысль Ивана.

Иван неподвластен нравственности, он — бог, которому все позволено. Благоговей перед Иваном, Смердяков от души презирает всех прочих. На него он равняется, и хочет лишь одного — ему понравиться. Если Ивану необходимо преступление — а Смердяков прекрасно чувствует, что оно ему желанно, — то он, Смердяков, готов совершить это преступление.

Начинается ли с преступления новая жизнь? Прежде всего Смердяков чувствует, что ему не хватает признательности Ивана. Иван, вместо того, чтобы извлечь пользу из услуги, оказанной верным слугой, вдруг заколебался, потерял всякую уверенность. Смердяков не понимает, в чем дело. Когда он с удивлением замечает, что Иван — человек, рушится его вера, сменяясь презрением. До сей поры Смердяков не знал страха, преступление не тревожило его, теперь же его одолевает ужас; это не чувство вины, и, по большому счету, не страх перед наказанием. С падением его бога терпит крах и он сам; жизнь для него теряет смысл. У него больше нет никого, кому можно было бы служить, и он убивает себя.

РАКИТИН

В толпе персонажей Достоевского есть святые и законченные грешники, каждый тип имеет ясные и четко обозначенные черты. Достоевский знает лицо зла: зло разрушает человека, и человек становится маской — таков Ставрогин; оно убивает сердце человека, человек становится машиной, которая с непогрешимой точностью сеет смерть, — таков Петр Верховенский. Обыкновенно же оно не имеет никакого величия, оно убого, презренно — таков Ракин. Среди персонажей, олицетворяющих зло, Ракин занимает особое место. В нем нет ни тени добра, ни грана величия. А есть в нем самый подлый эгоизм, абсолютная сухость сердца, сребролюбие, больше же всего лжи. Для него не существует никаких ценностей, ни к чему он не испытывает уважения, оскверняет все, к чему прикасается. Воистину зло в Ракине являет свой лик.

Голый разум — атрибут сатаны. Ракитин умен, но его ум служит только лжи. Ничего не щадит он — ни дружбу, ни сострадание, ни религию. Все, что ни есть самого священного, он изгаживает, ставя на службу своей выгоде; он всегда готов предать истину и справедливость, чтобы только заявить о себе. Иван, который умнее Ракитина, знает и презирает его. Но Ракитин не переносит Ивана, потому что не может примириться с тем, что кто-то умнее его; с другой стороны, у него хватает лицемерия, чтобы скрывать свое абсолютное отрицание всякой нравственности и ханжески возмущаться словами Ивана — «если бессмертия нет, все позволено» — в то время, как сам он весело попирает любые нравственные законы. Но он изображает возмущение именно потому, что чувствует: Иван, несмотря ни на что, лучше его и, произнося эти слова, пока не живет по ним. Меж тем как Ракитин уже мирно распростился со всяким представлением о нравственности, об Иване этого сказать нельзя. Порочность Ракитина не знает границ. Ему бы хотелось, чтобы Иван был таким же, как он, лишенным какого бы то ни было нравственного чувства, и он тешится тем, что присваивает Ивану свои собственные чувства, в то время как тот еще не сделал окончательный выбор в пользу добра или зла, еще способен иметь идеалы. У Ивана внутри кипит буря противоположных мыслей. И не зря Алеша говорит Ракитину: «Ты Ивана не любишь» и «Иван, может быть, мучения ищет».

Митя подпадает под его обаяние, и все же обрисовывает его вполне реалистично. Ракитин открывается ему, и Митя, с одной стороны, восхищается его умом, но, с другой, видит в нем лицемера, человека без нравственных принципов, способного на любую низость. Почему же Ракитин открывается Мите? Ракитину просто уже нечего ждать от Мити: он уверен в том, что тот будет осужден. Он Митю ни капельки не жалеет; ему нет дела, убийца ли Митя в действительности. Он хочет его завоевать, чтобы приобрести союзника во зле. То, что ему не удалось сделать с Алешей, Ракитин пытается осуществить с Митей, более наивным и очарованным его умом. Ракитину доставляет удовольствие только одно: совращать людей, вырывать

Бога из их сердец. Митя это понял, разглядел главную черту Ракитина — ненависть, настоящую ненависть к Богу.

Склоняя ко греху, он испытывает извращенное удовольствие, наслаждается только злом. Он не умеет никого привлекать к себе, остается один, без друзей, без приятелей. Он ставит на службу эгоизму, в котором нет ни тени идеальных мотивов, свой холодный и не знающий любви ум. Готовый служить тем, кого презирает, лишь бы были соблюдены его корыстные интересы, Ракитин не выносит никакого истинного величия в других — ни последовательности жизни, ни великодушия, ни бескорыстного поиска истины, ни добродетели.

Грушенька тоже хотела падения Алеши, но только для того, чтобы показать могущество своих чар; Ракитин хочет падения Алеши, потому что не выносит его светлой невинности. Истинную радость Ракитин испытывает, только когда делает или говорит нечто направленное на то, чтобы совратить прежде всего самых незащитных, самых юных, таких как Катя, как Лиза.

Он появляется в трех эпизодах, которые можно отнести к одним из ключевых.

В первый раз — в начале, сразу же после скандала, намеренно учиненного Федором Павловичем. Кажется, Ракитин непременно должен быть именно там, где разгорается скандал. Он всюду сует нос и живет, ловя рыбку в мутной воде.

В середине романа, когда после смерти старца Алеша впадает в опасное уныние и искушается мыслью о бунте против пустого, ветреного мира, который перешел от почитания человека Божия к разочарованию и соблазну от отсутствия зрелища, Ракитин пользуется моментом, чтобы попытаться устроить Алешино падение.

В конце романа писатель находит слова, прекрасно характеризующие эту личность: «оказалось, что он все знал, удивительно много знал, у всех-то он был, все-то он видел, со всемито говорил...». Когда в ходе суда над Митей, обвиняемым в отцеубийстве, Ракитин выступает в качестве свидетеля, его публично разоблачают, и возмущение публики предполагаемым убийцей оказывается слабее презрения, которое уничтожает лгуна.

МИТЯ

МИТЯ — старший брат, и в нем Достоевский являет нам образ России, еще не затронутой реформами Петра Великого, еще не затронутой европейской культурой.

Митя подобен природной стихийной силе, он неспособен глгать, неспособен к невеликодушным чувствам; он восхищается Иваном, но вполне готов восхищаться и теми, кто его осуждает. Простой, малообразованный, он восхищается даже коварным умом Ракитина, но абсолютно доверяет только Алеше. Для того, чтобы обрести душевный покой, ему достаточно знать, что брат не поверил, что он способен убить. Он не противится приговору, хотя и боится, что не сумеет окончательно победить уныние. Может быть, отбывая каторгу, он не сумеет допеть до конца гимн жизни. Страсть к Грушеньке не мешает ему любить Катерину Ивановну и признавать ее благородство. Он человек страстный, но не сластолюбец, как отец. Митя инстинктивно чувствует, что Катя не для него, даже несмотря на то, что она его любит, и поэтому он хотел бы бросить ее в объятия Ивана, которого он уважает, который тоньше и умнее его.

На примере отношения к Алеше видно, насколько по-иному устроен Иван: на первых порах он, как будто, считает Алешу нищим духом, слабым и наивным, может быть, даже не особенно умным. Впрочем, мало-помалу, лучше узнавая младшего брата, он научается уважать его. Он хочет поразить его силой своего ума; конечно, для Ивана нелегко, да и неестественно отдавать себя в руки Алеше, позволять ему руководить собою. Отсюда — реакция Ивана, когда Алеша, словно по вдохновению свыше, хочет войти в его внутреннюю жизнь, заверяя его, что не он убийца. Митя находит внутренний покой именно благодаря Алешиним словам, а у Ивана те же самые слова вызывают страшный гнев, побуждая его разорвать всякие отношения с братом.

Иван — человек закрытый, открывающийся нехотя, самый загадочный из трех братьев. Алеша — словно сердце человеческое, он как будто не действует, но именно он тайно

направляет действие. А явной движущей силой повествования является Митя, порывистый, необузданный, но искренний и великодушный. У него необычайно сильное чувство чести, и он, по-своему, человек верный. В нем невозможно сомневаться. Вначале столкновение с отцом, затем лихорадочный поиск денег, нужных для того, чтобы исправить допущенную грубость и, после убийства отца, нарастающие подозрения в его причастности к этому преступлению, потом, наконец, обвинение, суд, приговор. И все это он, Митя, и все это о нем.

Старец, в начале романа, видит все, что ожидает его и опускается перед ним на колени и кланяется ему в ноги, в знак благоговения перед будущими его скорбями. Все ополчаются на Митю, но Алеша принимает его исповедь и не оставляет его и тогда, когда, казалось бы, все улики свидетельствуют против него. А Мите, чтобы утешиться, довольно знать, что Алеша не верит в его виновность.

Митя любит жизнь; благословить жизнь — вот что самое главное. В сластолюбии он походит на отца; удивительная женщина любит его. Она и хотела бы не любить его, разозлиться на него, возненавидеть его, но не может вырвать его из сердца, несмотря на то, что Митя бросил ее ради Грушеньки, несмотря на то, что Митя рассказал новой невесте об унижительном для Кати деле. Грушенька, в свою очередь, любит Митю страстной и искренней любовью. И если сначала она воспринимает отношения с ним как некую игру, то теперь, узнав его, она испытывает настоящую любовь к нему, ставшую для нее искупительной. Митю нельзя не любить.

Митю, такого взбалмошного, но вместе с тем и великодушного, открытого, щедрого, любит Катерина Ивановна, но более всего открывает нам его силу и власть «обращение» Грушеньки. Сначала она — женщина легкого поведения, у которой одно стремление — привязывать к себе мужчин. Мужчины влюбляются в нее, теряют из-за нее все, ставят из-за нее на карту свою жизнь, но страсть, которая связывает и переполняет сердца ее многочисленных поклонников, никак не затрагивает ее собственное сердце. Она играет, а не любит. И когда она узнает Митю, убеждается в его великодушии, это

становится для Грушеньки событием, которое производит в ней глубокий внутренний переворот, меняет ее. Теперь наконец Грушенька любит. Страсть Мити это теперь и ее страсть. На суде, почувствовав, что Митя пропадает, она кидается к нему с безудержной любовью, чтобы разделить с ним его наказание.

Митя — символ истинной России, Россия воскреснет. Орудием этого воскресения должен стать Алеша, монах, вернувшийся в мир, в гущу людей³. Это заповедал ему старец: оставить монастырь, вернуться в мир и даже жениться. Именно так, в видимом отходе от монашеских традиций, Алеша призван исполнить свою миссию. Он как будто уже приступает к ней в общении с Митей, приговоренным к каторге, но, быть может, еще более — в общении с мальчиками, с Колей Красоткиным... Разговоры Ракитина их запачкали, но Алеша с легкостью завоевывает их любовь. Будут ли они первым сообществом новых людей?

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

ДВЕ женщины занимают видное место в «Карамазовых» и относятся к числу самых высоких творений гения Достоевского. Может быть, во всем творчестве Достоевского мы не найдем более страшных проявлений женской любви.

Замечательна Грушенька, но замечательнее Катерина. Роман практически завершается последней встречей Катерины с Митей, уже приговоренным к двадцати годам каторги в Сибири. Ее приход к нему в больницу — совершенно неожиданный поступок со стороны женщины, чьи показания немало содействовали суровому приговору. Встреча эта разрешится страстным объяснением в любви. Но волшебство сцены, которая

---

³ Возможно, по представлениям Достоевского, новый человек уже родился: это был Соловьев, его друг, годами намного уступавший писателю. С ним Достоевский посещал Оптину пустынь, но официальная Россия впоследствии отвергла его и стала все более от него отдаляться. Впрочем, нужно отметить, что Соловьев, оставшись, подобно Алеше, в миру и многими чертами походя на героя Достоевского, имел в себе и нечто темное и обескураживающее.

начиналась взаимным прощением и уже перерастала во встречу любящих душ, разрушает появление Грушеньки, обрушивающейся с ужасающей ненавистью на ту, которая до последней минуты оспаривает у нее Митино сердце.

Женщина хочет быть для мужчины всем. Она ревнива, потому что боится, как бы у нее что-то не отняли. Отсюда и эпизод с Грушенькой и Алешей. Митя в тюрьме и вскоре будет осужден. Грушенька знает об этом и страдает от этого, но больше всего мучает ее подозрение, что Митя все еще любит Катю. Роковая женщина, которая умеет соблазнять и привязывать к себе мужские сердца, не может потерпеть, чтобы кто-то сумел не поддаться ее чарам. И искушает она Алешу не потому, что ей доставит удовольствие его падение, которого так жаждет Ракитин, а потому, что считает себя неотразимой: падение Алеши должно было бы доказать ее умение, при желании, завоевать любого.

Любовь соединяется в ней с жестокостью, что подвигает ее на изоциренно злобные помыслы и поступки, которые способны уничтожить ту, в ком она видит свою соперницу.

АЛЕША

ВСЕ действующие лица, каждый по-своему, в зависимости от темперамента и имеющихся проблем, вращаются вокруг Алеши. Все общаются или входят в общение с ним — Иван и Митя, старец и Федор Павлович, Грушенька и Лиза, Коля и Ракитин. Все в общении с ним обнаруживают себя; в его присутствии они раскрываются. Вместе с тем он как будто не ведет свою партию, не живет для себя: он призван озарять жизнь других людей, помогать им, судить о них в духе милосердия. Он не может осудить даже Федора Павловича, даже Ракитина, превозносит Грушеньку, живет в самом смиренном и живом послушании старцу, основанном на любви. Алеша ближе к образу Христа, чем князь Мышкин из «Идиота». Алеша — человек из плоти и крови, он знает искушение и побеждает его; чистота не изолирует младшего Карамазова от людей, не

лишает его способности понимать других; более того, создается впечатление, что сама эта чистота, которая избавляет его от всякого самолюбия и самомнения, наделяет его особой, необыкновенной способностью к пониманию. Это проявляется, в частности, в его общении с Иваном, когда, зная об ответственности брата за смерть отца, он, тем не менее, стремится заверить его, что не он — убийца. Алеша не только считает Митю неспособным к убийству, но и, вопреки всякой видимости, убежден, что убил не Митя.

Общая черта князя Мышкина и Алеши — абсолютное прямотушие, неспособность ко лжи. Каждый, кто с ними соприкасается, может доверять всякому их слову. Даже если правда может повредить говорящему, ни Алеша, ни князь не могут скрыть или замолчать ее. Их искренность обескураживает, другие не в состоянии понять ее; она настолько непостижима, что, например, князя из-за этого считают простодушным, и, может быть, он даже выглядит смешным.

Вместе с тем их искренность внушает уважение, их слово придает уверенность. У них нет своей жизни, но их присутствие, в какой-то степени, — необходимый ориентир для всех. Они не судят, но их присутствие, их свет выявляют суть каждого человека, без осуждения.

Алеша знает зло, но оно не имеет для него никакой привлекательности. Он един со всеми, потому что нет греха, нет извращения, которые бы не были ему знакомы; он знает зло, но оно его не оскверняет; прикасаясь к нему, зло в тот же миг исчезает, уничтожается. Остаются только его чистота, его любовь ко всем, его неспособность осудить кого бы то ни было.

«Братья Карамазовы» это словно огромное введение ко всему тому, что еще хотел написать Достоевский. Он чувствовал, что в его задачу входит не только обличение зла, разгулявшегося по миру из-за его неверия, но и возвешение «дела», которое должно было состоять в жизни и спасении людей. Разумеется, Алеша не должен был заменить Христа, однако, Достоевский хотел, чтобы в нем исполнился завет Христов. Изображая Алешу, писатель стремился добиться того, что не осуществилось в «Идиоте». Удалось бы ему на этот раз создать образ Христов?

Князь не спас никого: Аглая вышла замуж за поляка, Настасью Филипповну убили, Рогожин сошел с ума, да и сам князь погрузился в беспамятство. Святой не есть явление человека доброго от природы, как хотелось бы Руссо; избавление от себялюбия — это победа, которая приходит через тяжелое аскетическое борение. Этому, должно быть, учили оптинские монахи. У Достоевского святость принадлежит только женщине, которая, живя в унижениях, ничего не прося, целиком отдает себя в дар, как Софья в «Подростке», как Соня в «Преступлении и наказании». А в «Братьях Карамазовых» от нас не скрыто, что душа Алеши проходит искушение злом, мы провидим и те бездны бунта и греха, которые могут разверзться перед ним. Алеша достовернее князя. Дивное ночное видение, после смерти старца, когда он победил свой бунт, преображает его и делает из него борца. Роман, в существующем виде, не позволяет распознать в Алеше ту силу, которая должна была впоследствии показать себя в исполнении «дела», порученного ему старцем. Тем не менее, уже в этом огромном фрагменте просматривается желание писателя подготовить почву для будущих свершений нашего героя.

Смердяков вешается, Иван сходит с ума, Митя отправляется на каторгу. В конце на сцене остается один Алеша, руководитель и глава кучки мальчиков, которые говорят не о смерти, а о воскресении.

Алеша чувствует, что он послан Богом утешить Митю и Ивана, но Иван не любит пророков, которые разговаривают с ним во имя Божие, и резко отвергает брата.

Дело Алеши начинает вырисовываться более определенно в его отношениях с мальчиками. Смерть товарища объединяет их друг с другом, и все признают в Алеше путеводителя — не к смерти, а к воскресению. Как и «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» оканчиваются исповеданием веры в воскресение.

Будет ли это воскресение тем делом, которое старец поручил Алеше?

То, что вера Достоевского — это вера христианская, особенно явствует из учения старца и из Алешиного опыта всеобщей

солидарности, точнее — единства со всем творением. Грех разделяет: Достоевский знает, что любовь к ближнему, та, что заповедана Евангелием, человеку невозможна; в мире сем царствует самолюбие, любовь же есть царство Божие. Во Христе восстанавливается единство людей, которое делает возможным ныне любовь к ближнему. Ученик старца чувствует свое единство со всеми, с этими и с теми: именно это чувствовал Алеша после того, как преодолел искушение бунтом. И религиозный опыт Макара в «Подростке» отличается тем же, но здесь менее отчетлива солидарность с миром грешников, а ведь в этом как раз и состоит, по-видимому, специфика христианского опыта, который есть участие в самих Страстях Христовых для спасения всех.

Нить солидарности соединяет Алешу со всеми людьми. Он хочет дать прощение всем за все, и просит прощения и за себя, и за всех. Это сильное чувство единства со всеми людьми, со всем миром предполагает близость Христа; и Алеша сознает, что Христос живет в нем: «Кто-то посетил мою душу в тот час».

Опыт этого отождествления с Христом освящает Алешу для его миссии. Старец провозвестил ему это, но исполнение миссии внутри него свершилось в тот час, когда Христос овладел им, в восторге «той ночи».

КОЛЯ

КОЛЯ — умный и живой мальчик. С ним Алеша общается на равных. С братьями, со всеми Алеша общается с любовью, не судит никого, умеет распознавать в каждом добро, часто глубоко спрятанное. Ему открываются и исповедуются, от него не может быть тайн, но все чувствуют, что он не такой, как они. Он уже взрослый, но сохраняет детскую чистоту, поэтому ему так хорошо с детьми, и детям хорошо с ним. В их глазах он один из них, они — настоящая семья. Другие признают в нем чистоту сердца, доброту, но именно поэтому и не общаются с ним на равных, даже если эти другие —

его братья. В действительности все разные. А мальчики не такие, и они сплачиваются вокруг него в каком-то вечном союзе. Их жизнь и его жизнь сольются воедино.

Особенно проявляется это в отношениях Коли с Алешей, и именно Колина «капитуляция» приводит к созданию новой семьи. Старая семья распадается: Митя осужден, Иван теряет разум. Да и Лиза уже не та милая девочка, что когда-то; она сама чувствует, что что-то сломалось в ее отношениях с Алешей. Теперь ей уже не стать его женой. У Коли же, как и у других мальчиков из их компании, уже не будет другой жизни. Их жизнь это общение друг с другом и с Алешей, в ожидании воскресения: смерть побеждена любовью.

«Ну пойдёмте же! Вот мы теперь и идем рука в руку», — говорит Алеша своим маленьким друзьям.

« — И вечно так, всю жизнь рука в руку! Ура Карамазову! — еще раз восторженно прокричал Коля, и еще раз все мальчики подхватили его восклицание».

СТАРЕЦ

ЕЩЕ создавая «Бесов», Достоевский утверждал, что знает монашеский мир, но, конечно, всем, что он написал о русском монахе и особенно о старце Зосиме, писатель обязан опыту, который он приобрел, когда в июне 1878 г. вместе с Соловьевым прожил два дня в Оптиной Пустыни, подле знаменитого старца Амвросия.

То, что сам Достоевский придавал огромное значение этим страницам, в особенности поучениям старца, ставшим, по сути дела, его завещанием, является для нас свидетельством необычайно сильного впечатления, которое произвела на него эта поездка в Оптину. Он узнал святость, которая могла не только противостоять темному миру зла, — тому, что он так хорошо знал и изобразил в «Бесах» и «Братьях Карамазовых», — но и победить его. Это была святость, которая должна была выйти из монастырей и спасти мир. Достоевский писал: «Эту шестую книгу... («Смерть старца»), я считаю кульминационной

точкой романа» (Письмо Н.А. Любимову от 8 июля 1879 г.). Несколько ранее он сообщал, что собирается вложить в уста умирающему старцу опровержение богохульства и анархизма (Письмо Н.А. Любимову от 10 мая 1879 г.). Возможно, он почувствовал необходимость в посещении Оптиной Пустыни, которое далось ему совсем непросто, именно потому, что хотел лично познакомиться с этим миром, и этот мир его не разочаровал. Христианство, которому надлежало спасти Россию и мир, было не официальным государственным христианством, а христианством монастырей.

Достоевский не заставляет старца говорить много, потому что тот слишком слаб для того, чтобы поддерживать долгие беседы, но слова его — только о главном, и они получают развитие в собранных впоследствии поучениях. Беспорядку, бунту, отрицанию творения и жизни противостоят поучения старца, которые звучат гимном жизни и радости. Достаточно человеку захотеть принять мир и открыться в любви, чтобы жизнь стала раем. Упрямой душе Ивана отвечает светлая простота этого поучения.

Достоевский хочет верить в победу любви и радости. В конце его писательской жизни, на фоне беспощадного видения мира, который все глубже погружается в ужас и распад, возникает наконец луч жизни, обещание радости.

Из земных дней старца в романе избран для описания последний. Он сознает, что жизнь его кончается. Как бы ни складывались события в этот день, более всего привлекает внимание его внутренний покой. Старец ни одного мгновения не приберегает для себя, даже теперь, когда смерть так близко. До конца он живет для других. Вот он принимает паломников, пришедших издалека, чтобы получить от него слово утешения и Божие прощение. Вот верующим женщинам, которые спрашивают у него, как найти Бога, он отвечает, что для этого есть одно средство — деятельная любовь к другим. Вот он с великодушием принимает старого Федора Павловича, не возмущаясь его выходками и не поддаваясь на его провокации, а потом, когда, с опозданием, прибывает на семейную встречу в монастыре Митя, ко всеобщему удивлению старец кланяется

ему в ноги. Он прозревает его будущее страдание, и, конечно, за этим земным поклоном стоит преклонение человека Божия перед скорбью мира.

Оставшись, наконец, наедине с братией, он может умереть. В нескольких простых, обиходных словах он излагает свое завещание и диктует его тем, кого любит и вскоре оставит, а затем совершает последнее свое дело — посылает Алешу в мир.

Вокруг старца создается атмосфера, исполненная необыкновенного мира. Смерть больше не несет с собой ни скорби, ни даже расставания. И уже начинает проступать сквозь земное обличье старца некий иной облик, таинственный и более истинный.

Когда Алеша, уставший от многочисленных и столь тревожных событий дня, засыпает во время молитвенного бдения над гробом Зосимы, он видит своего духовного отца, который призывает его к радости, и в этом нет ничего неестественного. Здесь нет места скорби; Алеша не только не чувствует себя оставленным, но даже получает приглашение на брачный пир. Из смерти ушел ужас, она стала праздником.

К возникновению же скандала приводят исключительно зависть и ревность монахов и разочарование любопытствующих. Грех оскверняет сладость и мир. В очередной раз люди изгоняются из того рая, который состоит в глубоком и задушевном общении любви. Бог словно не захотел защитить Своего святого; Алеша смущен.

Мне кажется неубедительной мысль о том, что прототипом старца Зосимы был Тихон Задонский; во всяком случае, не только он; точной же копией Задонского святителя является Тихон из «Бесов». Христианство старца — христианство светлое, радостное; это христианство воскресения, которое побуждает вспомнить скорее о старце Серафиме Саровском. Да, ко времени создания романа еще не была обнаружена беседа Серафима с Мотовиловым, но, очевидно, уже многое стало известно и многое можно было сказать об этом старце, для которого земной мир был преддверием горнего. Эта любовь, которая изливается на всех и для которой как будто уже

не существует греха, свойственна скорее Серафиму, чем Тихону. Прием, который он оказывает всем проходящим, пасхальное приветствие, с которым он обращается к каждому, смирение, кротость и мир, которые излучает старец Зосима, действительно напоминают Серафима. Слышал ли о нем Достоевский? Знал ли его? Если не знал, тем удивительнее было бы это совпадение. В христианстве Зосимы есть то христианство, которое, по Достоевскому, должно будет спасти мир. В любом случае, есть нечто необычайное в том, что великодушные старца, по чьим словам, нет разницы между монахом и мирянином, ибо все без исключения призваны к богообщению, совершенно соответствует учению Серафима.

Зосима хочет, чтобы пасхальная радость не была исключительным достоянием монашествующих, чтобы она разливалась по миру. Истинным образом Христа (романом «Идиот» писатель совсем не был доволен), возможно, стал бы Алеша, молодой послушник, которому надлежало покинуть монастырь и жить среди людей. Обладая той же органической неспособностью ко лжи, что и князь Мышкин, Алеша должен был принести в мир весть более явно христианскую — весть о пасхальном воскресении, радости и любви ко всем.

В поучениях старца, которые как бы предваряют будущую жизнь Алеши, мы видим, по слову самого писателя, образ того христианства, которому предстоит победоносно противостать христианству католической Церкви (впрочем оно, собственно, как говорил князь Мышкин, и не есть христианство, и даже хуже самого атеизма). Католицизму Достоевский противопоставлял русскую святость; «Легенде о великом инквизиторе» — старца Зосиму и его поучения. Великий инквизитор, по мнению Достоевского, воплощает в себе Церковь, истинное же христианство нужно искать в поучениях старца. Конечно, страницы, которые Достоевский посвящает русскому монаху, не достигают мощи и художественного величия «Легенды о великом инквизиторе», и все же они находятся в числе самых важных во всем творчестве писателя. На этих страницах он выводит нас из ада страстей к лицемерию райского мира.

ТРИ ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ

В ЭТОЙ портретной галерее три образа, как нам кажется, выделяются из всех. Достоевский явил в них то, что он считал наиболее чистым воплощением духовной красоты. Это князь Мышкин в «Идиоте», старец в «Братьях Карамазовых» и Соня в «Преступлении и наказании».

Как мы уже не раз замечали, Достоевский, очевидно, хотел запечатлеть в Мышкине образ Христов. Князь, в самом деле, является удивительным, может быть, самым необыкновенным созданием писателя. Вместе с тем существуют серьезные причины, не позволяющие нам признать его образом Христа. В князе никак нельзя увидеть Христа воскресшего, потому что его деятельность оканчивается погружением в беспамятство. Он не спасает других людей, которых любит, не спасает и себя самого. Да и вообще, свойственные ему искренность, абсолютная неосведомленность о роли денег, неспособность видеть зло еще не свидетельствуют о его глубокой религиозности. В его жизни нет живого общения со Христом. Если считать Мышкина образом Христа, то это не Христос Церкви. Иисус это не только сострадательное отношение к людям, Он, прежде всего, — всецелая соотнесенность с Отцом. Когда у князя спрашивают, верует ли он в Бога, тот избегает прямого ответа. Как это не похоже на Соню, с ее твердым и торжественным исповеданием веры! Любовь князя, скорее, не любовь, а сострадание, но сострадание еще не любовь. Иисус — истинный Человек, и Он знал любовь. И разве можно узнать в князе Христа, когда он с беспощадной язвительностью осуждает католическую Церковь?

Достоевский присваивает князю чувства, которые он сам испытывал по отношению к католической Церкви, но как он мог полагать, что его чувства — чувства Христовы? Нет, в князе нельзя было увидеть истинный образ Христа, и Достоевский это знал, и поэтому-то он и не был им доволен и поставил перед собой задачу вновь попытаться создать такой портрет. Важнейшие романы Достоевского являются, в сущности, превосходным толкованием Евангелия, а в «Идиоте» Евангелие отсутствует. Если князь и походит на Христа, то не на Христа Евангелия и не на Христа Церкви, а, скорее, на такого, каким Его знал и проповедовал Руссо, Христа безжизненного, ни Бога, ни человека.

Сестры Епанчины сравнивают Мышкина с Дон Кихотом. Его величие оказывается совместимым с некоторой его пародийностью. И тем не менее, отрицая, что князь является верным образом Христа, мы не можем отрицать, что он — великое детище Достоевского.

Более достоверный образ христианства мы находим в старце Зосиме и в Соне — в действующих лицах тех романов, где автор стремится придерживаться Евангелия. Исполненное пламенной веры чтение отрывка о воскресении Лазаря и чтение отрывка о браке в Кане Галилейской, в центре двух романов, выявляют главное и в старце Зосиме (в «Братьях Карамазовых») и, в еще большей степени, — в Соне (в «Преступлении и наказании»).

Во всем творчестве Достоевского нет более великих образов. Они не хотят быть отображением Христа, однако, с достоверностью являют Его в своей жизни.

С другой стороны, старцу не удастся обратить Федора Павловича; его присутствие вызывает, по большей части, сопротивление и в монастыре, и за его пределами; тем не менее, именно в Зосиме Достоевский видит то, чем является для него истинное христианство. В старце являет себя святость кротости, мира и смирения. Есть в нем огромная духовная красота, но эта красота не преображает мир. Он живет в монастыре; поэтому он хочет продолжить свое делание после смерти, посылая в мир Алешу.

Поучения старца, безусловно, на редкость превосходны с художественной точки зрения, но они остаются поучениями. Старец в романе представлен в определенном ракурсе. Он лишь действующее лицо второго плана, предвещающее явление истинного образа Христова в Алеше.

Итак, образ Христа должен был выйти из монастырей, где хранился долгие века, и обновить мир, человечество. Но действительно ли Алеша смог бы преобразить людей и создать из всех одну общину?

Эта картина оставалась для Достоевского утопией. Это мечта, которая помогает ему жить и дает надежду, но остается мечтой. Да, Алеша уходит из монастыря по воле старца, но еще не приступает к своей миссии.

Самый чистый, в христианском понимании, человек во всем творчестве Достоевского — Соня; она проститутка, но живет неоскверненной в мире греха.

Соня, не испытывающая мучительных сомнений, с ее простой и чистой верой, — самый достоверный образ христианства. Правда, у нас возникает подозрение, что желание явить этот изумительный образ в облике проститутки может свидетельствовать о расхождении Достоевского с историческим христианством; как бы там ни было, не имея возможности приступать к таинствам, Соня молится и с простой и живой верой вступает в личные отношения с Христом.

У Достоевского ни в одном произведении нет другого персонажа, в чьей жизни так очевидно присутствовал бы Христос евангельский, ни один другой персонаж не имеет такой глубокой связи с Ним, как Соня. Это страсть, которая возвышает ее и дарует ей героическую силу для того, чтобы принять безысходную нищету семьи, унижения, связанные с ее ремеслом; это страсть, которая делает ее победительницей. Это истинная любовь, которая не позволяет ей судить, осуждать и призывает ее к спасению убийцы. Во искупление и спасение его, она отдает всю свою жизнь и добивается, в конечном счете, его обращения.

Заметно постепенное сближение Достоевского с историческим христианством после его собственного обращения, но, возможно, в писателе так никогда и не угасли известные

недоверие и настороженность по отношению к Церкви как учреждению. Бог живет в сердце народа: Достоевский восхищается великой святостью, цветущей в монастырях, но, несмотря ни на что, как будто любит больше святость, которая сокрыта в тех, кто живет в миру, ни с кем не расставаясь.

Стремился ли Достоевский явить в Соне образ Премудрости, как хотел он явить в князе образ Христа? Я бы не решился утверждать это, но не могу и отрицать. Великим свойственно высказывать нечто большее, чем они собирались сказать.

Гением словно руководит дух — в нем говорит не человек, а народ, эпоха — не только Россия, но и русское и восточное христианство, с самого их зарождения.

Православная традиция всегда уделяла особое место культуре Премудрости. Неопровержимым свидетельством этого культа стал Софийский собор в Константинополе, построенный Юстинианом для прославления Божией Премудрости. И на Руси, вскоре после ее крещения, пожелали почитать Премудрость, посвятив ей Киевский собор. Иконописцы любят изображать Премудрость в виде царицы, владычествующей над вселенной. Думаю, что Достоевский вводит святую Софию в русскую литературу, потому что эта тема созвучна благочестию восточнохристианской души.

Глубокое богословское осмысление этой темы, начатое Достоевским в художественной литературе, продолжают в своих трудах православные богословы.

Соловьев, который был другом Достоевского, пережил мистический опыт общения с Премудростью и воспел ее в знаменитой поэме «Три свидания». После него эту же тему разрабатывал Блок, но в творчестве Блока она не только исчерпывает себя: культ превращается в пародию. Да, у Достоевского Соня — проститутка, но в каком бы месте ни появилась эта юная женщина, она очищает и озаряет его.

Священное Писание учит, что Премудрость сопровождает человека на его жизненном пути, защищает, охраняет, поддерживает его, ведет его ко спасению.

Соня — не образ Христа, но она верный образ божественной Премудрости.

Часть третья

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ
ДОСТОЕВСКОГО

МАТЬ СЫРА ЗЕМЛЯ И РУССКИЙ БОГ

ДОСТОЕВСКИЙ любил Христа, любил Его страстно и верно, но это не дает нам ответа на вопрос: а верил ли он в Бога? Встреча Ставрогина с Шатовым, невероятное воодушевление, которое испытывает Шатов, повторяя все то, что когда-то проповедовал ему Ставрогин, имеют, очевидно, ярко выраженный автобиографический характер. Страстная любовь к России и к ее народу, вера в его мессианское призвание — не это ли истинная религия писателя? Не об этом ли свидетельствуют иступленные речи Шатова?.. «Николай Всеволодович посмотрел на него сурово: «Я хотел лишь узнать: веруете Вы сами в Бога или нет?». «Я верую в Россию, я верую в ее православие.. Я верую в Тело Христово.. Я верую, что новое пришествие совершится в России.. Я верую...» — залепетал в иступлении Шатов. «А в Бога? В Бога?». «Я... я буду веровать в Бога»».

Князь Мышкин в «Идиоте», Митя в «Братьях Карамазовых», говоря о Боге, пользуются понятием, которое практически отрицает Его — «русский Бог». В религиозном отношении писателю, кажется, более всего близки русский народ и его призвание. Может быть, проблема Бога мучала Достоевского всю жизнь, как Кириллова, хотя и по-другому. Когда Рогожин спрашивает у князя, верует ли тот в Бога, князь меняет разговор и не отвечает. Похоже, что таков «ответ» и на наш вопрос. Достоевский верит в бессмертие и даже в воскресение, верит в некую эсхатологию, но никогда не говорит о лицезрении Бога, об общении человека с личным Богом. Упование человека — радость в общении любви, которое в конечном счете, когда над ним перестанет нависать угроза смерти, одолеет всякое непонимание, всякое разделение, всякое себялюбие.

Конечно, эсхатологическая картина, которая выходит из-под пера писателя, это картина религиозная, но Бог, Которого он имеет в виду, — не столько личный Бог, сколько безличное божество. Выходит ли это божество за пределы тварного мира? Вопрос немаловажный.

Народ приходит в упадок, когда отказывается от «своего» Бога ради Бога всеобщего — говорит Достоевский, и освобожден ли сам он вполне от власти такого учения? Нет худшего отвержения Бога, чем то, которое содержится в этом учении, утверждающем, что Бог не Абсолют, а основание нации.

И не следует слишком доверять словам писателя, что основы его учения — Бог и национальное начало; в действительности, создается впечатление, что Бог, по Достоевскому, только служит нации и является ее составляющей частью. Бог превращается всего лишь в сердце нации, внутреннюю силу, которая движет ею и дает ей жизнь.

Если Бог есть, Он все спасает, так, что ничто уже не может быть к Нему добавлено, Он — Единый и, потому что Единый, также вселенский, всеобщий. От России спасение: какое спасение? Достоевский презирает французов, терпит англичан и швейцарцев, ненавидит поляков и евреев. Может быть, спасение означало бы конец этих наций единственно ради торжества русского народа? Этого Достоевский не говорил и, возможно, и не думал; однако, если предположить, что он до конца сохранил в себе двуединство Бога и нации, это означало бы, что он уже безусловно отрицал абсолютную трансцендентность Бога. Эта трансцендентность сама по себе должна была бы релятивизировать национальное начало, которое у Достоевского занимало место Бога. Христианство превращалось у него в идолопоклонническую религию.

Сознавал ли это сам писатель? Нельзя полагать, что он полностью сознавал, куда может завести его верность собственному учению, однако, его слепота была следствием чрезмерной привязанности к русскому народу и к «его» Богу. Его душа не была настолько свободной, чтобы позволить ему судить правильно и беспристрастно.

Достоевский любит русский народ, превозносит его как носителя спасения, и вот уже начинает казаться, что народ этот и есть высшая ценность; даже Бог это русский Бог.

Но где же русский народ в романах Достоевского? Персонажи его романов словно не знают, что такое труд, не знакомы с утомлением, с бедностью. Да, семья Мармеладовых, разумеется, знает нищету, но то, с чем сталкиваются они, это не бедность бедных: Мармеладов — чиновник, потерявший место из-за пристрастия к вину, а жена его Катерина тщеславится, гордясь некими знакомствами, которых, впрочем, никогда у нее не было. Подлинный народ представлен лишь Соней в «Преступлении и наказании», Соней в «Подростке» и Софьей-книгоношей в «Бесах». Из толпы персонажей-мужчин человеком из народа, очевидно, можно назвать только Макара Ивановича в «Подростке». Персонажи романов Достоевского — студенты, как Раскольников, богатые купцы, как Рогожин, дворяне, генералы, сановники, лица свободных профессий и... паразиты, живущие случайными заработками, слуги дворян и богачей, такие, как Лебедев в «Идиоте», как шайка Рогожина.

В «Бесах» все приезжают из-за границы; европейские испорченность нравов и подрывная деятельность проникают в русский народ и силятся его растлить. Это Европа развратила Кириллова, Петра Верховенского, Ставрогина, Шатова... Версилова; в «Подростке» русский дворянин, сорящий деньгами и ведущий за границей бесцельную и беспорядочную жизнь, в конце романа переживает обращение, возвращаясь к народу в своей тихой любви к Соне, жене Макара Ивановича, которую он отнял у мужа. Но его обращение, обретенный покой все же не настолько велики, чтобы заставить его узаконить свой союз с женщиной из народа.

Так где же все-таки народ в романах Достоевского? Народ не имеет лица. Князь Мышкин вернулся из Швейцарии после того, как его долго с любовью лечил врач-швейцарец; средства на лечение и питание ему предоставил некий русский, человек благородного сердца, настоящий христианин, обратившийся в католичество. Откуда было знать князю русский

народ и где он мог узнать его? И все же он сурово обличает католическую Церковь, к которой принадлежал его попечитель, тем самым, в известном смысле, отрекаясь от того народа, которому он возносит хвалы. Но не является ли эта апология русского народа, довольно часто звучащая в романах Достоевского, в большой мере голословной и безосновательной? На деле ближе всего к народу люди, закосневшие в пороке, такие, как рогожинская шайка паразитов в «Идиоте»; впрочем, в начале «Братьев Карамазовых», у старца, мы видим верующих баб.

Да, Версилова исцеляет женщина из народа. Оторванный от родной земли, постоянно куда-то и откуда-то бегущий, не знающий покоя, он наконец находит спокойствие в новых для него отношениях с Соней, основанных на искренней любви, но, несмотря на это, Версилов на ней не женится. «Мир дворян, культуры, богатства по-прежнему отделен от народа». Притязания на то, чтобы именно этот народ, по большей части не имеющий лица, спасал Европу, — лишь утопия и, можно даже сказать, почти нелепость. Русский народ отождествим только с несколькими женщинами, которые живут смиренной преданностью, щедрой и верной любовью к человеку, совершившему преступление и отвергнутому обществом, к человеку, ищущему покоя; различим этот народ и в старике, который выкорчевывает себя из мира, чтобы сделаться странником в мире Божиим. В любом случае, народ этот не чувствует, что ему поручена миссия, которую хочет возложить на него Достоевский; это народ, который не спасает, а главным образом ищет спасения, мира — стремясь к старцу и встречаясь с ним.

Определенная неясность возникает также в «Бесах» применительно к Пресвятой Деве. Нельзя сказать, что слова старицы, живущей на покаянии, полностью соответствуют воззрениям самого Достоевского. Выходя из церкви, она говорит Марье Тимофеевне, помешанной: «Богородица что́ есть, как мнишь?». — «Великая Мать» — отвечает та, — «упование рода человеческого». — «Так, говорит, Богородица — великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается

радость. И всякая тоска земная и всякая слеза земная — радость нам есть; а как напоишь слезами своими под собой землю на пол-аршина в глубину, то тотчас же о всем и возрадуешься». «Стала я с тех пор на молитве» — говорит чуть дальше Марья Тимофеевна — «творя земной поклон, каждый раз землю целовать, сама целую и плачу». Произносятся такие слова, человек не отходит от мифа, чтобы подняться до исторической и конкретной личности Девы Марии; наоборот, он возвращается к мифу, от исторической религии — к языческому мифу, от «личности» к «вещи».

Культ Матери-земли это не любовь к степи, к пейзажу. Достоевский может, конечно, растрогаться от клейкого листочка, от пения птиц, но почти всякое упоминание о деревне, о сельских пейзажах как бы повисает в неопределенности. Персонажи Достоевского живут в городах, и внимание писателя сосредоточено главным образом на городской среде. Иногда обозначается час дня, но вообще авторские ремарки, относящиеся к месту и времени действия, весьма скупы и выполняют одну цель — бегло пояснить, где и когда действует тот или иной персонаж. Впрочем, создается впечатление, что события в романах Достоевского разворачиваются, в основном, ночью; и даже когда время суток не обозначено, в разговорах персонажей, в развитии действия неявно присутствует ночь. Ночь обостряет и конкретизирует внимание человека. Достоевский не солнечный писатель, он вглядывается в сердечные бездны; его не назовешь слепцом, но он не отвлекается на лицезрение мира. Макар Иванович, странник, в своих воспоминаниях говорит о чувствах, которые вызывали у него восход солнца в степи, пение птиц, но внимание писателя тотчас же переходит на самого странника, на некую особую восторженность, обретенную им в опыте страннической жизни. Более четко, хотя и кратко, выписаны впечатления Раскольниковца, который, вскоре после Пасхи, разглядывает необозримую степь на другом берегу реки. Лицезрение земли, освобождающейся от льда и снега, подготавливает его собственное избавление от бессердечия и немощствования и рождение нежности, любви.

В любом случае, есть основания предполагать, что религиозный опыт в произведениях Достоевского так или иначе связан с землей. Человек призван прежде примириться с землей, а затем уже с Богом; единение с Ним как будто требует некоего особого единения с землей. Можно было бы говорить о какой-то связи с язычеством, но, возможно, скорее следует признать, что языческий культ великой матери подготавливает христианскую религию. Единение с Богом не отделяет человека от людей, не отделяет человека от земли; наоборот, именно в своем единении с Богом он переживает самое сокровенное и глубокое общение с тварью, меж тем как разделения между людьми и разделение земли — несомненный признак отделения человека от Бога. Таким образом, религиозная жизнь предполагает возвращение к земле, живое соединение с тайной одного из творений, которое являет Бога людям.

В своем исповедальном слове персонаж «Подростка» Макара Иванович воспевает это нерасторжимое единство природы и Бога. Человеку, который возвращается к общению с природой, отпускаются грехи; человека прощает Бог. В своей связи с землей он вновь обретает безгрешность, возвращается в потерянный рай и познает простую и чистую радость.

Смиренность старого странника исключает всякую риторику; язык его схож с детским лепетом, он беден и в то же время высокопоэтичен, благодаря своей светлой простоте. К этому новому единению с землей Соня призывает и подталкивает Раскольникова, чтобы тот получил прощение. Для этого он должен поцеловать землю и признаться в своем преступлении. И вот Раскольников становится на колени посреди городской площади, чтобы признаться в убийстве перед народом, но грубость любопытствующей толпы сдерживает его, и признание остается у него в сердце. Он будет осужден, отправится в Сибирь, но только спустя многие и многие дни, в течение которых его сердце остается мертвым для всякой жалости, для всякой любви, он узрит землю, не испоганенную человеком, и его сердце растает и станет наконец способным любить.

В «Братьях Карамазовых» сцена с видением Алеши должна была стать, в структуре романа, центральной и определяющей.

Он переживает опыт единства с усеянной звездами бездной; примиренный с самим собою и с жизнью, Алеша чувствует себя как бы душой творения. Этот опыт готовит его к той миссии, которую доверил ему старец.

Культ Матери-земли не имеет ничего общего с любовью к пейзажу; этот культ кажется нам скорее формой выражения мистического опыта, который является возвращением человека к своим истокам, *reditus ad uterum* (возвращением в материнское лоно). Следуя этому культу, человек возвращается от конкретной историчности женщины, являющейся Матерью Божией, к языческому мифу. Это возвращение от истины к мифу и к символам, которые лишь провозвещают истину.

И тогда возникает опасность, что путь человека окажется возвращением к языческому прошлому. Но Бог у Достоевского живет, главным образом, в сердцах человеческих. В христианстве место Матери-земли с ее сакральностью занимает земля, лишенная атрибутов божественности и не являющаяся объектом человеческого поклонения, потому что человек — последнее откровение и таинство Божие. Человек может теперь подчинять себе землю и созерцать ее, может целовать ее и орошать слезами — несмотря на все это он сознает себя чадом Божиим.

В «Подростке» слова Макара Ивановича, который вспоминает свой опыт, когда он испытал состояние, близкое к восторгу, свидетельствуют, конечно, о единении с землей, но в этом единении человек живет в общении с Богом. Всё — в Боге, и сам человек чувствует, что Бог его проникает и им обладает. Творение не есть Бог, но таинство Божие. Достоевский избавился от неясности, двусмысленности; в молитвенном восторге, пережитом Алешей в «Карамазовых» и в религиозном опыте Макара Ивановича в «Подростке» преодолевается всякая двусмысленность.

Мы должны отметить, что все двусмысленное и сомнительное в учении писателя, в общем-то, отпало само собой, а его религиозное свидетельство осталось высоким.

Сделанные оговорки не могут упразднить религиозное измерение творчества Достоевского, более того, необходимо

признать, что это измерение — главенствующее. И вполне определенно религией Достоевского остается христианство — это так, прежде всего, потому, что во всем творчестве Достоевского центральное место занимает тайна человека. А тайна человека состоит в том, что он — образ Божий.

Языческая религия связана с землей, иудаизм — религия народа. В христианстве связь с землей и расой преодолевается! Несмотря ни на что, двусмысленность остается: православие — это русское христианство, религия, еще связанная с землей, с народом.

Эту двусмысленность религии, связанной с землей и с народом, можно заметить также в поучениях старца. Скажем больше: именно потому, что Достоевский затрагивает тему народа Божия и Матери-земли в той главе, где он хочет представить религиозный христианский опыт в самой чистой форме, мы имеем право заключить, что это возвращение играет в его религиозных воззрениях непреходящую и решающую роль.

Связь с землей не ставит под сомнение подлинность и трансцендентность христианской жизни; скорее, она свидетельствует о том, что нельзя жить в единении с Богом, если не живешь в единении с Его творением и что невозможно жить по-христиански, не любя жизнь. Мир греха это мир разделения, распада и смерти, а христианская жизнь это примирение с Богом в примирении человека с землей, с людьми, с самим собой. Христианская жизнь есть мир и радость в Святом Духе, это необъятное общение любви, откровение чистой красоты.

РЕЛИГИЯ ЧЕЛОВЕКА

НЕЛЬЗЯ требовать от романиста богословских трактатов, но и у него есть, как правило, своя философия и, в более или менее ясно выраженном виде, свое богословие. Достоевский — религиозный писатель; быть может, величайший религиозный писатель последних веков. Оставляя в стороне вопрос о его личной святости, за ним можно признать известный пророческий дар.

Нельзя сказать, чтобы его религиозные взгляды полностью совпадали с учением православной Церкви. Монахи не узнавали себя в русском иноке, каким попытался изобразить его Достоевский. Невозможно оставить без порицания те страницы, на которых он бросает тяжкие обвинения католической Церкви.

И все же нет оснований сомневаться в величии той религии, свидетельство о которой Достоевский приносит в своих романах. Данте Алигьери тоже сурово обличал пап и многих из них поместил в ад, но ведь даже у величайших святых и мистиков Церкви мы можем найти какие-то недостатки. Никому человеку не дано осуществить, в мысли и в жизни, полностью христианской тайны.

С одной стороны, Достоевский полагает, что человеку в естественном порядке невозможно возлюбить своего ближнего так, как заповедано Христом, с другой же стороны, в своих романах он прослеживает, как христианская религия является себя и осуществляется в этой любви, которая делает нас — каждого — виновными во всех грехах, чтобы каждый получил прощение за все и за всех, чтобы, в свою очередь, дать всем прощение. Общение истинной любви между людьми, являясь для Достоевского исполнением всякого ожидания и всякого обетования, есть уже рай на земле. Невозможность любви к ближнему, о которой он говорит в удивительных строках, написанных во время бдения над телом первой жены, удостоверяет, что любовь к ближнему есть дело благодати; таким образом, религия Достоевского не есть естественная религия. Он не отвергает учение Церкви. Верно, что его Бог никогда ясно не именуется Богом-Троицей христианского откровения; верно, что он не говорит ясно о воплощении, и все же центральное место, которое занимает Христос в его художественном мире, страстная любовь ко Христу в его жизни предполагают трансцендентность Христа и трансцендентность Его учения. Может показаться, что Достоевский хранит молчание о тайне искупления человека крестной смертью Иисуса, однако, искупление человека от греха — это тема «Преступления и наказания» и, возможно, предполагавшаяся тема «Братьев

Карамазовых»; верно, что его видение Церкви страдает неполнотой (она предстает слишком чуждой всему земному и почти незримой), однако, он глубоко осмысливает преподаваемые ею таинства, воспевает монашество, в котором Церковь признает подлинный опыт церковной жизни.

Так является ли Достоевский христианским писателем? Мироззрение, которое он нам предъявляет, оставляет впечатление недоговоренности, вызывает известные сомнения, и все же в главном оно согласуется с христианским учением. Это главное — тайна греха, который приводит человека к смерти, любовь ко Христу и бесконечное сострадание.

Жизнь христианина — мир и радость, кротость и смирение. Не общественная деятельность спасет мир, а духовная красота. Нет выше человека, чем святой, который являет Бога.

Мы уже говорили: то, что у Достоевского более всего расходится с истинным христианством, может быть, — религия народа и земли. Конечно, было бы крайне печально, если бы русский народ и его предполагаемое мессианство стремились заменить Бога живого. Кажется более вероятным, что Достоевский не с самого начала своего «обращения» отождествил себя с историческим христианством и с Церковью. В любом случае не вызывает сомнений, что искушение религией народа и земли никогда не исчезало из его жизни. Его романы обильно свидетельствуют об этом. В то же время верно, что, если в романе различимо пантеистическое мироззрение и особенно сакрализация народа, это мироззрение не провозглашается, — наоборот, признается его ошибочность. Шатов повторяет Ставрогину учение, которое когда-то от него усвоил. Он верит в Россию, верит в православие, в новое пришествие. Но Ставрогин его прерывает: «А в Бога? В Бога?». «Я... я буду веровать в Бога», — отвечает Шатов. Вся речь Шатова могла бы быть отрицанием христианства, если бы Ставрогин его не прервал. Бог был бы «русским Богом». Каждый народ имел бы своего Бога, но тогда Бога можно было бы отождествить с душой каждого народа. Ставрогин своим вопросом призывает Шатова признать, что истинного Бога нельзя

отождествить ни с Россией, ни с народом. Бог есть Бог, и Шатов еще не верит в Бога. Таким образом, когда Достоевский писал «Бесов», ему было вполне ясно, что Бога нельзя отождествлять с душой народа и что вера в Бога превосходит веру в судьбу нации. Как и все писания Достоевского, речь Шатова автобиографична: писатель исповедуется в искушении, от которого он, возможно, еще не до конца избавился.

Земля присутствует, но страстный призыв обратиться к ней не свидетельствует об особом внимании Достоевского к пейзажу.

Мир для Достоевского, как и для Павла Тарсянина, это не столько моря и поля, не столько реки и леса, сколько сердце человеческое. У кого-то другое единение с землей принимает более конкретные формы; Достоевский целиком захвачен лицеизрением человека, он обнаруживает сокровенные глубины жизни и внутреннего опыта и спускается в них. И именно нисходя в бездны сердца, он раскрывает тайну человека, который может быть образом Божиим, но может быть и образом лукавого. Поэтому в романах Достоевского различимо явное метафизическое измерение, и за повествованием всегда стоит тайна. Достоевский не философ и не богослов, выстраивающий систему, однако, его произведения несут в себе концепцию, или, лучше сказать, воззрение на все бытие человека и мира; обширность и глубина этого воззрения очевидны даже для поверхностных читателей. Оно не обходится без крупных изъянов, но в целом, это — воззрение, которое воодушевляет и возвышает.

В центре стоит человек, и в человеке являет себя сама тайна Божия. Жизнь человека — столкновение зла и добра; проблема зла и концепция добра выходят на первый план во всех романах, причем добро и зло предполагают свободу, постулируют Бога. Если Бога нет, все позволено, — говорят Раскольников в «Преступлении и наказании» и Иван в «Братьях Карамазовых», но жизнь противоречит этому утверждению. Преступление несет приговор в себе самом, а затем уже бывает осуждено судом человеческим. Человек находится в центре творчества писателя, и человек имеет дело с Богом. Если

Бог живет в нем в любви, человек переживает преобразование; если же человек противостоит Богу, чтобы утвердить, вопреки Богу, свою свободу, он распадается и гибнет.

В романах описывается этот путь, идя которым человек стремится стать тем, что он выбрал: или образом Божиим (тогда его жизнь исполняется чистой духовной красоты), или воплощением скотского начала и смерти. Лужин и Свидригайлов в «Преступлении и наказании», Петр Верховенский, Кириллов и Ставрогин в «Бесах», Смердяков и Ракитин в «Братьях Карамазовых» — окаянные души; в них есть трезвый и холодный эгоизм, который их обособляет и опустошает. Почти всегда они заканчивают самоубийством; впрочем, по сути дела, они еще до этого отвергают жизнь своей неспособностью к любви. Убивают себя Свидригайлов, Ставрогин, Кириллов, Смердяков... Другие уже не в состоянии увидеть собственное убожество, омерзительную лживость и не имеют мужества даже на то, чтобы предать себя смерти.

Светлые же создания — это Соня в «Преступлении и наказании», князь в «Идиоте», Тихон в «Бесах», старец Зосима и Алеша в «Карамазовых» и Макар Иванович в «Подростке». Их жизнь, наполненная любовью, и их смерть напоминают праздничную литургию.

Все человечество целиком живет в романах Достоевского; у каждого персонажа своя жизнь, свое лицо, и вместе с тем это человечество делится на осужденных и избранных: в мире Достоевского уже идет суд Божий.

Искушение «русским Богом», соблазн связать Бога с землей и народом могли бы оказать разрушительное воздействие на христианство писателя. Искушение осталось с ним до конца, но не привело к его отдалению от Христа. Христос разрушил чары закрытой природы, в которой человек — узник. Тот Бог, Который воплотился в Христе, не есть, как в язычестве, олицетворение или составная часть природы; это Бог, Который стоит над природой. В общении с Ним человек потому и спасается, что разрушает чары природы, которая держит его в плену. В своем общении с Христом каждый человек спасается, потому что Бог любит его, и ход времени и истории уже

не может проглотить и переварить его: человек преодолевает природу и преодолевает время.

Иисус с силой возвестил: «Верующий в Меня имеет жизнь вечную»(ср. Ин 6,40). Конечно, за языческой религией природы, которая не только являет Бога, но и отождествляет Бога с природой, следует религия, которая не только являет Бога в истории, но и делает из Бога средоточие истории народа. Но и в этом случае для человека нет спасения. Народ и история не могут иметь абсолютной власти над человеком, да и человек, если он любим Богом, не может быть частью целого, в котором он, в конечном счете, растворяется. Любовь личного Бога вообще не была бы любовью, если бы была направлена на народ или на человечество: ее можно назвать любовью потому, что она направлена на личность каждого человека. Более того, именно эта любовь отрывает каждого человека от того целого, к которому он принадлежит лишь как его часть, и именно эта любовь делает из человека уникальную и неповторимую личность в полном смысле слова.

Поэтому роман — это литературный жанр, который мог возникнуть только на почве христианской культуры, и, может быть, величие нашего писателя состоит в признании за человеком абсолютной ценности. Сын своего времени, Достоевский подвергся влиянию романтического мировоззрения, которое могло растворить христианскую религию в культе природы, матери-земли; но особенно подействовало на него обаяние религии, отождествившей поклонение Богу со служением и с преданностью делу родины и народа. Такая религия, которая «закрывает» человека, а не открывает его вселенской любви, не может быть религией истинного Бога. В действительности, Бог религии Достоевского — не одно и то же с божественным в природе, и это не Бог метафизики, но в то же время это и не Бог истории: это Бог, Который явил Себя человеку в жизни и в смерти Христа и, в конечном счете, это Бог, Который живет в сердце человека. Всякий человек имеет с Ним дело: каждый чувствует, что именно Он его судит, но Он же — и та сила, которая ему помогает и питает его радость.

Над людьми, или, лучше сказать, в самих людях действуют Бог или дьявол. Галлюцинации в «Братьях Карамазовых», в «Преступлении и наказании», являются, безусловно, признаком болезни, но насколько их можно объяснить, не прибегая к гипотезе о зависимости человека от Бога или от дьявола? Разве можно исключить эту зависимость? Тот факт, что все можно объяснить, не прибегая к аргументам о действии Бога или беса, не исключает их действия, ибо Бог и дьявол не действуют как агенты, внешние по отношению к природе человека: Бог — потому что Он Творец, а дьявол — потому что он имеет власть над человеком-грешником.

Разумеется, человек несет ответственность за свои поступки, действие Божие не превращает человека в автомат; наоборот, это действие делает его более свободным и ответственным, потому что именно благодаря своей зависимости от Бога человек может стать поистине человеком. Находясь же под воздействием дьявола, человек, предающийся лжи, любовной страсти, преступлению, распадается и разлагается. В своих поступках человек не может претендовать на полную самостоятельность. Итак, нет нужды объяснять события непременно вмешательством Бога или лукавого, однако, в произведениях Достоевского, а точнее — в их персонажах сокрыто (и вместе с тем, предполагается) тайное действие Бога и особенно дьявола.

Это чувствуют и сами персонажи — Свидригайлов, Ставрогин, Иван Карамазов... Действие Божие еще более потаенно, настолько Бог внутренне близок человеку; но вера, чистота, сила Сони в «Преступлении и наказании» помогают нам разглядеть в ней присутствие Кого-то, Кто больше, чем она, делают ее, живущую в простоте, сильнее человеческого упрямства, человеческого жесткости и гордости.

РЕЛИГИЯ И МОРАЛЬ

ДОСТОЕВСКИЙ — религиозный мыслитель, и его религией, несомненно, является христианство. Это, конечно, не

юридическое христианство. Он обвиняет католическую Церковь в том, что она впала в искушение властью. По его мнению, вместо того, чтобы преобразовать государство в Церковь, католическая Церковь сама стала государством и предала тем самым христианство. Обвинение это повторяется в произведениях Достоевского слишком часто, чтобы мы могли обойти его молчанием. Может создаться впечатление, что порой за обличениями стоит ревность писателя, русского и православного, но, хотя он и не выдвигает такое же обвинение против православной Церкви, все равно есть основания полагать, что и к православию он относится с некоторой настороженностью. Христианство Достоевского — христианство униженных, тех, у кого нет власти, изгоев; это также — христианство монашества. На иерархическую Церковь он, как нам кажется, взирает с известным недоверием.

Христианство это никак нельзя назвать и морализирующим: женские персонажи, в которых наиболее ясно различим лик Божий, это женщины, которые, объективно говоря, живут за пределами Церкви, ведут жизнь, вступающую в противоречие с нравственностью. Соня из «Преступления и наказания» — проститутка, Соня из «Подростка» живет с человеком, который не приходится ей мужем. Впрочем, и Макар Иванович не отстаивает свое право на жену, отобранную у него их общим хозяином; он не взывает к нравственности, чтобы защититься.

Христианство Достоевского — это христианство, которое не хочет знать никаких законов, кроме закона любви: *это христианство пророческое и мистическое*. За исключением старца Зосимы, настоящие христиане в романах Достоевского живут на задворках официальной Церкви, Церкви как учреждения, живут в грехе и при этом знают Бога лучше, чем те, которые говорят от Его имени.

Одна из великих религиозных страниц в «Преступлении и наказании» — исповедь пропойцы, который, из-за пристрастия к спиртному, довел свою семью до крайней нищеты, до полной беспросветности. Это опыт общения с Богом в творении. Это сострадание ко всем князя Мышкина, это прежде всего

жертвенная любовь двух Сонь, кроткая любовь старца Зосимы. Это общение человека с землей, это общение человека с людьми. Перед лицом *такой любви* никто не чувствует себя осужденным и отвергнутым.

В этом христианстве любовь не оправдывает грех, но очищает и уничтожает его.

И действительно, у Достоевского мораль не отождествляется с религией. Если в «Преступлении и наказании» проститутка становится чем-то вроде олицетворения Премудрости, то в «Бесах» хороший человек в своей смерти оборачивается, наоборот, демоническим существом. Чему же хочет научить нас Достоевский? Он доводит до крайнего парадокса качественное различие, но не противопоставляет религию морали. Природа не противостоит благодати.

Соня в «Преступлении и наказании» принесла себя в жертву из любви к родным, она ощущает, сколь позорно ее состояние, соглашается на унижения и чувствует, что есть справедливость в том, что ее презирают и порицают. Любовь к родным побеждает в ней ужас перед собственным образом жизни.

Кириллов — человек хороший, но это потому, что все ему безразлично; он одержим идеей Бога, и создается впечатление, что хорош он лишь постольку, поскольку неспособен к истинной страсти, которая бы отвлекла его от идеи. Как и Петр, Кириллов не знает любви. Нравственность без любви не может быть христианской, любовь же может освятить и того, кто, казалось бы, пребывает в греховном состоянии. Соня поставлена перед выбором: или любовь, требующая от нее гибели, которая для нее хуже смерти, или отказ от любви ради спасения собственной души; она выбирает любовь, и вместе с любовью — смерть. Эта любовь объективно не оправдывает грех, но субъективно Соня предстает созданием чистым и светлым.

Достоевский приучил нас к трагическому взгляду на жизнь, но, главное, мы учимся у него тому, что благодать и грех часто бывают скрытыми, а внешность — обманчивой.

Персонажи его романов часто оказываются в экстремальных ситуациях. Требования морали остаются в силе, однако,

кажется, что в некоторых случаях эти требования должны быть приостановлены — без ущерба для жизни по вере. И наоборот: верность морали может сопровождаться отказом от Бога и превращаться в самый тяжкий грех.

НРАВСТВЕННОСТЬ И НАБОЖНОСТЬ

Жкаково же, в таком случае, соотношение между верой и нравственностью? В «Преступлении и наказании» самый чистый, самый религиозный образ — юная проститутка. Что это, веяние времени? Дурное общее место романтической литературы — прославление добродетели, совмещающейся с греховной жизнью; но у Достоевского мы встречаем противоречие намного более серьезное: юная проститутка не только человек большой чистоты — из всех более и менее значительных героев Достоевского она обладает самой твердой верой и самой живой набожностью. Она верит в Бога, ее вера не знает сомнений. Более того, в той трагической ситуации, в которой она находится, безусловно, именно вера поддерживает ее, помогает ей не дрогнуть, не скатиться в безумие. Ее слово наполняется силой свидетельства, уравниваясь со словом мучеников, когда, в ответ на искусительные вопросы Раскольникова, ей приходится провозглашать и защищать свою веру.

В этом же романе Сонин отец, запойный пьяница, раб порока, в своем длинном и сбивчивом выступлении в кабаке, можно сказать, воспекает гимн милосердию Христову. Мармеладов тоже живет в грехе и, вместе с тем, душа его религиозна. Когда он пьяным попадает под экипаж и его приносят домой, он просит об одном — позвать священника. В следующем по времени романе князь Мышкин, существуя в мире, находящемся в рабстве у денег, сам живет в абсолютном неведении об их власти; в то время как мир живет во лжи, князь — сама незамутненность, честность. Его внешние проявления постоянно удивляют окружающих. Его любят, но и боятся. Князь, конечно, — изумительное творение; но особенно

глубоко удивляет в нем отсутствие набожности и даже, как будто, некоторое безразличие к вере.

В «Бесах» человек, который вполне может показаться, в сущности, хорошим, это инженер, решивший, что он облечен миссией освободить человека от Бога. В «Подростке» дворовая женщина, которую хозяин украл у мужа через несколько дней после свадьбы, и которая незаконно с ним сожительствует, — человек редкой кротости и смирения, но прежде всего она — религиозная женщина, как религиозен и муж ее Макар Иванович, вечный странник. В последнем романе, «Братья Карамазовы», как будто, наконец, наступает гармония между нравственностью и религиозностью. Самый светлый образ этого романа — Алеша; он тверд в послушании своему старцу и уверен в необходимости свершить возложенную на него миссию, но то, что ему придется для этого выйти из монастыря, вызывает определенные вопросы. Не должен ли будет совершитель этой миссии жить в некоторой отрешенности от Церкви как учреждения?

После того, как мы коснулись всех моментов, побуждающих к постановке проблемы, необходимо посмотреть, возможно ли ее разрешение. Сонин отец и особенно Федька, бандит, который, в противоположность Петру Верховенскому, становится апологетом благоговейного почитания Богородицы, красноречиво доказывают, что нравственность и религия — миры не совпадающие, и что миры эти могут быть также весьма различными и отдельными. Гипертрофированное нравственное начало, присущее князю Мышкину, может быть во многом чуждым религиозности. Возможно, в Мышкине Достоевский воплотил свои представления о том мире красоты и братской любви, в котором он всегда видел завершение и исполнение человеческой истории. Князь терпит крах, а вот миссия Алеши, судя по замыслам писателя, скорее всего, не должна была окончиться неудачей. Но в какой мере Алешина миссия способна осуществить единение всех в любви, личное общение человека с Богом?

В своих романах Достоевский как будто не придерживается мнения, что религиозная жизнь — опора, источник

нравственности; с другой стороны, набожность, религиозность могут существовать в тех, кто живет в грехе и, более того, кажется, и не хочет от него избавляться.

Но нам следовало бы точнее определить, что понимает Достоевский под нравственностью и что — под религиозностью, потому что, быть может, в его системе воззрений нравственность и религиозная жизнь вовсе не противостоят друг другу. Разве не сказано, что если Бога нет, все позволено? Но верно и то, что, если Бог есть, все может быть прощено.

В «Братьях Карамазовых», в книге шестой, посвященной русскому иноку, предполагается единство религиозной жизни с жизнью этической, которая питается от религиозной жизни. Вместе с тем, религиозная жизнь словно игнорирует личного Бога христианства, а этическая жизнь как будто не знает требований половой морали и стремится к уходу из мира. Оптинские монахи не узнают себя в «русском иноке»; его христианство остается для них чуждым. Однако в этом христианстве есть своя красота: Бог живет в сердце человека, даже последнего грешника. Грех не лишает его возможности находиться в сокровенном общении с Богом. Но кто этот Бог? Личных отношений с Ним как будто быть не может, даже если Он живет в сердцах людей. Только Тихон познает личного Бога христианского предания — в своей молитве, а до него Соня из «Преступления и наказания» — в своей страстной защите Бога, Который есть Промысел. Она не умеет и не имеет желаний сомневаться в Его присутствии в своей смиренной жизни. Перед Соней в самом деле отступает любая настороженность: у нее нет своего мистического опыта, такого, как у старца Зосимы, но ее исповедание веры, конечно, — самое ясное, открытое и торжественное исповедание веры во всем творчестве Достоевского.

Религиозная жизнь у Достоевского сопряжена, кажется, не столько с верностью закону, сколько с чувством греха. Человек чувствует, что должен отвечать за свои поступки и даже за свои мысли. Ему сопутствует, главным образом, не удовлетворение от всего, что он совершил, а чувство, что он никогда не удовлетворял требованиям того закона, перед которым в ответе его дух.

Человек хотел бы утвердить свою независимость, он не хотел бы иметь дело с требовательным законом, поэтому он не принимает Бога и хочет с Ним порвать, отвергнуть Его. «Если Бога нет, все позволено», — говорит Иван; но человек не может отвергнуть закон, он может нарушить его, однако все равно чувствует, что существует закон, который вызывает у него чувство вины и осуждает его. Обязательность нравственного закона есть доказательство бытия Божия. Достоевский имел все основания, чтобы перевернуть слова Ивана: «Не все позволено, следовательно Бог есть».

ХРИСТОС — ИСТИННЫЙ ЧЕЛОВЕК

РЕДКО когда человек у Достоевского сознательно выходит в молитве из себя, вступая в личные отношения с Богом: Макар Иванович молится в «Подростке» и Тихон — в «Бесах», и Соня в «Преступлении и наказании» пребывает в тесном общении с Богом. Однако даже если осознанные отношения с личным Богом не являются для человека частью его жизни, в этой жизни все равно прослеживается постоянная невыявленная соотнесенность с Богом, даже в грехе, потому что он чувствует свою ответственность перед Ним.

Нравственный закон предполагает Бога; без Бога нет никакого нравственного закона. Бог являет Себя в самом облике человека; жизнь человека постулирует существование Бога. Человек отвергает Бога лишь постольку, поскольку хочет заменить Его, живет лишь постольку, поскольку стремится к истине, к красоте, к любви, но стремление его — к одной Истине, к абсолютной Красоте, к Любви вечной и бесконечной. Таким образом, в стремлении человека Бог уже присутствует, и именно это Присутствие объясняет нестерпимое напряжение, в котором живут персонажи, поставленные в крайние обстоятельства. И в этом-то Присутствии и состоит основополагающее содержание христианства. Через Воплощение человеческая природа, воспринятая Словом, стала окончательным откровением Божиим, орудием Его действия, и человеческая

природа перестала быть разделенной, но стала единой во Христе: так человек перестал быть без Бога.

Главные романы Достоевского не предлагают нам некое великое и новое слово в богословии, но, несмотря на все оговорки, помогают постичь глубину существования человека, в котором живет Бог.

По примеру Бога и человек есть личность, пребывающая в определенных отношениях с Богом, но человек не *есть* только в той мере, в какой он Его любит: он *есть* в своих отношениях с Богом, будь то ненависть или любовь. Даже в нарушении закона он соотносит себя с Богом. Человек не может закрыться в себе, отказаться от своей связи с Ним; человек, живущий в грехе, который хотел бы отъединиться от Бога, чтобы приобрести и утвердить некую свою «свободу», обретает в противлении своему Творцу лишь собственные разрушение и смерть. И наоборот, он наполняет свою жизнь любовью к Богу, относясь с любовью к творению, и еще в большей степени — относясь с любовью к человеку, ибо творение есть первое знамение Бога, а человек, образ Божий, есть высочайшее знамение Его присутствия. Таким образом, в любви к ближнему человек переживает высочайший опыт Бога, самое истинное общение с Ним.

Достоевский может любоваться краями, прожилками, цветом одного единственного листа и при этом не видеть дерева и не уметь показать нам лес; ему неведома степь, он не в состоянии разглядеть деревню, поля... Достоевский — человек города, но знает ли он его жизнь?

Сцены, которые он описывает, события, о которых рассказывает, разворачиваются в суженном, а иногда и закрытом пространстве. Нам, например, не удастся узнать, каков весь дом: мы знакомимся с одним помещением — с комнатой проститутки, с чердачной каморкой студента, или, в ином случае, — с забором вокруг господского сада... Человек и только человек привлекает писателя, и он умеет вглядываться в бездны каждой души, знает извилистые, запутанные ходы, где прячется каждый человек. И если Достоевский уделяет мало внимания физическому пространству, в котором существуют

его персонажи, то это потому, что мир, в который он их помещает, есть тайна. Незримое Присутствие сопутствует им. Человек не один. Перед нами не иной мир; мир посюсторонний обнаруживает свою тайную глубину. Писатель вводит нас в эту «глубину». И именно эта глубина с ее проблематикой разделяет его читателей: из-за нее многие восхищаются им и любят его и из-за нее же многие его отвергают. Такое впечатление, что он хочет ввести читателей в мир, который им хочется отвергнуть. Это тайна человека. Более того, это тайна Христа. Ибо Он — истинный Человек, вечный Человек.

ЛЮБОВЬ КО ХРИСТУ

НЕТ сомнений в том, что Достоевский — писатель религиозный, но может возникнуть вопрос, является ли он христианским писателем. Его религия кажется слишком привязанной к земле, к нации и к народу.

В самом ли деле Бог Достоевского есть трансцендентный Бог христианского откровения? Признаться, что-то не дает нам со спокойной душой ответить положительно. Нельзя, конечно, отрицать, что Бог являет Себя в творении и затем еще более являет Себя в истории, но творение и история со всей очевидностью являют Бога как Кого-то, Кто пребывает в ином мире. Иногда создается впечатление, что Бог у Достоевского неотличим от земли, от народа, от нации или, во всяком случае, сущностно связан с ними. Однако, прежде чем выносить суждение, необходимо внимательнее разобрать мысль писателя. Слова, вложенные в уста старицы из «Бесов», как будто, ведут вспять от божественного откровения: от истин христианской истории мы возвращаемся к мифу. Опасность возвращения христианства к языческой религии всегда возможна и всегда угрожает вере. Для древнего язычества миф мог быть предзнаменованием или таить в себе неясное предчувствие явления Христа, но для христианина возвращение от Христа к мифу равнозначно отказу и отступничеству от веры. Избежал ли Достоевский отказа от веры благодаря своей любви ко

Христу, или же Христос для него — чистый идеал, миф несравненной духовной красоты? Как нам кажется, можно сказать, что любовь Достоевского ко Христу, это, несомненно, любовь к реальной личности, а страстная приязнь ко Христу, по крайней мере, подразумевает признание Его божественности. Ничего и никого не любил он больше, чем Его, и эта любовь, которую Достоевский испытывал всегда, стала с годами расти, и так он сам прояснил, кем был для него Христос. Не мудрецом, пусть даже величайшим, а — Богом. Достоевский чувствовал, что без Него все проваливается в пустоту, что все стоит или падает в зависимости от того, верит или не верит человек в Христа. Не учение, не отвлеченная истина могут спасти человека, а живой Христос. Если бы не было этой любви, тогда действительно весьма сложно было бы назвать христианской религию Достоевского. Не князь Мышкин спаситель, а Христос. И образ Христов в «Братьях Карамазовых» выйдет не из швейцарской клиники, как князь, а из монастырей.

Если существует идеал, вдохновляющий людей, то этот идеал — Христос. В Нем идеал, к которому человек стремится, не имея возможности его достичь, становится реальностью. Люди никогда не смогут отвергнуть Христа, потому что они не смогут отвергнуть идеал, который дает смысл жизни и питает их надежду.

«Слово стало плотью», — все в этом заключено, написал Достоевский. В этой *реальности* содержится всякая вера и всякое человеческое утешение.

В «Подростке» есть знаменитая страница: Версилкову представляется человечество, которое, потеряв всякую надежду на будущее бессмертие, выживает только благодаря отчаянной любви к земле и к посюсторонней жизни, благодаря любви, соединяющей людей в необозримом братском общении. И вроде бы только эта любовь способна спасти их. Но Версилков не может не завершить свою «фантазию» видением Христа. Только Он, в конечном счете, может сделать возможной эту любовь. Но Христос еще не признан, и поэтому Бог не обновляет надежду, единственную жизнь. Версилков признается в том,

что он деист, а не христианин, и все-таки он не может обойтись без Христа.

Этот фрагмент «Подростка» раскрывает для нас воззрения Достоевского в ту пору, когда он еще не признавал Христа Богом: Христос был для него нравственным идеалом, который покори́л его душу с самой юности, до такой степени, что он не сумел бы без Него жить. Ничто не могло заменить Его. Поэтому писатель никогда не мог простить Белинскому гнусные богохульные ругательства, которые критик произнес в его присутствии; они навсегда разделили их, несмотря на то, что именно Белинский познакомил с ним читающую публику и ввел его в литературные круги.

Конечно, в эпоху великих романов Достоевский не повторил бы того, что в юности написал брату: «Гомер (баснословный человек, может быть, как Христос, воплощенный Богом и к нам посланный) может быть параллелью только Христу, а не Гете». Эти слова нас настораживают. Да, Достоевский всегда восхищался Христом и любил Его, но в молодости эти чувства будущего писателя явно имели скорее литературное, чем религиозное происхождение; возникает вопрос: изменилось ли когда либо положение в корне? Или, хотя бы, в какой мере изменилось? Усматриваемая Достоевским глубокая, представляющая почти что сущностной, связь между христианством и русским народом, кажется, придает двойственность всякому исповеданию веры, исходящему из уст писателя. Ответ Шатова Ставрогину, который спрашивает у него, верит ли он в Бога, возможно, свидетельствует о том, что Достоевский и сам чувствовал двойственность своего христианства: «Я верую в Россию, в народ Божий...», говорит он, но Ставрогин беспощадно продолжает настаивать: «А в Бога? В Бога?», и Шатов вынужден признаться: «Я буду веровать в Бога» и добавляет: «Я ведь не сказал же вам, что не верую вовсе!».

Конечно, Христос не мог бы быть Тем, Кем Он был для Достоевского, не будь Он Богом, но это еще не значит, что Достоевский действительно верил в трансцендентного Бога Откровения; есть, напротив, основания полагать, что Христос мог быть для Достоевского образцом человека.

Бог Достоевского служит человеку. Непременно следовало бы рассмотреть, как он мыслил и представлял себе «бессмертие». Может быть, человек должен восстать из мертвых, чтобы снова населить землю и исполнить, наконец, мечту о мире и всеобщем братстве, о которой так подробно рассказано в «Сне смешного человека»? В этом будущем мире Бог как будто вообще не нужен. Не является ли Он, по Достоевскому, лишь движущей силой, необходимой для осуществления мечты о человеческом и земном счастье?

Достоевский, в сущности, и не требует от своих персонажей веры в Христа. Может быть, ему невозможно отрицать божественность Христа, не отказывая Ему в своей безоговорочной любви, в своей преданности, но у него есть возможность воздержаться от окончательного суждения. По крайней мере, именно так поступают его персонажи, которые, за исключением Алеши Карамазова и Сони Мармеладовой, не решаются открыто исповедовать свою веру в Бога. Ведомы ли христианству Достоевского трансцендентность Бога и верит ли он в нее? Как нам кажется, трансцендентная религия начинается для писателя с его веры в бессмертие, которая также обязывает его к вере в Бога, причем этот Бог есть, безусловно, Бог христианского Откровения.

В жизни Достоевский любил Христа живой и преданной любовью; всегда, даже тогда, когда он, возможно, еще не верил в Бога, Христос был для него идеалом человека, высочайшей личностью. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Христос занимает главенствующее положение в его романах. Он приходит с Евангелием. Чтение нескольких отрывков из Евангелия от Иоанна — самый надежный ключ к толкованию «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых». Эти романы словно стремятся стать развернутой иллюстрацией Евангелия, и не потому, что из Евангелия можно извлечь мораль (как извлек ее впоследствии Толстой), а потому, что в жизни людей продолжается и являет Себя Иисус, воскрешающий мертвых, Иисус, участвующий в пире жизни и любви.

Христос приходит также в молитве персонажей, населяющих романы Достоевского. В целом о молитве Достоевский

говорит целомудренно-скупно, но вот, например, молится в «Бесах» Тихон, безмолвно, и вместе с тем — очень горячо. Он не хочет предать Христа. Молится без свидетелей Макара Иванович в «Подростке». Молитва поддерживает и питает мистический опыт странника. Отношения человека с Христом, чтобы быть истинными, требуют от него отрешенности от мира и от людей, стремятся к тайне.

В наибольшей мере *Христос присутствует* и первенствует в двух романах — «Идиот» и «Братья Карамазовы».

В любом случае, Христос, каким Он выходит из под пера Достоевского, — это добрый Христос, Который живет и должен жить посреди людей. Поэтому Алеша может исполнить свою миссию не иначе, как покинув монастырь. И вместе с тем, этот Христос, Который живет посреди людей, чужд их жизни, не совпадает с миром, живет в Своем мире.

Христианство Достоевского — это христианство, которое словно игнорирует священнослужительство. Князь не молится, не участвует в богослужениях. Алеша примиряется с христианством как будто преимущественно монашеским; но еще прежде писатель проделал определенный путь к признанию необходимости иерархического священнослужения, изобразив в «Бесах» Тихона, епископа, отошедшего от деятельной жизни, чтобы ограничиться окормлением обращающихся к нему за советом о жизни по Евангелию.

Соня в «Преступлении и наказании», Алеша и старец Зосима в «Братьях Карамазовых» — свидетели Христовы, они не заменяют Его, потому что Христос выше их.

Но Соня читает отрывок из Евангелия о воскресении Лазаря и открыто исповедует свою веру; новопреставленный старец призывает Алешу на свадебный пир Сына Божия. А вот в «Идиоте» князь Мышкин, похоже, должен был заменить собою Христа, Которого заменить нельзя: человек может быть не более чем Его свидетелем. В основе неудачи романа «Идиот» — самонадеянное желание Достоевского явить читателю образ Христа. Приверженность вере в нем сильнее приверженности истине разума. Подобно тому, как беспорен чувственный опыт (человек не может сомневаться в свидетельстве чувств), не

существует сомнений, которые могли бы поставить под вопрос опыт веры. То, во что верит душа, — не результат некоего умозаключения, а неясное ощущение реальности, предстоящей духу. В основе любви Достоевского ко Христу, собственно, и лежит сила внутреннего опыта.

Князь Мышкин должен был стать образом Христа, но не другом Христа. Христос — лишь образец. Любовь ко Христу не влечет за собой живого общения с Ним. Даже в поучениях старца Зосимы не находится места для личности Христа. Конечно, в этом опыте чистой радости, которая пробуждает в сердце любовь ко всем людям, мы обнаруживаем евангельское учение и, возможно, высочайшее откровение его красоты, но Иисус в нем отсутствует. Может быть, такое христианство — в большей степени учение, кладезь мудрости, чем отношения любви. Единство со всеми исключает такое отношение любви к кому-либо. Ведь и сам старец любит Алешу не как всех, а особенно сильно. Незаметно лишь, чтобы существовало особое отношение любви Зосимы к Христу как Личности. Более потаенное и истинное христианство живет в Тихоне, который на какое-то мгновение приоткрывает свою ревностную любовь к Господу. Конечно, непохоже на учение христианство Федьки; у него живое личное отношение к Богородице, он уповаet на Нее и благоговеет перед Нею. Разве не кажется странным это христианство, которое соединяет благочестие с пороком — в Мармеладове и, более того, с преступлением — в Федьке? И кажется, что преображение души и ее вхождение в светлый мир, во всеобщую любовь, есть дар, уготованный простым, смиренным земли.

Это присутствие Христа, то более светлое и сильное, то более слабое и неясное, сообщило жизни Достоевского ее истинное единство. Как о ревностно оберегаемой тайне говорил он об этом в своих записях, дневниках. В романах он, как правило, не говорил о Христе открыто; и все же, это Присутствие, которое было постоянным в его жизни, полновластно заполняет и романы. События, люди в романах отсылают к Нему, создают ощущение Его незримой близости; события и люди обладают как бы некой прозрачностью.

Мало есть писателей, у которых, как у Достоевского, сквозь внешнюю реальность земных событий и людей так просвечивала бы иная реальность, более глубокая и более подлинная. В самом деле, реальность Христа являет и знаменует себя в реальности мирской, причем эта, по-видимому, только тогда обретает основание и смысл, когда становится знамением той.

ХРИСТОС ЕСТЬ ИСТИНА

«**Е**СЛИ бы мне пришлось выбирать между Христом и истиной, я выбрал бы Христа». Понятно, что высказывание это носит парадоксальный характер, и никто не мог бы оправдать его. Как противопоставить Христа истине? Если бы такое противопоставление существовало, конечно, уже нельзя было бы говорить о Христе как о Сыне Божьем. Но ведь Христос сам сказал о Себе, что Он есть истина.

Если буквально понятое высказывание Достоевского не может иметь смысла для христианина, не имело оно смысла, конечно, и для нашего писателя; любовь, которую он всегда испытывал ко Христу (даже когда покинул свою Церковь), была, по сути дела, невысказанным признанием в том, что Христос является для него его Богом. Никогда Достоевский не терял твердой уверенности в высшем значении Христа, хотя до конца жизни так и не смог вполне принять Церковь и ее иерархию. Приведенные выше слова писателя помогают нам понять, что любовь ко Христу была для него выше всего на свете и что эта любовь, возможно (даже если сам он об этом не подозревал), стала свидетельством его веры.

Но это высказывание великого поэта несет в себе и совсем иное значение: оно стоит у истоков обновления всего католического и православного богословия. На смену чисто концептуальному богословию, которое на первое место ставило бытие, а на второе — личность, приходит, вместе с этой фразой, иная точка зрения, становящаяся все более актуальной в последние десятилетия: христианское богословие и христианская духовность признают примат личности и конкретного

события — Христа — над абстрактным понятием истины. Таким образом, высказывание Достоевского отнюдь не кощунственно; скорее, оно наталкивает на мысль, что истина или отождествляется с Христом, или не является истиной.

Нужно признать, что очень часто Достоевский в своих писаниях заглядывает в будущее. Мы ощущаем его одним из отцов современного мира, но не из тех отцов, которые изгнали Бога с подмостков мира, а одного из тех, совсем немногих, которые, наоборот, укрепляли веру в Христа.

Был ли он настоящим пророком? Разумеется, мы не можем забыть жестокое обвинение, которое он бросил католической Церкви. Но нам следовало бы спросить себя, знал ли он действительно Церковь. Ведь даже в этом обвинении Достоевский засвидетельствовал высшую ценность религии, которая не то, чтобы противостоит морали, но, во всяком случае, и не отождествляется с ней. Он свидетельствовал о том, что Церковь не может заменить личность Христа, не может самонадеянно полагать, что ей удастся предварить второе пришествие, — ни обеспечив людям внутренний мир (потому что она все равно никогда не сможет им его дать), ни одержав победу над всякой неправдой. Именно поэтому христианство Достоевского отдает предпочтение нищим, смиренным, обездоленным. «Что для тебя Бог делает?», — спрашивает Раскольников у Сони. Какая бессмыслица! Он делает для нее все. Он присутствует в ее жизни, в ее жертвенном сердце, в ее самозабвенной любви.

Но разве это не истинное христианство, христианство заповедей Блаженств? Истина, которой Достоевский мог предпочесть Господа Христа, была идолом, скрывавшим от него лик Христов. Доказать писателю, что истина — против Христа, могли философы; но в этом случае вера, пребывавшая в сердце Достоевского живой и твердой, должна была восстать против этого. Пусть он не сумел бы опровергнуть софизмы философов, все равно неповрежденной осталась бы его вера в то, что Христос — высшая ценность. Поэтому если бы истина противопоставила себя Христу, она была бы лишь пустым идолом, а культ, на который она могла бы претендовать, был бы лишь отказом от Бога, идолопоклонством.

Достоевского упрекали за эту фразу, но на самом деле она — одно из величайших изречений, написанных в поддержку христианской веры. Можно в этой связи вспомнить то, что он написал в своих «Дневниках»: «Весь вопрос вот в чем: можем ли мы и сегодня веровать, что Иисус Христос есть Сын Божий».

Мы и в самом деле можем многое простить Достоевскому — за эту его веру, за эту его любовь. Христианство не было для него социальным учением, сводом нравственных предписаний, абстрактной теологией: ничто не могло ему заменить личность Христа, даже Церковь. Церковь действительно не заменяет Христа, она, скорее, — таинство Его присутствия, но Достоевский об этом не знал. Если он увидел исполнение искупления в общении братской любви, то лишь потому, что от этого общения любви он ожидал чуда Христовой победы над человеческим эгоизмом, над его стремлением к власти и силе. Истиной была для Достоевского, по сути дела, любовь.

Чем же он восхищался, что любил он в Христе? Его любовь была такой простой и всецелой, что нелегко сказать, кем был для него Христос. Он действительно был для него истиной. Не отвлеченной истиной, о которой говорят книги и философы — такой истины он гнушался; Христос был для него истиной живой, изначальной. Не Христу требовалось сопоставлять Себя с истиной философов, чтобы быть признанным; наоборот, скорее, истине философов приходилось равняться на Христа. А от этого было уже совсем недалеко до признания божественности Христа, но очень трудно сказать, когда Достоевский полностью осознал это. Именно тайное, но живое присутствие Христа судит события и персонажей романов писателя и, возможно, указывает на их глубинный, последний смысл. Таким образом, христианство не является лишь одним из элементов идейной структуры романов; оно лежит в самой сердцевине всего творчества Достоевского. Может быть, видение Христа в его произведениях страдает отсутствием конкретности, человеческого наполнения.

Нам неизвестно, Христос ли чужд миру, или наоборот, мир чужд Христу. Встречаются ли когда-нибудь Христос с

миром и мир со Христом? Когда Иван отвергает творение — не стоит ли за этим обличение такой чуждости? На нее, по-видимому, и указывает явление Христа в конце «Легенды о великом инквизиторе».

ЕВАНГЕЛИЕ

ЕДИНСТВЕННОЙ книгой, которая поддерживала Достоевского в годы сибирской каторги и ссылки, было Евангелие. Эта книга сопровождала его всю жизнь, он не захотел с ней расставаться.

Важнейшее место, которое занимают чтения из Евангелия в «Преступлении и наказании» и в «Братьях Карамазовых», — решающее свидетельство в пользу того, что Достоевский признавал божественность Христа. Обращение к Евангелию подчеркивает христианский характер творчества Достоевского. Текст Нового Завета является композиционным и смысловым центром повествования.

В «Преступлении и наказании» это отрывок о воскресении Лазаря. Слово Евангелия — в Сонином высоком исповедании веры — пророчески возвещает воскресение Раскольникова. Погибающий под грузом преступления, которое, впрочем, он никак не желает за таковое признавать, Раскольников однажды возродится, и орудием его воскресения будет Соня, которая когда-то прочитала Евангелие, исповедала свою веру в Христа, а спустя время последовала за осужденным Родионом в Сибирь.

В романе можно разглядеть символическое измерение. Развращенный ложными учениями, пришедшими из Европы, русский народ воскреснет. Слово Божие, благодаря вере смиренных, совершит в России чудо новой жизни. В перипетиях жизни одного человека — перипетии жизни всей нации.

Видал ли этот смысл в романе его автор? Трудно отрицать это. Но если есть в романе такой смысл, тогда «Преступление и наказание» предвосхищает то, что Достоевский более ясно выразил в «Бесах» и в «Братьях Карамазовых». Всякий писатель с годами лишь выявляет, разворачивает то, что подразумевалось,

существовало в «свернутом» виде в первом произведении. Как мне кажется, следует признать, что «Идиот» и «Подросток», являясь, безусловно, выдающимися романами, не имеют того пророческого смысла, который различим в «Преступлении и наказании», в «Бесах» и в «Братьях Карамазовых». Эти три романа делают Достоевского «пророком», и в основе его пророчества лежит слово Божие. Девятая глава Евангелия от Иоанна является своего рода ключом к подлинному смыслу романа «Преступление и наказание» и его верному истолкованию. Без этого слова Божия роман потерял бы соль; повествование не стало бы менее искусным, но словно бы утратило дар речи.

В «Бесах» Тихон возглашает слово Божие, которое выносит окончательный приговор Ставрогину. Покаяние могло бы спасти его, но Ставрогин на него неспособен. Он ни тепл, ни холоден, и Господь изблюет его из уст Своих. Раскольников в конце «Преступления и наказания» возвращается, Ставрогин в конце «Бесов» убивает себя. Самоубийство — самый тяжкий грех. Слово Божие — отрывок из Евангелия от Луки о «легионе бесов», вошедшем в стадо свиней, которое бросилось в море (Лк 8, 26-29), — служит эпитафией к роману. Поскольку Ставрогин — главный персонаж «Бесов», он сам должен выслушать слово Божие, выносящее ему приговор: Тихон наизусть читает Ставрогину текст Апокалипсиса (Откр 3,14-27).

В «Братьях Карамазовых» один из монахов по обычаю читает Евангелие от Иоанна над телом почившего старца Зосимы; другие монахи и Алеша стоят рядом в молитвенном бдении. Алешу, утомившегося от многочисленных встреч и таких разных событий, в том числе и от самой кончины духовного отца, столь почитаемого и любимого, одолевает сон. Сквозь тяжелую дрему он слышит голос монаха, читающего рассказ о браке в Кане (Ин 1-11). Чтение слова становится призывом к радости, в общении любви со старцем, который теперь живет, чем прежде. Нет больше скорби, боли, унижений. Слово Божие словно раскрывает перед Алешей двери Царства Божьего. Итак, в «Братьях Карамазовых» слово Божие несет весть о новом мире воскресения.

Этот роман, по замыслу автора, должен был воспеть исполнение Слова в жизни Алеши, который, именно в этом

молитвенном бдении, переживал начало своей миссии, и, можно даже сказать, посвящение в нее. Новое рождение под небом, усеянным звездами. Дух Святой находит на Алешу, и он преображается. В «Карамазовых», как и в «Преступлении и наказании», как и в «Бесах», провозглашение, «обнародование» Слова должно было бы стоять в центре повествования, если бы у Достоевского хватило времени окончить роман. В любом случае, слово Божие дает и этому произведению его наиболее подлинное содержание, его последний смысл.

Важно, кто именно несет людям слово Божие — Соня в «Преступлении и наказании», Тихон в «Бесах», старец Зосима в «Братьях Карамазовых». Слово вновь становится живым, актуальным, и оно не падает в пустоту, а непременно обращено к кому-то, если его провозглашают те, кого Достоевский признает верными свидетелями Христа. Именно их «святость», как нам кажется, придает Слову действенность. Стало быть, нельзя отделять Слово от тех, кто возвещает и провозглашает его. Благодаря Слову эти три романа обретают высокое христианское звучание, а Достоевский, несмотря на некоторую ограниченность и двусмысленность его позиции, остается одним из величайших свидетелей христианства. Как любой восточный христианин, из четырех главных новозаветных текстов он выделяет Евангелие от Иоанна и ищет в Евангелии ответа на свои сомнения и внутренние затруднения. Даже на пороге смерти он вопрошал Евангелие о воле Божьей.

Это его преклонение перед Священным Писанием помогает понять, почему евангельское слово играет столь важную роль в композиции и смысловой структуре романов. Достоевский ставил развитие сюжета в зависимость от этого слова, верил в его действенность. Любовь ко Христу отождествлялась у него с любовью к Евангелию, потому что в Евангелии он находил образ Христов. Действительно, в произведениях Достоевского нет и намека на евхаристическое и вообще церковное благочестие, но нужно обратить внимание на две встречи в «Бесах» — Ставрогина с Тихоном и особенно — Степана Трофимовича с книгоношей. Как в «Преступлении и наказании» воскресение Раскольникова стало возможным благодаря Соне

и прочитанному ею отрывку из Евангелия, так же и в «Бесах» Степан Трофимович смог умереть по-христиански благодаря встрече с женщиной, продававшей Евангелия. Эта женщина, в которой можно увидеть символ божественной Премудрости, имеет, таким образом, особую связь с Евангелием; ее нельзя различить с Евангелием — она возвещает и несет его людям.

СВЯТОСТЬ МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ

ФИГУРА святого принимает образ странника и монаха. Страннику Достоевский посвятил многие страницы «Подростка», а монаху — целую книгу из «Братьев Карамазовых». Странник — это Макар Иванович, который после своих странствий вернулся в дом к старым хозяевам, дожидаться смерти. И, пока еще есть время, он рассказывает об увиденном и услышанном, являет в простоте мудрость очистившейся души. Страницы, посвященные этому безмятежному старику, — самые чудесные в «Подростке», а может быть, и во всем творчестве Достоевского: по красоте они превосходят даже эпизоды с участием старца Зосимы. Достоевский изображает святость мирянина, святость народа, который, как чувствовал писатель, есть народ-богоносец; святость, примиряющую человека с землей и с жизнью. В жизни космической общности человек может быть как бы гласом творения, которое через него славит Бога, а, возможно, человек просто присоединяет свой голос к хвалу, возносимой всей природой. Он больше не знает печали и тоски. Не может быть неверующим тот, кто мирен и живет в радости. Собственно, поэтому самый тяжкий грех для Макара Ивановича — самоубийство. В суматошный, лихорадочный мир странник приносит покой, и сам он — откровение духовной красоты в этом мире.

Но Достоевскому введома и такая святость, которая не чужда жизни Церкви: святость архиерея, оставившего деятельное служение, и святость монаха, не живущего в совершенном уединении и окормляющего тех, кто любит его и ищет у него утешения словом, молитвой. Мы говорим о Тихоне из «Бесов» и о старце Зосиме из «Братьев Карамазовых».

Испытывая некую целомудренную робость при изображении монахов, Достоевский не полагался только на свой гений, но искал вдохновения в жизнеописаниях невымышленных святых православной Церкви.

Святость, особенно у Тихона и старца Зосимы, это святость церковная. Тихон и Зосима едины с Церковью реально и полноценно, они — воплощение ее святости. Эта святость не проявляется в великих покаянных подвигах и умервщлении плоти, и апостольские труды — не ее стезя, хотя она и живет деятельной любовью, принимая и утешая страждущие души.

Духовное учение, которым вдохновляются святые Достоевского, изумительно изложено в наставлениях старца Зосимы. Это духовное учение особенно подчеркивает необходимость взаимной солидарности людей, побуждает прощать и дает пищу любви, которая производит общность со всеми и с самую землей и земную жизнь преобразует в жизнь райскую.

Монахи не узнали в этом учении свое духовное учение. Действительно, в учении Зосимы как будто нет и намек на искупление, тайну Креста и на откровение того личного Бога, Который есть Отец, Сын и Дух Святой. И все-таки, особенно в поучениях старца, да и в нем самом мир Божий являет себя: слово Зосимы возвращает душам Божий мир и прощение, сквозь его кротость и смирение просвечивает обитающий в нем божественный мир.

Святость являет Бога; она же спасает людей. Бог достигает человека в таинствах, но величайшее из всех таинств это святость, если благодаря святости рядом с людьми появляется живой Христос.

В романах Достоевского всегда есть место кроткой и сильной женщине, которая спасает; и вот что обращает на себя внимание: все эти женщины носят одно и то же имя — Соня или Софья. И в «Преступлении и наказании», и в «Бесах», и в «Подростке», и в «Братьях Карамазовых». В последнем романе Соня не спасает, но она — мать, давшая жизнь Алеше. Таким образом, Премудрость — и супруга, и мать.

Женщины в романах Достоевского — удивительные творения! Он видел в женщине высочайшее откровение благодати в терпении, в безграничной преданности, в смирении, в чистоте

сердца; но он же прозревал в женщине и воплощение беспричинного зла, извращенную склонность ко злу. В любом случае, рядом с женщиной у Достоевского всегда мужчины, в то время как мужчина может быть и без женщины. Некоторые из этих женских образов столь светозарны в своей чистоте, что возникает мысль: а не воплотилась ли в них Премудрость, которая живет на земле, чтобы поддерживать человека, указывать ему путь и озарять его жизнь. В жутком мире, поработанном преступлением и злом, присутствие женщины можно уподобить свету, воздуху, очищающему и освежающему атмосферу. Но женщина может нести в себе и сатанинское начало. Петр Верховенский — человек, одержимый идеей, и он живет злом, использует все и всех, чтобы осуществить свою революционную программу, и растаптывает и крушит все, что препятствует его планам. Однако, может быть, при всем этом у него нет склонности ко злу ради зла, как у Лизы в «Братьях Карамазовых». Женщина — это страсть, любовь, которая питается жертвенной верностью, самозабвенной, беспредельной преданностью. Но любовь может быть и чувством, которое все губит и разрушает своей неистовой силой.

Женская святость — чистое откровение Присутствия. Женщина не действует. Соня в «Подростке» живет в смирении, в безмолвии, рядом с человеком, который ее соблазнил; Соня в «Преступлении и наказании», руководствуясь любовью к близким, соглашается жить в позоре и унижении. Только в «Бесах» присутствие женской святости выявляется не в беспорядочной и греховной жизни. Софья шагает по дорогам мира, предлагая и продавая Евангелие. Все три женщины пробуждают любовь в мужских сердцах и, благодаря этой любви, мужчины узнают Бога, обретают Его, после того, как прежде потеряли, или вообще не имели о Нем представления.

Хотя любовь начинается с сострадания, но она — не только сострадание. Так, признание Родиона открывает сердце Сони бесконечному состраданию. Любовь христианина подобна любви Божьей: она изливается в бездны горя и греха. Такая любовь остается непостижимой для человека, еще не искупленного, но это любовь истинная. Соня видит в Родионе несчастнейшего из людей и чувствует, что именно поэтому она должна любить

его больше. С той минуты, когда она узнала о его преступлении, она с ним уже внутренне не разлучалась, уже не могла жить своей жизнью. Ее сострадание это не только дар души, которая бескорыстно нисходит к несчастному и склоняется перед ним. Любовь Сони истинна; услышав признание в убийстве, она перестает быть робкой девочкой, бросается Родиону на шею, обнимает его; она его уже не оставит. Она не считает себя лучше Раскольниковца, разделяя его состояние обреченности и муки. Она любит его и чувствует, что она теперь с ним одно. Не до такой степени князь Мышкин любит Настасью Филипповну: поэтому-то сострадания князя не хватает, чтобы спасти ее.

В большей мере, чем мужчина, женщина становится орудием приобщения к Богу и спасения и, что еще удивительнее, именно женщина, как можно видеть, имеет особую связь с Евангелием (ср. Софью, книгоношу, в «Бесах»).

Более потаенным, но и более чистым предстает Божье присутствие в смирении и мягкости женщины. Она, конечно, не образ Христов, но она — олицетворение и образ божественной Премудрости.

В женской святости Достоевский подчеркивает не столько подобие Христу как Личности, сколько тайное действие Духа; впрочем, и это действие Духа приводит ко Христу и свидетельствует о Нем. Они дополняют друг друга: Соня в «Преступлении и наказании» исповедует свою веру, читая Евангелие; Соня в «Подростке» возвращает мир душе Версилова; а в «Бесах» Софья, скромная книгоноша, переходящая с Евангелием из одного дома в другой, — это Премудрость, которая приводит людей ко Христу. В самом деле, благодаря духовному союзу с ней, Степан Трофимович исцеляется от неверия, от литературного тщеславия и становится в этом сумрачном мире высочайшим и лиричнейшим певцом Бога, провозглашая Его бытие, несомненное, поскольку несомненна любовь к Нему, возгоревшаяся в его сердце. Мысль сбивает с пути, любовь приводит к истине и к жизни.

В центре всего творчества Достоевского стоит божественная Премудрость, которая приводит людей ко Христу и спасает их. Это специфически «восточная» черта христианства Достоевского.

Часть четвертая

БОГОСЛОВИЕ
ДОСТОЕВСКОГО

БОГ

БЫТИЕ БОГА

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ вопрос, выходящий на первый план во всех главных романах Достоевского, и более того, единственный вопрос, на который они должны дать ответ — вопрос о существовании Бога. В самой открытой и ясной форме он звучит в словах старика Карамазова, когда тот спрашивает у Ивана и Алеши: «Есть Бог или нет?». Ответ Ивана отрицательный, Алешин — положительный. Кириллов в «Бесах» всю жизнь мучился идеей Бога. Иван борется с Богом, не сдается; может быть, в отличие от Ракитина, испытывает сомнения, но в любом случае, не принимает мир Божий.

Ответ разделяет людей: одни верующие, другие — неверующие. Ответ писателя (а вопрос этот, по-видимому, чрезвычайно занимал его всю жизнь) приходит через персонажей его романов. Ответ это непрямой, но, может быть, — самый достоверный и выразительный. Только в «Бесах» старый Степан Трофимович, который обрел Бога в любви, бегло набрасывает доказательство бытия Божия, но на самом деле истинное доказательство — верующие. Сотворенный по образу Божьему, верующий человек являет Его, и такое свидетельство неопровержимо. Поэтому в романах Достоевского первостепенное значение имеет религиозность. Достоевский, возможно, убедительнее, чем какой бы то ни было другой писатель, показал, что религиозный смысл жизни — отличительная особенность человека, характеризующий его элемент; вера в Бога это не придаток к жизни.

Разделение между людьми происходит не только после смерти; уже в этой жизни вера в Бога и неверие разделяют людей, одни из которых в вере уже вкушают свое спасение, а

другие, в неверии, заранее познают вечную погибель. Верующие это Соня в «Преступлении и наказании», князь Мышкин в «Идиоте», Макар Иванович в «Подростке», старец Зосима и Алеша в «Братьях Карамазовых».

В вере в Бога человек собирается воедино и обретает мир. Даже в самых тяжких трудностях и испытаниях он не теряется, он открыт любви и готов любить, прост, не знает лжи. В неверии человек распадается, разделяется в себе самом, покоряется инстинктам, затворяется в собственной гордости, бессердечен и пуст: таковы Лужин и Свидригайлов в «Преступлении и наказании», Петр Верховенский и Ставрогин в «Бесах», Федор Карамазов и Иван в «Братьях Карамазовых». Свидригайлов, Ставрогин, Иван живут в нереальном мире, имеют видения. Неверие ставит под удар само бытие: человек, чем дольше живет, тем больше погружается в призрачный мир, пока не исчезнет и этот нереальный мир, а сам человек не пропадет в ночи. Если Бог есть, есть и человек; если Бога нет, нет и человека.

Этот Бог, в существование Которого верят или не верят герои Достоевского, не есть обожествленная природа. Достоевскому знакомо искушение религией, обожествляющей природу, но Бог и земля для писателя не одно и то же, хотя, в знак примирения с Богом, обретения единства с Ним, человек целует землю. Соня хочет, чтобы Раскольников, прежде чем явиться с повинной, поцеловал землю; Алеша, после пережитого духовного переворота, целуя землю, не только примиряется с Богом, но и испытывает опыт единения с Богом, которое есть также единение со всей тварью. Старец Зосима в записях, коими и после смерти он продолжает наставлять всех ищущих наставления, заповедует целовать землю и обливать ее слезами. Иванов бунт против Бога равнозначен отвержению твари. Разумеется, Достоевский не противопоставляет тварь Богу, скорее, он прозревает в земле первое таинство Божие, но земля не становится для него Богом.

Достоевский — романтик, и народ видится ему богоносцем и, более того, Богоявлением. Как нам вполне может показаться, Достоевскому было трудно избавиться от искушения

поставить знак равенства между Богом и народом. Может быть, речь Шатова, который напоминает Ставрогину о его давних наставлениях, не лишена некоторой автобиографичности; но именно в этой речи, в конце ее, проводится четкая граница между Богом и народом. Бог Достоевского есть прежде всего Бог — Творец нравственного закона, Бог прощающий, Бог, дающий силу Соне, Бог, Который один дает жизни смысл и значение. Это Бог личный, с Которым человек, в послушании закону, вступает в отношения близости и любви. Жизнь отверженной Сони вся озарена тайным и живым присутствием Бога. Даже старец Зосима, переживший человеческое преображение, не так убедительно, как Соня, свидетельствует о присутствии личного Бога.

В «Преступлении и наказании» Бог — это не безличное божество. Не вполне подлинно, несмотря ни на что, христианство, каким оно предстает в «Идиоте» и в «Братьях Карамазовых». Разумеется, нельзя отрицать красоты и религиозности поучений старца, записанных Алешей, но мы не можем не признать, что религиозный опыт не переживается Зосимой в таком живом и драматичном общении с Богом, какое сопутствует этому опыту у Сони в «Преступлении и наказании». Фактически в «Идиоте» и в «Братьях Карамазовых» настоящая молитва отсутствует. А вот в других романах ее присутствие, пусть робкое, заметно — в «Бесах» благодаря Тихону и в «Подростке» — благодаря Макару Ивановичу. Но самая подлинная религиозная жизнь все же — в «Преступлении и наказании». Соня, маленькая проститутка, — самый значительный свидетель религиозной жизни, понимаемой не только как чувство покоя, ощущение внутренней полноты, опыт вселенского общения, но и как живое общение любви, отношения с Богом живым, исполненные преданности. С ней нельзя сравнить никого из персонажей Достоевского.

На пути от «Преступления и наказания» к «Братьям Карамазовым» религиозное содержание произведений становится все более заметным, но в то же время оно как будто претерпевает своеобразную деградацию, которая особенно явно проявляется в рассказе «Сон смешного человека». Достоевский

описывает здесь последнее исполнение упований, излагая сон о людях, наконец обретших спасение. История кончается не лицемерием Бога, а всего лишь братским единением людей между собою: Бог в этом видении отсутствует.

ПРОБЛЕМА ВЕРЫ

В РАССМАТРИВАЕМЫХ произведениях Достоевского, можно сказать, вся жизнь персонажей зависит от решения религиозной проблемы; поэтому вера — действительно, основополагающая проблема его романов. В ее разрешении коренится всякое решение, да и сама жизнь каждого персонажа. Есть Бог или нет Бога? Если Бога нет, нет и закона, и тогда «все позволено». А коль скоро нет закона, все распадается, и царствуют исключительно ложь и эгоизм, который противопоставляет одних другим, который разрывает священнейшие узы и побуждает сына желать смерти отца.

Страница, занимающая в «Преступлении и наказании» центральное место, содержит чтение отрывка из Евангелия о воскресении Лазаря и твердое исповедание веры, совершенное Соней. Эта вера помогает ей пережить предельное унижение. «Бог все делает» — потому что в отчаянном положении Он поддерживает ее, спасает от помешательства и, больше того, дарует слабой и робкой девочке возможность стать опорой для человека, который мнил себя сильным и которого разрушило преступление.

В «Идиоте» Рогожин говорит князю: «А что, Лев Николаич, давно я хотел тебя спросить, веруешь ты в Бога или нет?» «К чему ты меня спросил: верую ли я в Бога?», — отвечает князь вопросом на вопрос и немного погодя продолжает: «Слушай, Парфен, ты давеча спросил меня, вот мой ответ: сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления и ни под какие атеизмы не подходит; ...тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут *не про то* говорить».

Слова князя удивительны. Вера в Бога это не итог рассуждений, а более или менее сильное изначальное чувство. Бог

предстает человеку так, что тот не может отвергать Его: разум не в состоянии пересилить опыт. Жизнь предполагает это присутствие Бога, и Бог (пусть втайне и незримо) становится главным персонажем всего творчества Достоевского. Он властвует над действием и руководит им, живет в каждом человеке — или потому, что человек пытается от Него избавиться, или потому, что он поручает себя Его руководству.

Похожий, но менее обязывающий вопрос задает Федор Павлович Ивану и Алеше: «Иван, говори, есть Бог или нет?». «Нет, нету Бога». «Алешка, есть Бог?». «Есть Бог». «... Гм. Вероятнее, что прав Иван. ... что б я... сделал с тем, кто первый выдумал Бога! Повесить его мало на горькой осине». Но Иван добавляет: «Цивилизации бы тогда совсем не было, если бы не выдумали Бога». Он знает, что только тот Бог, в Которого он не верит, может обеспечить мир и порядок на земле. Без Бога есть только хаос и смерть. Иван, который отвергает мир, как будто не хочет изымать из него Бога. Подобно Ставрогину, Иван верит и не верит. Глубже любых его рассуждений — ощущение необходимости Бога; атеизм Ивана становится лишь защитой его себялюбия и гордыни.

ЗНАМЕНИЕ

О БОГЕ прямо не говорят ни Тихон, ни старец Зосима; говорят о Боге атеист Кириллов и литератор Степан Трофимович. Тихон живет Богом, и Бог — его тайная страсть, но такова же и страсть Кириллова. Этот живет только для того, чтобы отвергать Его, чтобы ставить себя на Его место, в то время как Тихон, даже когда он принимает посетителей, даже когда разговаривает со Ставрогиным, душой пребывает в ином месте: отношения с людьми не прерывают его единения с Богом.

Так или иначе, лишь со слов Кириллова и Степана Трофимовича мы можем узнать, кем для них является Бог. Верховенский-старший обретает Его в конце жизни и предается Ему в порыве благодарности и радости, а Кириллов борется с Богом и должен отвергнуть Его, чтобы человек почувствовал себя

наконец свободным. Две эти позиции — основные позиции человека по отношению к Богу. Фактически, только если Бог есть любовь, человек может признать Его и поверить в Него, но человек должен «убить» Бога, если ему приходится защищаться от Бога, Который отнимает у него всякую свободу. Две эти противоположные позиции вечно возобновляются — позиция атеиста, отвергающего Бога, и позиция верующего, который Его любит. Некоторым кажется, что человеку, чтобы почувствовать себя свободным, нужно отвергнуть Бога в акте свободы, ставящем человека на место Бога. Но чем еще может быть этот акт, если не деянием, в котором человек будет полностью распоряжаться собой, уклоняясь от всякого закона для утверждения своей неограниченной свободы в самоубийстве? Так человек, стремящийся устранить Бога, на деле убивает себя самого, не убив Бога.

Позиция верующего это, напротив, позиция человека, верящего в любовь. Любящий не может не верить в Бога. Доказательство «от любви», которое прозвучало из уст Степана Трофимовича, это не совсем философское доказательство, это нечто большее, некоторый опыт Бога. Бог являет Себя в самой любви человека, который любит. «Любящий знает Бога», — сказал когда-то апостол Иоанн (ср. 1 Ин 4).

Бог не отвергает знамение, однако только вера доходит до Него, вера, которая есть чистое предание себя в волю Божью. Нет, не Бог входит в мир человека и в чуде хочет явить Свою силу; Бог, скорее, приглашает человека войти в Свою тишину. И только в той мере, в какой человек вручает себя водительству Духа, он может узнать Бога — в кажущейся бедности событий, в простоте и смирении тех, кто является Его свидетелями. Тщетно ожидать знамений, если не услышано и не увидено свидетельство этих людей.

Что должно означать постыдное поведение толпы после смерти старца, когда отсутствие чуда побуждает ее оскорблять его память? Чудо, даже в «Легенде о великом инквизиторе», это то, что укрепляет авторитет церкви, которая неверна Евангелию. Никакое чудо не выше святости. Святость — истинное, единственное чудо, в котором являет Себя Бог.

Для Достоевского неприемлема позиция христиан, которые хотят основать свою веру на чуде. Вера, укорененная в чуде, есть вера нечистая. По смерти старца Алешу смущает не только отсутствие чуда, но также (и в большей мере) — то, что Бог не защитил память старца Зосимы и допустил торжество суеверия и гордости в обвинениях отца Ферапонта, постника. Суеверие угрожает, таким образом, чистоте веры. И Алеша восстает против Бога. Легко понять его бунт, и все же именно это «действие» Бога спасает Его трансцендентность. Как может человек судить о действиях Бога? Происходящее по смерти старца говорит о том, как трудно людям положиться на Премудрость Божию и сколь немного есть душ, которые умеют довериться Богу.

Лишь немногим монахам в романе удается сохранить внутренний покой перед лицом произошедших событий. Как нам кажется, писатель восхищается теми, кто живет по вере, не теряя трезвения. Алеша соблазняется; отец Паисий и отец Иосиф не соблазняются. Алеша хочет, чтобы Бог защитил «Своего» святого, а о. Паисию и о. Иосифу довольно святости старца, они ничего сверх этого не просят. Они не отвергают чудо как нечто невозможное, не отрицают, что Бог может вмешиваться в земные, человеческие события, но вера их — не столько во впечатляющее вмешательство, сколько в тайное действие Божие, производимое в сердцах людей. Поэтому с грустью и болью взирает о. Паисий на уход Алеши, хотя и надеется на его возвращение.

БОГ ЯВЛЯЕТ СЕБЯ ВО ХРИСТЕ

НИ один богослов, а тем более, ни один философ или писатель, не может возомнить, что ему удалось втиснуть в систему неисчерпаемое богатство христианской истины. Скажем больше. Приятие христианства никогда не является приятием учения, человеческой теории; это прилепление в вере к Богу живому, и оно выше всякой мысли, в которой выражает себя человек.

Это помогает нам понять, почему Достоевского можно считать христианином, даже несмотря на ограниченность его суждений о христианстве. Его вера, как и вера любого верующего, идет намного дальше его же представлений о христианстве. Я не хочу этим сказать, что его религиозные представления не содержат заблуждений. Но эти представления не претендуют на то, чтобы заменить веру, а вера обнаруживается в чувстве тайны, которое есть у Достоевского, особенно тайны человека. Человек у Достоевского, в его этическом измерении, всегда есть Божие откровение. Не существует и не может существовать для Достоевского светская и независимая мораль. О существовании такой морали говорит Ракин, но именно его лицемерное и бесстыдное поведение доказывает обратное.

Доказательство бытия Божия это сам человек, который, хочет он того или нет, свидетельствует о Нем — в своей муке и в своей радости, во лжи и в ненависти или в любви.

Впрочем, нежелание открыто объявлять о своей вере в Бога, возможно, указывает лишь на то, что писателю было трудно признать реальность отношений человека с Богом, точнее — неспособность познать Бога. Богопознание, как и познание живого человека, не может быть делом разума. Никакое чисто абстрактное познание не может быть познанием Бога живого; чисто абстрактное познание, именно в силу того, что оно останавливается на чисто умозрительных построениях, может быть исключительно идолопоклонническим. Конечно, богопознание требует участия разума, но не постольку, поскольку разум постигает Бога путем последовательных умозаключений, а поскольку он узнает Его неким внутренним восприятием. Достоевский говорит о «религиозном чувстве».

Человек не отвергает Бога, но в Своей бесконечной трансцендентности Он остается для него непостижимым. Бог являет Себя в Христе. Писатель отказывается от отвлеченных рассуждений, и нужно признать, что его любовь к Иисусу Христу это любовь, которую человек может испытывать только к Богу. В романах Достоевского Христос всегда предстает как высшее откровение и воплощение благодати и любви.

В самом начале своего первого великого романа Достоевский знакомит нас с тем свойством Бога, которое лежит в основе любых отношений человека с Ним. Это свойство - милосердие Господне, его славит в кабаке Мармеладов, отец Сони. Будучи не в состоянии побороть порок пьянства, из-за которого его уволили с работы, он довел семью до самой беспросветной нищеты и допустил даже, чтобы Соня взяла желтый билет проститутки, спасая от голодной смерти брата и сестер. Но Мармеладов в своем падении не потерял веру, он знает, что Божье милосердие больше его греха. В своей пьяной, сбивчивой речи, прекрасно написанной, он дарует нам одно из высочайших и вдохновеннейших свидетельств постижения Бога. Мармеладов ожидает и просит наказания, но вместе с тем умоляет и о милости. Люди могут смеяться над ним, но ему известно, что Бог не отвергнет его. Поистине милосердие Божие не знает границ! Мармеладов открывает душу, сознает неохватность своего греха и исповедуется в нем, чувствует себя подлецом и кругом виноватым и все же не сомневается в том, что Бог может простить его: у него нет никакого желания оправдываться, никакого самомнения; он препоручает себя милосердию, которое тем истиннее, чем ничтожнее уповающий на него человек, чем более человек осознает все бескорыстие прощения.

Устами Мармеладова Достоевский воспевает в «Преступлении и наказании» милосердную благодать Иисуса, всех принимающего в Свое Царство. Судья вселенной, Он осуществляет Свою власть во вселенском милосердии.

В кабаке Мармеладов просит пожалеть его:

«Зачем меня жалеть, говоришь ты? Да! меня жалеть не за что! Меня распять надо, распять на кресте, а не жалеть! Но распни, Судия, распни и, распяв, пожалей его! И тогда я сам к тебе пойду на пропятие, ибо не веселья жажду, а скорби и слез! ... а пожалеет нас Тот, Кто всех пожалел и Кто всех и вся понимал, Он единый, Он и Судия... И всех рассудит и простит, и добрых, и злых, и премудрых и смиренных... И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: «Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники». И мы выйдем все, не стыдясь, и станем...

И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: «Господи, почто сих приемлеши?» И скажет: «Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего...» И прострет к нам руке Свои, и мы припадем, и заплачем... и все пойдем! Тогда все пойдем!.. Господи, да придет Царствие Твое!»

Творя эту милость, Христос имеет божественные прерогативы; Он несомненно — Спаситель всех, ибо Он — Бог. Его власть распространяется на всех людей, и всех Он прощает.

В «Братьях Карамазовых» великий инквизитор заключил Иисуса в темницу за то, что Он слишком многого хочет от людей и, вернувшись к ним, хотел бы возложить на людей непомерно тяжкое бремя свободы. Христос есть Тот, Кто прощает, но Он же есть Тот, Кто признает и защищает достоинство человека и его свободу. Только благодаря Ему человек становится поистине человеком.

ТАЙНА ПРОМЫСЛА

ДОЛГО, должно быть, не давала она Достоевскому покоя, если речь о ней заходит в двух ключевых эпизодах его романов.

В первый раз это происходит в «Преступлении и наказании», когда Родион забавляется, пытая Соню вопросами, затрагивающими ее собственное поруганное состояние и безотрадное положение семьи, которую она любит больше, чем себя: где же Промысел? вот ты все молишься Богу, живешь Им, и что же Бог тебе за это делает? Соня, точнее, ее вера реагирует незамедлительно, и эта реакция уже свидетельствует о том, сколько раз, возможно, она сама задавалась этими вопросами, не получая ответа. Богу угодно, чтобы человек предавался Ему в простоте, безраздельно. Вера не дает человеку права спрашивать у Бога, что и почему Он делает.

Во второй раз тайна Промысла напоминает о себе в «Братьях Карамазовых», после смерти старца Зосимы. Алеша восстает против Бога за то, что Он не защитил память старца,

когда ее стали порочить грубые и злые монахи. Не чудес просит Алеша — справедливости. Где же Промысел Божий, если Господь допускает издевательство над тем, кого Алеша почитал и любил, как чистейший образ Господень? И искушение бунтом против Бога приводит Алешу на край бездны, он оказывается на шаг от греха.

Злоба Ракитина, которому не удалось увидеть согрешающего ангела, говорит о том, что в эти мгновения действительно решалась Алешина судьба.

Промысел действует по-разному: в случае Алеши смысл его вмешательства непонятен, но присутствие Бога в жизни юной Сони бросается в глаза. Как могла бы она без помощи чуда принять и пережить в простоте, не бунтуя, безысходную жизнь, бесполезную и бессмысленную жертву?

В большей мере, чем жизнь Тихона, старца Зосимы, Алеши, жизнь Сони служит свидетельством Божьего присутствия в сердце человека.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА БЫТИЯ БОЖИЯ

«**Е**СЛИ Бога нет, все позволено». Для настоящего атеиста плод его неверия — освобождение от всякого нравственного закона.

Петр Верховенский не чувствует никаких угрызений совести, не знает колебаний, когда совершает зло, лжет, убивает; в этом, пусть в меньшем масштабе, подобен ему Ракитин. Но тех, кто заглушил в себе всякое представление о зле, немного, они — союзники дьявола и смерти. Большинство людей, которые, может быть, не знают о том, что они веруют в Бога и даже считают себя атеистами, не бесчувственны к добру. Они могут совершить преступление, как Раскольников, как Иван Карамазов, но впоследствии это преступление разрушает их. Наказание за грех тревогой и тоской, муками совести — доказательство, что Бог существует и живет в сердце человека. Нет, человеку позволено не все: он может отбрыкиваться от угрызений совести, но от неминуемой муки не

уйдет, если не признает свой грех — и только тогда Бог пошлет ему примирение с собою и мир. Путь Раскольникова долг и труден; может быть, его прошел бы и Иван, если бы писатель успел продолжить и закончить роман.

Итак, доказательств бытия Божия у Достоевского два: мучение, последующее грехопадению, и радость чистой и большой любви. Последняя — достояние Сони в «Преступлении и наказании» и Степана Трофимовича в «Бесах». Соня верит в Бога, настолько, что Раскольников начинает сомневаться в ее вменяемости, но любовь, которую она испытывает к детям мачехи и к ней самой, доказывает, что даже в самых трагических ситуациях ей, Соне, помогает необыкновенная сила. Нет, Соня не помешанная; ее силы хватает на то, чтобы одолеть упрямство Родиона и спасти их всех.

НАКАЗАНИЕ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ не может быть доказательством бытия Божия; более того, совершающий его стремится доказать, что Бога нет: ведь именно из предпосылки о несуществовании Бога Раскольников и Иван Карамазов выводят допустимость преступления. Разве могут эти слова («если Бога нет, все позволено») означать что-нибудь кроме того, что с изъятием Бога нравственность теряет свое основание? Обязательность закона не может быть обоснована, если человек не чувствует своей ответственности перед *Единым*, Который ему сокровенно близок. Конечно, не общество и не государство воздействуют на человеческую совесть. Недаром и Родион, и тем более Иван не только не чувствуют себя виноватыми перед обществом и государством, но и обвиняют в тех же преступлениях, за которые сами несут ответственность, государственных служащих, судей, обязанных вынести им приговор. Соня убеждает Родиона обнародовать свой грех и явиться с повинной, но акт, которого она от него ждет, — акт исключительно религиозный. Наказание, идущее вслед за преступлением, предшествует приговору любого суда, и оно ужаснее любого приговора. И

это-то наказание и есть доказательство бытия Божия. Грешник может не узнать Бога в своем наказании, но если человек не может безнаказанно нарушить закон, если преступление всем своим грузом ложится на него же, тогда психологическое разрушение, которое следует за преступлением, все равно свидетельствует о «божественности» закона.

Поскольку человек — тварное существо, он с необходимостью остается зависимым от Бога. Кириллов в «Бесах» это понял: избавиться от этой зависимости человек может только одним способом — убить себя. В самом деле, если бы человек не был бессмертным, самоубийство уводило бы его из-под власти Бога; но человек бессмертен, и тот человек, который думает, что, совершив преступление, он станет неподвластным закону, лишь приговаривает себя к муке, которая может кончиться только когда Бог простит.

Для Раскольникова наказание, следующее за преступлением, завершается только тогда, когда наконец, уже в Сибири, его гордыня исходит плачем.

Наказание Раскольникова это и наказание Ивана. Иван и Родион могут убить, но они не могут избавиться от наказания. Человек оказывается перед незримым судом и приговором. Но чьим, если никто не верит показаниям Ивана? Чтобы творение говорило человеку о Боге, ему уже нужно жить религиозной жизнью. Таков Макар Иванович, таков и Алеша; но Бог властно вторгается и в жизнь неверующего человека как Тот, перед Кем человек должен отвечать. Бог присутствует в любви человеческой, когда любовь подлинна, — как любовь Степана Трофимовича Верховенского в «Бесах», однако, Бог присутствует и как Тот, Кто судит и выносит приговор.

Уже в «Преступлении и наказании», перед следователем Порфирием Петровичем, Раскольников чувствует себя виноватым. В «Братьях Карамазовых» Иван может сам обвинять себя в преступлении, но ни один судья не принимает данное обвинение в отцеубийстве. Иван может говорить, что он не верует, но это не снимает чувства Присутствия, — Присутствия, которое выносит ему приговор: «Всё тогда смелы были-с, «все, дескать, позволено», говорили-с, а теперь вот так испугались!», —

бросает ему в лицо Смердяков. А Иван и не знает, должен он верить или нет. Умнее его оказывается презренный слуга, чувствующий теперь свое превосходство над хозяином, которого доселе уважал и к чьим желаниям был чуток настолько, что стал не только соучастником преступления, но и его непосредственным исполнителем. Смердяков признает то, что Иван еще не в состоянии признать: есть между ними двумя свидетель и судья, безмолвный, но реальный — Бог. Конечно, не случайно на столе у Смердякова лежит книга «Святого отца нашего Исаака Сирина слова». Смердяков — черная душа, но он сохранил некоторую религиозность, в большей мере, чем Иван. Видя своего хозяина, в которого он верил и который теперь предстает перед ним несостоятельным, слабым (куда только делись его «свобода от предрассудков», его дерзкий нрав?), Смердяков убеждается, что Бог есть. Теперь он не испытывает к Ивану ничего, кроме презрения; Иван согрешил, и наказание за его грех — помешательство. Смердяков не может надеяться ни на какую поддержку и ни на какое вознаграждение от Ивана: барин не имеет власти защитить его. Смердякова приговаривают не люди; он чувствует, что приговор ему выносит Судья, от Которого не скрыться, и сам лишает себя жизни.

Если Бога нет, все позволено; для человека не должен был бы существовать закон, но Достоевский знает, что закон остается в силе, ибо Бог есть, и Бог — закон человека; человек осуществляет себя в подражании Богу. Истинный человек — святой, который не осуществляет собственный замысел, который живет не по своей воле, а по воле Божьей. Свобода человека это не стихийность природы, а возможность подняться над собой или опуститься ниже себя в нравственном отупении и оскотинивании. Человеческий поступок не детерминирован природой, на человека не распространяется обязательность закона замкнутой в себе природы. Его поступок определяет его природу. И в своем поступке он может стать образом Божьим или уподобиться лукавому. Если в галлюцинации человек переживает раздвоение личности, его двойник — черт. Таков опыт Ивана в «Братьях Карамазовых»

СВЯТОСТЬ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ бытия Божия является также святость. В святости Бог являет Себя и действует в мире. Это Присутствие особенно заметно и активно в женских персонажах Достоевского, образах Премудрости.

Одними из первых и наиболее высоких интерпретаций софиологического учения, имевшего столь счастливую судьбу в русской словесности и русском богословии, стали романы Достоевского. Бог зримо и действенно предстает в женских образах: в смирении, в тишине; скромные, смиренные женщины — Божье орудие для спасения человека. Их связь с Богом делается явной, зримой и действенной в их жертвенной любви, в их жизни, которая состоит из безграничного самоотречения, переживаемого в простоте униженной жизни. Из числа спасенных — Степан Трофимович, который вернулся к вере и свидетельствовал о ней благодаря разносчице Евангелий. Не кто иной, как интеллеktуал Степан Трофимович обнаруживает, что доказательство бытия Божия — именно эта смиренная любовь. Речь Степана Трофимовича, где он выводит бытие Божие из любви, безусловно является одной из самых значительных религиозных страниц во всем творчестве Достоевского. Если Бог есть любовь, значит любовь являет Бога. Любовь — не только сострадание; князь в «Идиоте» не умеет любить истинной, действенной любовью: в то время как любовь Сони спасает Раскольникова, а любовь книгоноши спасает Степана Трофимовича, любовь князя не спасает никого.

Святость служит доказательством бытия Божия, но также являет нам Его лик. Если признать, что у Достоевского женская святость оказывается более частым и лучшим «партнером» Бога, то так происходит потому, что Бог Достоевского это Бог без силы. Он слаб. В Своей любви Он отказывается от Своего всемогущества, не совершает чудес и как будто не вмешивается в жизнь людей, в историю мира. Он присутствует, но не действует. Он «все делает», говорит Соня, но Его действие остается прикровенным. Он не столько возвышает людей до Себя, сколько Сам нисходит и становится товарищем

и другом бедных, отверженных, всех тех, кого отторгает мир.

В «Легенде о великом инквизиторе» такой Бог опровергается. Человек обвиняет Его и, видимо, по мысли Ивана, призван исправить Его дело. Когда Сам Бог приходит во Христе, Он ничего не говорит. Выслушав великого инквизитора, он приближается к нему и «тихо целует его в его бескровные девяностолетние уста». Божие делание это только любовь. Кажется нам, что этот поцелуй подтверждает то, что в «Преступлении и наказании» говорил Мармеладов. На обвинения людей, на их грех Господь отвечает поцелуем, в котором — прощение всего и всех.

Бог у Достоевского это святость, выносящая приговор, это прощающая любовь, это бесконечное милосердие. Ведь Бога мы знаем только таким, каким Он являет Себя в человеке. Грех отделяет его от Бога, Который есть жизнь, покаяние позволяет ему познать Бога прощающего, ницета же и слабость человека становятся условием для того, чтобы ему открылась непостижимая любовь Бога, Который делается ему другом и, больше того, соединяется с ним.

ИСТИНА И ЛЮБОВЬ

НРАВСТВЕННОЕ совершенство есть истина и любовь; но истина на первом месте. Истине противостоит ложь. В самом деле, человек, который служит злу, это прежде всего ложь. Рабы лжи — Петр Верховенский в «Бесах», Ракитин в «Братьях Карамазовых». Иван тоже скрывает свои истинные чувства и хочет спрятать даже от самого себя свои надежды и свои желания, и не выносит света истины. С другой стороны, истина, в мире, утонувшем во лжи, выглядит неправдоподобной.

Поэтому духовная жизнь это уже во вторую очередь любовь, а в первую очередь — чистосердечие. Бог есть истина: человек — образ Божий прежде всего в своей прозрачности. Тот, кто живет для себя, в своем эгоизме — носит личину, скрывает свои намерения, прячется под маской. Он не бывает искренним. Часто он до того внутренне искажен, что не может быть искренним и с самим собой. Однако он крупнее как личность, когда сознательно скрывает под личиной добра свои цели, свои чувства.

Когда Ракитина разоблачают в суде, это для него конец, погибель. Петр, более осторожный и изворотливый, не дает поймать себя на лжи и лучше умеет защищаться. На самом деле, ум этих людей весь направлен на то, чтобы плести сети лжи. Во лжи их сила.

Добрый и чистосердечный человек, если и захочет солгать, не сможет. Раскольников не хотел бы выдавать себя, но выдает себя на каждом шагу. Его неспособность скрывать содеянное свидетельствует о том, что перед нами — человек, для которого требования нравственности пока еще не пустой звук.

Да, чтение отравило его, доведя в конечном счете до преступления, но он — не конченный человек.

Чтобы лжи верили, за ней должен стоять ум. И тогда получается, что разум служит тем, кто хочет ложью растлить других и совершить зло. Ложь — безотказное оружие Петра Верховенского. Как же хладнокровно и жестоко он им пользуется! Но лгут также Лужин и Ракитин.

Ум нередко и почти естественно становится на службу эгоизму говорящего, поэтому беззащитное чистосердечие выглядит как нечто почти непостижимое. Князя Мышкина отличает не столько способность любить, сколько чистосердечие. Он любит, это так; ему незнакомы чувства обиды, зависти, ревности, да и безразличия к кому бы то ни было, и все же его любовь не убеждает.

Добродетель, которая точнее всего характеризует внутренний облик князя, это его обезоруживающая искренность. Из-за этого в мире, где царствует фальшь, и где каждый скрывается за маской, его поведение выглядит странным и обескураживающим. Согласно общему мнению, найти человека, которому можно было бы без опасений довериться до конца, — дело почти несбыточное. Поэтому вызывает изумление, что Алеша может признаться в том, что он подвержен искушениям, как и прочие смертные; а Мите мы готовы во многом простить его буйные выходки за его прямоту и простоту. Чистосердечие не может не быть первым отличительным признаком духовной жизни. Без него добродетели перестают быть добродетелями.

После истины — любовь; но любовь у Достоевского, чем она больше, тем, как будто, сильнее стремится утратить человеческие черты: это любовь, которая не перерастает в узы. Это жалость, но она не соединяет и не спасает. Так, жалость князя не спасает Настасью Филипповну, не спасает Рогожина и, более того, губит самого Мышкина, который живет ею. Роман, который должен был дать нам живой образ святого, преподносит нам в «лице» князя поразительное художественное творение, но одновременно свидетельствует о крахе сострадания, которое еще не любовь или, может быть, любовь слиш-

ком чистая для того, чтобы быть человеческой. Бог, Который есть любовь, стал Человеком, чтобы возлюбить нас сердцем из плоти. Истинная любовь это любовь Сони в «Преступлении и наказании». Конечно, она состоит и из сострадания, но не только: Соня все крепче соединяется с Раскольниковым, разделяет с ним приговор и своей любовью спасает его. Такова и любовь Шатова к бросившей его когда-то жене: он принимает ее с трепетной радостью. Нельзя сказать, что он ее прощает, потому что любящий не знает обиды.

Любовь не истинна, если она не больше обиды, которую любящий может претерпеть от любимого. Так Иисус любил Петра.

Обожение проистекает из отношений любви, которые делают нас едино со Христом, обожение это «следствие» отношений; но основополагающая роль принадлежит именно отношениям. Важно не преобразование человека, а его молитва. Молитва незаметнее, она иногда кажется пустой, бесполезной, чуть ли не обманом, чем-то не имеющим реального наполнения, но если ты действительно можешь разговаривать с Богом, то больше, выше этого ничего не может быть. Ты хочешь говорить с Ним, как говорили с Ним Петр и Иоанн, как говорила с Ним Его Мать. Он сделался Человеком. Отними истинные отношения любви, и апофеозом духовной жизни станет лишь буддистское освобождение: никакого спасения.

Любовь князя Мышкина это только сострадание, и, как мы видим, эта любовь ни с кем его не связывает. Человеческая любовь — не только сострадание. Любящий, конечно же, не может требовать, чтобы его любили в ответ: любовь свободна, если она хочет быть любовью; но, по крайней мере, любящий не может не стремиться к отношениям любви. И Бог хочет, чтобы Его любили. Любовь привязывает любящего к любимому; любовь князя не связывает любящих узами, не создает единства. То, что князь не понимает реакции Аглаи, когда он отказывается от нее накануне свадьбы, чтобы ринуться в объятия Настасьи Филипповны, доказывает, что он не знает любви. Князь, желая выбрать все, на деле не выбирает никого. Так, из-за своей всегдашней искренности и из-за

неумения любить любовью истинной и человеческой, князь остается в одиночестве. Более того, его поведение не соединяет, а разделяет, и не только Аглаю и Настасью Филипповну; оно не дает возможности Настасье любить Рогожина, а Рогожину не дает сил соединиться с ним, Мышкиным; оно разделяет сестер, отдаляет от него сановников, вызывает ненависть Парфена, который хотел бы его уничтожить. Правда, смерть Настасьи Филипповны соединяет Рогожина с князем, но — на фоне помешательства одного и невменяемости другого. Князь никого не спасает и теряет, в конечном счете, самого себя.

Что же, конец князя должен означать, что христианство бессильно спасти мир? Нет, потому что он не может быть образом Христа. Его жалость это не любовь. Его любовь — любовь ангела, но *не* любовь Христа.

Жалея кого-то, человек становится в позицию превосходства по отношению к тем, кого он жалеет; спасает не такая любовь.

ЛЮБОВЬ-СТРАСТЬ И ЛЮБОВЬ-СОСТРАДАНИЕ

ДОСТОЕВСКОМУ знакома любовь-страсть, и он знает, к какому разрушению она способна привести. Роман, в котором тема любви наиболее очевидно выходит на первый план, — «Идиот». В двух главных персонажах живут любовь-страсть и любовь-жалость. В других романах представлена любовь более истинная и более человеческая. В «Идиоте» писатель знакомит нас с двумя крайними проявлениями любви, каждое из которых разрушительно: любовь-страсть приводит к смерти как любящего, так и того, кто любим. В «Идиоте» такова любовь Рогожина к Настасье Филипповне: она несет смерть. В «Подростке» такова любовь Версилова к Катерине Ивановне. И в этом случае Версиров хочет смерти любимой, которая, как он знает, его не любит; и когда ему не дают убить ее, он направляет оружие на себя.

Страсть сильнее человека, и она подминает его под себя, но главное, она не считается с любимым. Охваченный страстью

хочет полностью завладеть любимым человеком и никогда не может этого добиться, не уничтожая его свободы, того неотчуждаемого, что есть в каждом.

Но и любовь-сострадание не есть еще человеческая любовь. Сострадание принадлежит Богу. Человек, который испытывает только сострадание, не любит, потому что истинная любовь ищет соответствия, а жалеющий подстраивается под другого, старается предупредить его желания, но не ждет ответа. Да и Бог не любит лишь сострадательной любовью, потому что Бог ожидает от человека ответной любви. Тот, кто любит по-настоящему, не может согласиться с тем, чтобы быть только дающим, и ничего не получать. Вот почему и любовь-сострадание не спасает. Истинная любовь это и сострадание, и страсть; это устремленность всего существа к любимому, поэтому в человеке не может быть только духовное, но должно быть и чувственное; одно сострадание будет лишь унижать любимого. Настасья Филипповна безумно любит князя Мышкина, но чувствует ли она, что он поистине любит ее? И разве трудно было бы ей за него выйти, если бы она чувствовала, что ее любят так, как хочет быть любимой женщина?

Любит Соня в «Преступлении и наказании», и ее любовь вдохновляется состраданием, но это сострадание создает и насыщает собою любовь, которая соединяет ее с Раскольниковым.

Любит Митя в «Братьях Карамазовых», и его любовь это страсть, и все-таки в своей безудержной чувственности он остается человеком, он не обожает Грушеньку безоглядно и видит ее недостатки.

Поистине большую любовь мы находим в «Бесах»: эта любовь соединяет Шатова с женой, которая возвращается к нему после долгого отсутствия в его жизни, чтобы родить ему ребенка, чей отец не он. Любовь Шатова — ни сострадание, ни страсть. Шатов весь для нее и для новорожденного сына. Он не прощает, потому что не знает обиды и принимает эту женщину с чистой, необъятной нежностью любви.

Любовь не стремится к обладанию, хотя и ждет любви в ответ. Любящий отдает себя, но именно отдавая себя, он чувствует, что сам получает.

Подобна шатовской любовь Маврикия Николаевича, столь же верная и чистая. Он любит Лизу. Лиза одержима любовью к Ставрогину, но официально обручена с ним, Маврикием, который, ради того, чтобы видеть ее счастливой, готов уступить ее Ставрогину и даже просит его жениться на ней.

Когда Лиза отдается Ставрогину и разочаровывается, Маврикий Николаевич безмолвно ждет ее, и без слова упрека забирает ее с собой.

Те, кто охвачен революционным безумием, не могут знать любви: никакой женщины нет в жизни Петра Верховенского, нет женщин в жизни Кириллова; Петра буквально пожирает воля к революции, Кириллова — замысел освободить человека от Бога. Но и Ставрогин не знает любви. Он может быть любим, но не может любить: распущенность сделала его пустым человеком, который ни за что не хочет браться всерьез.

Любовь это знамение жизни, но там, где царствует зло, царствует только смерть.

Есть ли в Достоевском любовь к Богу, такая же живая, как любовь мужчины к женщине и женщины к мужчине? Достоевский знает святых, но как будто незнаком с влюбленными в Христа. Христос — образец, самый совершенный человек из известных людям, но переживает ли Он отношения любви с человеком? И может ли человек быть другом Христовым? Писатель не сомневается в Его воскресении, но, возможно, ему казалось неуместным и даже неприличным, чтобы человек переживал отношения любви со Христом. Достоевский любит Христа страстной любовью, и все же он не переживает подлинные отношения любви. Христос у Достоевского словно не имеет конкретного, реального облика.

Но человек обычно внутренне разъединен, живет без любви. Единство человеку дает не ум, не воля, а сердце. Воля жестка, ум сух — только спускаясь в сердце, человек находит жизнь и сообщает ее другим.

Если разумом не руководит любовь, он служит человеческому эгоизму, эгоизму чувств, и в образе Свидригайлова Достоевский являет нам человека умного и хитрого, который живет исключительно для того, чтобы удовлетворять свою страсть,

наваждение чувств; а что бывает, когда разум становится на службу эгоизму духа, Достоевский показывает в другом персонаже — Лужине, во всем полагающемся на свою расчетливость, холодном и безжалостном: этот хотел бы всех заставить служить собственной выгоде. Таким образом, когда разумом не руководит любовь, он становится свойством, демонически преображающим человека, разрушающим любые его отношения с другими людьми, отделяющим его ото всех, затворяющим его в собственном одиночестве. Сам черт, в разговоре с Иваном Карамазовым, признаётся: «здравый смысл — самое несчастное свойство моей натуры».

Лужин в «Преступлении и наказании», Петр Верховенский в «Бесах», Ракитин в «Братьях Карамазовых» — люди без сердца. Их ум поставлен на службу одному эгоизму. Человек замкнут в себе, живет лишь для себя. Ему даже страсти неведомы, он знает только выгоду и силу. Ради собственной выгоды он готов пожертвовать другими без малейших угрызений совести и уничтожить их, и при этом он не чувствует никакой потребности оправдать свои поступки, даже если они постыдны.

Так Лужин предполагает вновь завоевать внимание и доверие Дуни с помощью гнусного маневра, призванного, по его замыслу, показать, что ее брат связался с проституткой, которая к тому же еще и воровка; так Ракитин радуется тому, что может подстроить Алешино падение и тащит его к Грушеньке, не отказываясь, впрочем, и от дурно пахнущей mzды за это недостойное дело, которое должно было нравственно разрушить чистую душу, предназначенную к великой миссии. Петр кажется настоящим воплощением зла; его ум поставлен исключительно на службу злу, воля направлена только на то, чтобы сеять смерть. Даже не ненависть вдохновляет его — ведь ненависть это тоже страсть, — а холодное и непреклонное стремление подрывать всякий порядок и оставлять за собой пустыню. Он хочет смерти Кириллова, приказывает убить Шатова, убивает Федьку, организует расправу над Марьей Тимофеевной и капитаном Лебядкиным, устраивает пожар, рассчитывает добаться и до ускользнувшего от него Ставрогина.

Достоевский больше не создаст столь демонических фигур, хотя в его последующих произведениях будет еще немало персонажей, поработанных злу. Впрочем, и у Петра Верховенского, в его черной душе, можно заметить проблеск света: да, он хочет все разрушить, но это потому, что он одержим желанием изменить лицо общества. Николай Ставрогин с головой уходит в грех, он неспособен на подлинную страсть и отказывается служить «делу». Возможно, есть у Достоевского один персонаж, у которого разум не ведом любовью, и который при этом не столь монолитен в своем эгоизме, как Лужин: это Иван Карамазов, но Иван — слишком масштабное и сложное творение по сравнению с Лужиным.

Впрочем, мы по-прежнему считаем, что для Достоевского неприкрытый, голый разум — свойство дьявольское, и в его романах только бесовские души могут следовать разуму, который служит одному эгоизму. По другую сторону от этих душ — те, чей разум служит любви. Их разум занят не холодными расчетами; простое и безошибочное чутье позволяет им проникать в души других людей. Только в любви раскрываются тайны сердец. Так Алеша «знает», что не Митя убил, и знает, что не убивал и Иван, хотя он и виновен в смерти отца. Разум, ведомый любовью, не судит, он любит. Именно потому, что он видит зло, он не осуждает, а берет на себя ответственность за него. Так ведет себя Алеша в «Братьях Карамазовых», так ведет себя Соня в «Преступлении и наказании».

Конечно, человек был создан по образу Божьему, но он может быть и подобием дьявола.

СТРАСТИ

СТРАСТЬ заключает в себе нечто бесовское, и потому она связана со смертью. Такова страсть Парфена Рогожина к Настасье Филипповне. Сострадание князя не спасает ее, это верно, но рогожинская страсть ее убивает. Такова страсть Версилова. Не в силах добиться ответной любви, он готов убить женщину, которую любит, или самого себя.

А Свидригайлов? Убивает ли он жену под воздействием страстной любви к Дуне — чтобы расчистить себе путь к завоеванию любимой женщины? Несомненно, страсть Рогожина и Версилова носит другой характер. Рогожин и Версиров не такие сладострастники, как Свидригайлов или Ставрогин. Ставрогин прибегает к насилию, насилует невинную девочку, и сознает, что именно из-за него она вскоре убивает себя. У Свидригайлова дело до насилия не доходит, и это говорит о том, что его страсть подлинна и, несмотря ни на что, не столь постыдна, как ставрогинская. Не имея возможности добиться от Дуни ответа на свою страсть, Свидригайлов уважает ее и оставляет свободной, но себя самого лишает жизни. В любом случае, чем бы ни была страсть, подлинным и мучительным чувством или животным пылом, исход один — смерть. Более того, когда страсть подлинна и когда она не является, как у Ставрогина, желанием греха, извращенной склонностью ко греху, смерть еще более неотвратима. В страсти есть элемент идолопоклонства, а идолопоклонство с необходимостью ведет к смерти: человек как бы слепнет, ему становится ничего на свете не нужно, кроме женщины, но женщина это «бог», который разочаровывает и обманывает; человек, мужчина чувствует себя преданным, чувствует, что для него потерял смысл жизни, и убивает — другого или себя.

БОРЬБА ДОБРА И ЗЛА

ПЯТЬ романов Достоевского являются драматическим свидетельством человека, в чьей собственной плоти и крови запечатлелась борьба между злом и добром и, что особенно важно, человека, пережившего медленное и мучительное всплытие души, которая из темной пучины зла поднимается к заревому свету добра. Это «Божественная комедия» нового времени, странствие, которое, проведя человека многотрудным путем чистилища, выводит его в царство мира. Элиот как будто также хочет явить нам в своих произведениях новую «Божественную комедию», но Достоевский достигает большей

глубины, спускаясь в бездны сердца, и предстает более пронизательным спутником человека, который на своем пути с трудом освобождается от пут зла, чтобы устремиться к свету.

Можно еще задаться вопросом, в какой степени эти пять романов автобиографичны, документальны, насколько их можно назвать свидетельством о грехе, познанном писателем, о той силе, которая понадобилась ему для того, чтобы взять этот грех в плен, о его борьбе за обретение свободы в новой безгрешности. В любом случае, очевидно, что основополагающей темой всех его творений является столкновение зла и добра. Дьявол как будто царствует единолично, мир в его власти. Только кажется, что человек, пленник зла, живет, на самом же деле он уже мертв. Но не все заключены безусловно в своем гнусном себялюбии; есть и такие, в ком живет стремление жить, вновь обрести свободу, какая-то внутренняя сила, которая их терзает и не дает им покоя.

Кажется, что действительно у Достоевского разделение между людьми происходит еще до смерти, так что одни уже осуждены, а другие пребывают уже в Царстве Божиим, которое есть царство любви и мира. Писатель как будто находит удовольствие в том, чтобы сопоставлять, сталкивать их друг с другом. Они живут под одной крышей, переживают одни и те же события и вместе с тем, они разделены, и между ними идет борьба. Есть царство зла. Зло — в отказе: в отказе от Бога, от творения, от закона, от общественного порядка, от жизни. В отказе от Бога — отказ от любых ценностей. Кириллов, возможно, от природы добр, но на деле он безразличен ко всему, и к доброму, и к злему, и в то же время готов на все. С устранением Бога, по мысли Кириллова, человек сумел бы обрести божественность — в свободе от всякого закона. Но утвердить свою божественность человек, как видно, может только смертью как отказом от всего того, что он получил от Бога, отказом от творения, отказом от жизни.

Отказ от нравственного закона — неизбежное следствие отказа от Бога; более того, в этом отказе Бог уничтожается и отвергается. «Если Бога нет, все позволено», — говорят Родион в «Преступлении и наказании» и Иван в «Братьях Карамазовых».

Но Бог, вопреки этому, дает понять, что Он присутствует в муках совести, терзающих Родиона и в помешательстве Ивана. Можно отвергать Бога — это дьявольская игра, — но нельзя отвергать нравственный закон без разрушительных последствий для самого человека, потому что Бог, Которого знает Достоевский, это не Бог метафизики, а Бог, приносящий свидетельство о Себе в человеческом сердце. Человек не размышляет о Боге; он узнает Его практически, в императиве нравственного закона, как основу и опору своей внутренней жизни. Поэтому отвергать закон значит, в общем-то, убивать самого себя. Это распад личности, который следует за преступлением человека, захотевшего обрести свободу от морали.

Именно это переживает Раскольников после убийства старухи-процентщицы, а Иван впадает в помешательство, когда уже не может больше отрицать своей ответственности за смерть отца.

Отказ от творения также косвенным образом является отказом от Бога. Творение являет Его, через творение Он дает нам познать Себя и становится доступным человеку. Без творения Бог остается недоступным и непознаваемым. Такой Бог не вступает в отношения с человеком, да и человек не может установить с Ним реальных отношений. Поэтому в «Легенде о великом инквизиторе» слово превращается в чистое безмолвие. На обличающие речи инквизитора Бог отвечает безмолвием. Но человек и от творения не может отказаться, не отказавшись от себя самого. Отказываться от творения, когда ты являешься его частью, значит исключать себя самого из жизни. И в самом деле, за отказом от творения с легкостью и, можно даже сказать, естественностью следует отказ от жизни. А тот, кто отказывается от жизни, отказывается от первого Божьего дара, без которого не может быть никаких других даров, — вот почему самоубийство это самый тяжкий грех.

Для Достоевского благословить жизнь, любить ее — само условие спасения; больше того, это уже положительно принцип спасения. Тот, кто любит жизнь, непременно любит Бога, Который ему ее дал. А принимать Его дар это уже значит принимать Бога.

В исповеди Мити перед Алешей заметна его нутряная, невероятная привязанность к жизни, которая свидетельствует об оптимизме, коренящемся в вере. Нельзя любить жизнь, если жизнь не имеет смысла; но может ли жизнь иметь смысл независимо от человека, который ее проживает? А кто же дает смысл жизни, если не Тот, Кто тебе ее дарует?

Есть и иной отказ, который Достоевский рассмотрел в одном из главных своих романов, в «Бесах». Писатель обращает здесь свой пророческий взор на все, что сопутствует отказу от общественного порядка, и нигде больше в его произведениях этот взор не достигал такой пронизательности и такого драматизма. Роман «Бесы», безусловно, лучше всех других свидетельствует о его обращении. Разве не участвовал и сам Достоевский в революционном движении? Конечно, в годы сибирской каторги и ссылки он много размышлял об основах революционной воли, стремящейся подорвать порядок в государстве и во всем мире. Он уже тогда видел, что это самонадеянное стремление дать миру новый порядок основывалось на лжи и, соответственно, на ее плодах — беспорядке и смерти.

Достоевского упрекали в том, что обращение сделало из него консерватора. Верно, он вернулся в православную Церковь и стал относиться к царю с религиозным благоговением. Он ясно увидел, куда заведет Россию революционное движение и испугался этого и, отойдя от революционного движения, искал убежища. Что мог он противопоставить готовящейся разрушительной смуте? Он взлелеял мысль о новом богоявлении христианства, решил, что сама Церковь сокрыла Христа и что ныне достаточно нового откровения Его красоты. Дух Святой, как казалось Достоевскому, должен одолеть тьму, которая все больше угрожала его России и миру.

Всякое отвержение, по крайней мере, косвенно, есть отвержение Бога. Зло, в этом отвержении Бога, есть чистая негативность. Нельзя уничтожить Бога, если Бог существует, но в отказе от Бога тварь и человек, всё погружается в хаос и в смерть.

Итак, в романах Достоевского все как будто погружается в смерть. Над миром властвует сила зла; и все же тайно, прикровенно, недоступно для зла действует Божье присутствие. Зло не есть и не может быть единственной реальностью; если бы оно таковою было, не существовало бы самой реальности. Поэтому в ночи мира, созданного Достоевским, всегда различим свет зари. Правда, как нам кажется, именно в том романе, который, по замыслу Достоевского, должен был явить чистейший образ Христа, точнее — в финале романа, этого света нет.

Творчество Достоевского — не столько страшный суд, сколько необыкновеннейшая иллюстрация к тому учению раннего христианства (столь ярко изложенному Оригеном), которое прозревает в жизни человека и вообще в жизни мира, борьбу зла против добра, битву между сатаной и Богом. Действует, главным образом, зло, а точнее — лукавый, чьим сознательным и добровольным орудием оказываются люди, в то время как добро словно не имеет силы.

Ясно, что Достоевский хотел распознать силу добра и, может быть, хотел бы пророчески возвестить его победу, но по различным причинам не сумел осуществить желаемое. Последний роман Достоевского — всего лишь большой фрагмент, скорее даже едва законченное введение к произведению, каким он его задумал. Далее писатель, возможно, рассказал бы, как Алеша исполнял миссию, возложенную на него старцем Зосимой, но автора унесла смерть, и произведение осталось незаконченным, так что нам неизвестно, как продолжал бы Достоевский и каким бы был конец. Может быть, добро вообще нельзя изобразить, заметил Достоевский.

Есть одна победа любви и добра в творчестве Достоевского; эта победа учит нас, что Бог являет Себя в смирении. Старец, в «Братьях Карамазовых», оставляет нам в первую очередь учение. Соня же из «Преступления и наказания» — самая светлая, самая чистая фигура во всем творчестве Достоевского; в ней и через нее добро наконец одерживает победу и дает спасение. Это единственный заметный случай. Сражение между добром и злом, между дьяволом и Богом, почти всегда оканчивается победой зла, но в Соне побеждает добро.

Итак, драма борения зла и добра находится в центре произведений Достоевского. Это столкновение — содержание истории мира и человеческой жизни. Победа добра остается за пределами истории; нередко кажется, что зло доминирует до самого конца, однако, почти в каждом романе к концу возникает, подобно нежной утренней заре, обещание Божьей победы.

Так — в «Преступлении и наказании», так — в «Братьях Карамазовых», даже в «Бесах» — так. А вот в «Идиоте», наоборот, добро оказывается недейственным и побежденным. Роман, который должен был явить в главном действующем лице образ Христа, оканчивается погружением этого персонажа во тьму невменяемости. Похожая ситуация в «Подростке»: Версилов, в конце романа, избавляется от одержимости страстью, которая им владела, но это избавление будто отнимает у него что-то как у человека, лишает его всякой жизненной силы. Нет ли в добре, каким оно представлялось Достоевскому, некоего оскудения человечности? Любовь у него это, как правило, сострадание, агрессивной энергии человека противопоставляется кротость и смирение, известная слабость и неприспособленность к активному деланию. В «Братьях Карамазовых» столкновение зла и добра больше, чем во всех других романах, составляет истинное содержание произведения.

Зло заключено в растленности Федора Павловича, но более тонким, коварным, разъедающим предстает оно в скептицизме Ивана (не случайно его двойник — черт, являющийся ему в трех видениях в конце романа); зло также воплощается в чистой и поистине бесовской ненависти Лизы.

Добро и зло присутствуют на мировых подмостках, но присутствуют они и в сердце каждого человека. Только воля человеческая определяет природу зла и добра. То, в чем признается Лиза Алеше, испытывает и сам Алеша, но Лиза вся без остатка, с безудержной страстностью отдается ненависти к Богу, ненависти к людям, воле к беспричинному злу, в то время как Алеша, который понимает Лизу, потому что он не ангел и знает, что искушения и его не минуют, — Алеша испытывает к Лизе бесконечное сострадание: в нем побеждает

добро, потому что он не осуждает, а любит, и одолевает отвратительность Лизиной исповеди, едва ли не беря на себя ее грех.

Человек, пока он жив, не утверждён бесповоротно ни в добре, ни в зле. Трудно объяснить колебания Раскольниковова до и особенно после преступления. Он совершает преступление, потому что, как его учили, «если Бога нет, все позволено», и вместе с тем у него вырывается молитва: он просит Бога избавить его от одержимости той мыслью, которая приводит его к преступлению. После преступления он говорит, что не верит в Бога, и вместе с тем хочет, чтобы Соня прочитала ему Евангелие; не хочет признавать себя виновным и в то же время принимает от Сони крест, что уже говорит о его готовности понести наказание, и встает на колени на площади, желая исповедать содеянное.

После приговора он снова ожесточается в своей гордости (не отвергая, впрочем, Сониной любви), пока не истает в плаче. Так, Рогожин испытывает порой к князю истинно дружеские чувства, чуть ли не братскую привязанность, и вдруг спустя миг или даже одновременно — ненависть, которая заставляет его покушаться на жизнь Мышкина. Так, Иван объявляет себя неверующим, хочет отвергнуть Бога и в то же время ищет Его.

Есть у Достоевского и персонажи, которые как будто намертво утверждены во зле, как Петр. Никакого проблеска света и добра не видно в Лужине. Нельзя того же сказать о Свидригайлове, несмотря на омерзение, которое он вызывает у Дуни, сестры Раскольниковова. Возможно, Свидригайлов не ошибался, когда заметил в Дунином взгляде зарождающееся сострадание, на которое рассчитывал нажать, чтобы добиться желаемого. Даже Ставрогин не утверждён во зле необратимо. Иначе разве пошел бы он к Тихону? Архиерей рассудил верно: Ставрогин достиг поворотного пункта, потому что он может вступить на путь обращения, и уже, в глубине души, этого не исключает, или может, наоборот, отбросить всякое стремление к покаянию и поспешить навстречу преступлению. Человек балансирует между двумя безднами: добро притягивает его, но ответ требует труда. Притягивает его и зло, и чем больше он ему предается, тем больше тянет его к себе сила зла.

Ничто не определяет до конца жизнь человека, ни, конечно, окружение, ни страсть; но если действительно человек утверджен во зле, тогда этот человек уже духовно мертв. Петр Верховенский со всем своим умом превратился в машину. Не зря Достоевский подчеркивает соответствующую особенность его речи. Живет по-настоящему тот, кто усерднее упражняет свою волю, одолевая притягательность зла, как Алеша в доме Грушеньки, либо искренне каюсь, как Родион, для которого с покаяния начинается новая жизнь.

Если человек не утверджен во зле, то лишь потому, что Бог не оставляет его. Борьба, которую человек претерпевает внутри себя, не находя покоя, это борьба благодати с грехом: благодать не дает человеку отдаться на волю греха. В своей гордыне человек думает, что ему удастся избавиться от Бога и ожесточается, отвердевает во зле. Поэтому благодать не оставляет человека и отнимает у него покой. Бог терпелив. Иногда кажется, что наконец душа вот-вот уступит Богу, но затем себялюбие и гордость снова поднимают голову и борьба продолжается. Полная победа Бога никогда не бывает легкой и быстрой. «Преступление и наказание» это роман, в котором, больше, чем в любом другом, присутствует Бог. Когда благодать одолела человеческое сопротивление, и человек наконец, преобразившись, обрел мир, тогда, может быть, Божье присутствие ощутимо не столь сильно, или, во всяком случае, более чистым выглядит свидетельство присутствия, но менее живым действие. Впрочем, и такой совершенно добрый человек, как князь, может оказаться атеистом. Ведь Рогожину, который спрашивает у него, верует ли он, Мышкин не дает ясного ответа. И «Идиот» — не религиозная книга, в отличие от религиозного «Преступления и наказания»; в «Преступлении и наказании» Бог присутствует и находится в самой сердцевине всего, это Он является тайным двигателем действия и незаметно действует Сам. Прежде чем окончательно отвергнуть благодать и бесповоротно закрыться от Бога, даже Ставрогин, в душевной муке, сподвигшей его пойти к архиерею, переживает возможность личного перерождения.

Человек никогда не бывает полностью самостоятельным, даже если он свободен; он безусловно ответственен за свои

поступки, но это не значит, что он не подвергается, извне и изнутри, воздействию Бога и лукавого. Иван не находит покоя: Бог и дьявол борются за его сердце.

Перед пятью романами Достоевский пишет «Записки из подполья»; после пяти романов — «Сон смешного человека». Высочайшие творения Достоевского (а может быть, и всей литературы девятнадцатого века) заключены между этими двумя произведениями — малыми по объему, но весьма важными, — и как бы с двух сторон запечатаны ими. В «Записках» мы находим изображение зла, запредельно страшного: это зло в чистом виде, вечное проклятие. Никакой свет не озаряет ад, в котором человек — узник. В «Сне...» перед нами проходит картина светлого мира, проникнутого всеобщим общением любви. Но это сон. Оправдались ли упования? Достоевский низводит нас в глубочайшие бездны сердца — мерзейшее себялюбие, вожделение смерти. Люди — воплощение зла. И все же присутствие зла не угашает ожидания спасения, стремления к любви. Зло желает смерти Бога, но любовь взывает к Нему, и более того, являет Его присутствие в персонажах, которые несут Бога в мир людей. У добра и зла есть лицо, они не существуют «в себе», но воплощаются и являют себя в персонажах пяти романов. Произведения Достоевского обладают широтой «Божественной комедии», но ад и рай для русского писателя — не в посмертном бытии: они уже здесь, на земле, присутствуют в человеческом сердце.

УЖАС ЗЛА

МИР И СМЕРТЬ

НАД миром властвуют дьявол, сладострастие и насилие. Христианство присутствует, но оно сокрыто в бедных и в кротких.

Над миром властвуют деньги. «Идиот» — роман, в котором противостояние между миром и Христом выглядит особенно очевидным; оно, собственно, и является темой этой книги. Можно возразить, что носителем христианства здесь предстает богатый князь, но в нем видят нищего духом из-за его отрешенности от денег. Он совершенно не может оценить их значения, они не имеют для него никакой цены, никакой важности. И наоборот, все, кто окружают его, живут исключительно для денег. С другой стороны, где деньги, там и власть. Но деньги являются также побудительной причиной преступления Родиона в «Преступлении и наказании», а для Лужина они — основа его самоуверенности. В «Братьях Карамазовых» Митя не раб денег, однако, вся его скорбная история начинается с денег. Иван, возможно, из-за денег обосновался в отцовском доме; деньги, в которых Федор Павлович отказывает детям, позволяют ему продолжать вести разгульную жизнь. Раки-тин готов за деньги предать и продать Алешу.

Над миром властвует сладострастие. В «Преступлении и наказании» Свидригайлов становится виновником смерти жены из-за своей распутной жизни; по-иному безудержная чувственность доминирует в «Братьях Карамазовых» — в отце, но и в сыновьях, особенно в Мите. Даже Алеша в какой-то момент близок к тому, чтобы предаться греху и тем самым поставить под удар миссию, которую доверил ему старец. Ставрогина в «Бесах» сладострастие сделало неспособным к любому подлинному чувству, к любому решению.

Но больше, чем деньги, больше, чем сладострастие, владеет миром стремление к власти.

В основе чрезвычайно суровых обвинений, которые Достоевский обрушивает на католическую Церковь, лежат его соображения о ее притязаниях на земную власть. Но особенно ощутима жажда власти в романе «Бесы», где она проникает и определяет собой деятельность Петра Верховенского и его сподвижников.

Стремление к власти, вместо того, чтобы служить людям, уничтожает их свободу, достоинство и способность к творчеству, подрывает всякий порядок, делает невозможным любое подлинное человеческое общение и несет одну смерть.

Миром владеет лукавый, и господство его прирастает смертью. В романах Достоевского смерть царствует: ее жатва — Свидригайлов в «Преступлении и наказании», Настасья Филипповна в «Идиоте», Шатов, Кириллов, Ставрогин, Федька в «Бесах», Федор Павлович и Смердяков в «Братьях Карамазовых». Но смерть это не только знамение господства зла. Умирает, в благодатном мире и тишине, окруженный любящими друг друга и его людьми, Макар Иванович, старый странник; «Братья Карамазовы» открываются блаженной кончиной старца, и эта смерть становится знаменем пререкаемым, чтобы явить нам тайные помышления сердец: именно из-за этой смерти в монастыре разразятся споры и противостояния. Но в начале романа есть и смерть старого Федора Карамазова, смерть жалкая, темная. Итак, если царствует смерть, смерть может быть концом — и исполнением; может быть тщетной надеждой сбросить с себя неподъемный груз позорной и греховной жизни — и наградой за жизнь, отданную служению людям и любви к ним. Иногда, кажется, она не имеет никакого смысла и все же, и в этом случае, она может обладать своей таинственной освященностью. Она никогда не бывает заурядным делом. Она — событие. Умерший может быть призывом живым к участию в празднике, но может быть, для скончавшегося человека, падением в пустоту.

Смерть срывает со Ставрогина маску его жизни, и выходит наружу то, что было скрыто. По смерти не происходит

ничего, но смерть остается. И в смерти размыкается ад и открывается рай. Как отличается смерть Кириллова от кончины старца Зосимы!

Отвержение Бога в смерти Кириллова это несказанный ужас; смиренная мягкость старца претворяется, по смерти, в участие в удивительном празднике любви, куда он приглашен с теми, кого любит.

Тайна человека являет себя в смерти. Смерть присутствует в каждом романе и нередко находится в центре повествования. В «Преступлении и наказании» смерть Мармеладова расположена ближе к началу, смерть Катерины Ивановны — ближе к концу романа, но обе эти кончины так или иначе соотносятся с Соней. Смерть отца, пьяницы и одновременно христианина, некоторым образом предваряет единение веры и порока, которое станет своего рода камнем преткновения в Соне, дочери святости и греха.

В центре повествования стоит самоубийство Свидригайлова, который знает только одно благо — страсть блудной любви, и отказывается от жизни, когда она не может удовлетворить его. В «Идиоте» смерть Настасьи Филипповны помогает нам понять, что любовь-страсть не спасает, а убивает. Смерть красной нитью проходит через весь великий роман «Бесы». Убивает себя Кириллов, который намеревался своей смертью провозгласить независимость человека от Бога и, более того, божественность человека; лишает себя жизни Николай Ставрогин, который в пороке расточил волю к принятию решений. На его портрете мы увидели бы маску: человек утратил в нем все признаки богоподобия и поэтому умер прежде смерти. Убивают Федьку, который, будучи вором и убийцей, все же сохранил в самой глубине души искорку веры. Убивают Шатова: его смерть вызвана политическими причинами, она нужна для того, чтобы призвать новых членов под знамена революционной организации. Человек в расчет не принимается: власть смотрит на него как на винтик, который можно использовать, как ей заблагорассудится.

Но в конце романа, мирная кончина Степана Трофимовича, испытавшего перед смертью состояние, близкое к

экстатическому, — словно луч света в мире ужаса, в котором, кажется, человеку невозможно выжить. Это возвращение к вере прошлого, примирение человека с Богом.

В «Подростке» немалое место занимает умирание и смерть Макара Ивановича, странника. Безусловно, он является одной из самых светлых фигур во всем творчестве великого писателя. Макар Иванович — икона преображения: кротость, мир и радость, которые проступают сквозь каждое его слово, сквозь каждый его жест, делают из него создание, исполненное чистой духовной красоты.

И наконец смерть Федора Павловича в «Братьях Карамазовых» — гибель сладострастника, убитого лакеем. Перед тем, как быть убитым, старик Карамазов в бреду зовет возлюбленную. Противостоит этой смерти нечестивца блаженная кончина старца Зосимы. Но другая смерть, смерть Илюшечки, очевидно, должна открыть путь тому, кто получил от старца завет вернуться в мир — возможно, чтобы обновить духовную жизнь людей. Мир спасет красота монашества, усвоенного сердцем.

Смерть — последнее откровение человека. В акте своей смерти человек выражает свою истинную природу. Но смерть являет не только человека, она являет и тайну Божию, потому что человек это образ Божий. Богословское измерение романов Достоевского проявляется в частности и главным образом в смерти его персонажей. Смерть может явить богооставленность: человек оказывается пустым, у него не остается даже намек на какую-то добродетель; смерть снимает с него покровы мнимых достоинств. В богооставленности человек действительно погибает. Но смерть может быть и откровением спасения. В этом случае она подобна рождению, переходу к радости. Так Алеша переживает смерть своего старца.

Мир Достоевского это мир крайностей: порой создается впечатление, что добро и зло перемешаны; истинное противостояние в творчестве Достоевского — не между нравственным добром и злом; добро отождествляется с миром Божиим, а зло — с властью лукавого. Ничего нет пошлее похотливого пыла старого Карамазова, когда он, пуская слюну, зовет возлюбленную, а в ответ слуга проламывает ему череп. Ничего

нет безмятежнее преставления Макара Ивановича. Один умирает в убожестве животной страсти, другой — в мире. Смерть Макара Ивановича это не только переход в царство Божие одного человека: все, кто стоит у его одра, переживают внутреннее обновление, становятся чище, добрее. Нет никакого безутешного плача по нем. Такова же смерть старца. Доброта Кириллова это не любовь, он живет, с головой уйдя в свои размышления, ожесточенной борьбой с Богом. Он не в состоянии вынести такого Бога, от Которого он должен зависеть. А чтобы человек сам стал Богом, ему нужно уничтожить всякую свою зависимость. Смерть для Кириллова — возможность окончательно отвергнуть Бога, но и смерть показывает, что бывает с человеком, оставленным Богом: его ждет убожество гротескного конца, в котором нет уже ничего человеческого.

Картины смерти у Достоевского нередко прекрасны в литературном отношении, но знал ли писатель ее тайну? Часто умирающие не имеют возможности осознать, пережить свою смерть. Так гибнут Настасья Филипповна, Шатов, Федор Карамазов. Самый тяжкий грех — самоубийство. Самоубийством человек хочет порвать все связи. Отказываясь от жизни, он одновременно отказывается от любых возможных отношений с Богом.

В некоторых случаях феномен смерти подвергается долгому осмыслению, но на поверку она оказывается совсем не такой, какой представлялась, и связанные с нею переживания полностью отличаются от воображаемых: таков опыт Кириллова; в иных случаях человек осознает приближающуюся смерть и готовится к ней, испытывая большой внутренний покой и умиление. Таким образом, смерть может отождествляться с ужасом небытия, как у Кириллова, а иногда — с исполнением и с совершенством жизни, как у старца Зосимы и у Макара Ивановича в «Подростке».

Достоевский предстает как религиозный писатель в первую очередь, повествуя о смерти. Тайна смерти являет тайну Бога. Смерть производит разделение: в смерти человек переживает свое спасение или вечную погибель, и как в спасении, так и в погибели человека присутствует суд Божий. Это

прощение для Мармеладова, это неизъяснимое общение любви для старца Зосимы, одичание и невообразимый ужас для Кириллова. В спасении человек открывает жизнь, исполненной сверхчеловеческого мира; в погибели человек теряет не только всякое достоинство, всякую свою свободу, но даже и свое человеческое обличье и характер.

Смерть Мармеладова приводит на страницы «Преступления и наказания» православного священника, исполняющего свои обязанности; это единственный случай во всем творчестве Достоевского. В роман «Бесы» писатель вводит архиерея, используя в описании его внешности и поведения черты реально существовавшего святого; в «Братьях Карамазовых» есть сцена, разворачивающаяся в монастыре, и целая толпа монахов населяет роман: среди них монахи серьезные и образованные, любопытные и бродячие, жадные, завистливые и полупомешанные; над всеми возвышается светлая фигура старца.

В эпизоде, охватывающем последние минуты Мармеладова на земле, Достоевский показывает нам, как священник исполняет требу. Этот служитель Церкви, который выслушивает исповедь умирающего и в последний раз причащает его, в сущности, — хороший священник, хотя формализм в словоупотреблении едва ли не выставляет его обыкновенным чиновником. Наше внимание привлекает не столько священник, сколько возгласы умирающего, который, посреди смятения и беспорядка, вызванного его появлением, настойчиво зовет священника.

Это христианская кончина грешника. Ничто больше не привязывает его к жизни, но, со своей простой и живой верой, он идет навстречу смерти, умоляя Бога о прощении. При виде дочери, которая с его ведома пошла на панель, он осознает свой грех во всей его неприглядности, и это причиняет ему бесконечную боль, но смерть, приходящую за ним вскоре, он встречает не в отчаянии, а в скорби и покаянии. Эта сцена поистине прекрасна; перед нами — смерть грешника, вручающего себя Божьему милосердию. В смерти Мармеладова, несмотря на созданный ею переполох, нет ничего трагического: он умирает в мире.

Достоевский размышляет о тайне смерти, рассказывая об умирании и смерти Макара Ивановича в «Подростке», но особой глубины эти его размышления достигают в «Братьях Карамазовых». Смерть старца Зосимы это переход из земной жизни на брачный пир. Старец приглашает на праздник и своего ученика, заверяя его, что смерть вводит на брачный пир. Там старец и ученик обретут друг друга в радости. Смерть это не конец, в ней нет ничего мрачного, горестного: человек входит в свет. Однако жизнь не получает в смерти свое последнее исполнение. Достоевский ожидает воскресения. Последняя страница «Братьев Карамазовых» становится высочайшим исповеданием веры писателя. Этим исповеданием оканчивается его завет, благодаря ему он действительно является свидетелем подлинного христианства и, возможно, величайшим.

ТЁМНАЯ МИСТИКА

*М*ИР зла присутствует почти во всех романах Достоевского, в галлюцинациях Свидригайлова, Николая Ставрогина, Ивана Карамазова, и всегда, в каждом из романов, это присутствие становится пугающим, настойчивым.

Достоевский вкладывает в уста своих героев, страдающих галлюцинациями, мысль о том, что подверженный этим видениям переживает некое раздвоение личности. Есть ли в романах Достоевского, наряду с мистикой Бога, «мистика» демоническая? Трезвение и простота сопутствуют опытному познанию Бога, даруемому Соне в ее необыкновенно чистой и необъятной любви, безудержном сострадании к убийце. Но опытное познание Бога проявляется не столь явно, сколь присутствие зла. Вспоминая о «минуте своего восторга», Алеша Карамазов свидетельствует: «Кто-то посетил душу мою в тот час». Таким образом, несмотря на то, что все это может иметь естественное объяснение, Алеша твердо уверен, что Некто явил Себя в его душе.

Мысль о демонической мистике может найти подтверждение в галлюцинациях Свидригайлова, Ставрогина, Ивана

Карамазова. Раздвоение личности — широко известный феномен, описанный в психиатрии, но он не исключает воздействия лукавого. Романы Достоевского не только открывают в человеке бездны, которые обычно глубоко спрятаны, но и помогают нам прикоснуться к лежащей за пределами нашего мира иной реальности. Об этом говорит Свидригайлов:

«Ведь обыкновенно как говорят? — бормотал Свидригайлов, как бы про себя, смотря в сторону и наклонив несколько голову. — Они говорят: «Ты болен, стало быть, то, что тебе представляется, есть один только несуществующий бред». А ведь тут нет строгой логики. Я согласен, что привидения являются только больным; но ведь это только доказывает, что привидения могут являться не иначе как больным, а не то, что их нет, самих по себе».

И продолжает:

«Ну а что, если так рассудить...: «Привидения — это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек... Ну а чуть заболел,... тотчас и начинает сказываться возможность другого мира...»

Земной мир Достоевского соотносится с другим миром, является его образом и отображением и, более того, некоторым образом его предваряет. Если содержание истории составляет борьба добра и зла, то главными действующими лицами этой вселенской борьбы являются Бог и дьявол: Бог живет и таинственно присутствует в смирении любви, лукавый становится реальным и обнаруживает себя в распаде человека, который отдается распутству, доходит до преступления. Страницы, которые Достоевский посвящает галлюцинациям Ставрогина, производят сильное впечатление — достаточно вспомнить, какой ужас и смятение вызвали эти видения у Даши, единственной женщины, которая любит Николая Всеволодовича, — но сцена с видением Ивану Карамазову еще сильнее. Видение одолевает в Иване его стремление не верить. Даже несмотря на то, что дьявол не тождественен с тем, кто видится Ивану, в этом видении вряд ли можно не

увидеть действия лукавого. Впрочем, как считает писатель, легче верить в черта, чем в Бога, зло более заметно, чем добро, и всегда, где зло, там и дьявол.

«МИСТИКА» АТЕИЗМА

ДОБРОТА свойственна не только тем, кто верует в Бога. Религиозное благочестие может соединяться с грехом и даже с пороком, но верно и обратное: неверие может соединяться с известной добротой.

Ставрогин признает доброту Кириллова. Поразительно все, что Достоевский заставляет Кириллова сказать во время его встречи со Ставрогиным. Кириллов, который всю жизнь мучался размышлениями о Боге и наконец освобожден от этой муки, потому что перестал верить в Бога, теперь полагает, что человек должен заменить Бога. Его слова словно предвосхищают высочайшие страницы поучений старца Зосимы в «Братьях Карамазовых». Ведь слово Кириллова подтверждает слово Апокалипсиса. Жизнь существует, смерть не существует. Достаточно человеку знать о себе, что он счастлив, и вот он уже в самом деле счастлив. Тогда и времени больше нет. И это — видение красоты, которая преображает все на свете, каждый зеленый листочек, весь мир, потому что другого мира нет. Этот мир прекрасен, и все прекрасно.

Кириллов — человек беззлобный, он добрый человек. Что же отличает верующего от неверующего? Прежде чем ответить, мы должны задаться вопросом, возможна ли эта доброта и возможен ли этот опыт. Без Бога человек теряет представление о шкале ценностей. Кириллов не хочет быть добрым. Для него больше не существует ни доброты, ни злобы. Для Родиона, для Ивана, если Бога нет, все позволено; Кириллов идет намного дальше, для него эти слова не имеют смысла: в самом деле, он отделался от Бога и больше не знает закона. Он живет просто. Идущий против закона чувствует за собой вину, а у Кириллова вообще нет чувства греха и вины. Для него все одинаково. Он живет по ту сторону добра и зла. Родион и Иван

хотели бы оказаться по ту сторону добра и зла, но сам факт, что для них существует проблема «если Бога нет...», доказывает, что они не освободились от Бога. Кириллов не ставит перед собой подобный вопрос, он уже расправился с сомнениями, он сам — «Бог». Осознавая себя таковым (впрочем, лишь до той поры, пока ему не приходится встретиться со смертью лицом к лицу), он не только не любит, но и живет в некой самодостаточности, переживает свой опыт свободы, который как будто имеет некоторые черты сходства с опытом святых. Ведь и святой, избавившись от эгоистических страстей, познаёт свою внутреннюю свободу; однако святой, в своей свободе от эгоистических страстей, переживает страсть любви, любви, которая требует от него отдавать всю жизнь без остатка за каждого человека. Кириллов не любит, он одиночка, ни к кому он не привязан. Кириллов — креатура Ставрогина, как и Шатов, но в то время, как Шатов и даже Петр Верховенский все еще чего-то ждут, Кириллов больше не ожидает ничего, ничто уже не связывает его с тем, кто когда-то был ему учителем.

Уничтожена всякая разница между добром и злом: все хорошо, говорит Кириллов. На самом деле этот человек стал простым, как ребенок, и играет, как ребенок. Таким застаёт его Ставрогин, придя к нему с предложением быть у него секундантом на предстоящем поединке.

Что же такое эта «мистика» атеизма? Может ли в самом деле тот, кто не только не познал Бога, но и отрицает его, испытать опыт, подобный опыту благодати? Не кажется, что Кирилловым движет сатанинская гордыня, и все же есть что-то злое в его черных, «без блеска», глазах, в его невидящем взгляде. Он находится во власти идеи, которая предстает во всей своей страшной неприглядности, когда Кириллова призывают исполнить то, что он обещал сделать, и он убивает себя. Опыт Кириллова, конечно, не имеет ничего общего с богопознанием; его опыт, возможно, состоит в самоотожествлении с сотворенным духом, который разрывает свою связь с телом и живет, уже не подчиняясь законам времени, вне связи со всем разнообразием вещей, жизнью чистого духа,

которая словно ставит человека по ту сторону добра и зла, живет в простоте, не знающей различий и дающей человеку чувство новизны, а может быть, и счастья. Этот опыт, на первый взгляд, родствен мистическому, но одно отличие есть, причем качественно бесконечное: опыт Кириллова, в своем безразличии, не знает любви. Кириллов добр, но он никого не любит. Если есть жизнь, а смерти нет, то это потому, что жизнь не имеет субъекта, и соответственно, никто не может умереть; но именно перед лицом смерти Кириллов пробуждается и всем своим существом отторгает смерть и переживает свою гибель.

Что сделал Ставрогин из Кириллова? Кириллов не злодей, он инженер, работает, и все же он уже не вполне человек, он нездоров психически. Кириллов — пленник своей идеи, в его жизни уже нет места общению с людьми. Достоевский сосредоточивает внимание на взгляде Кириллова, его черных глазах без блеска, которые смотрят и не видят. Мистика атеизма это мистика смерти. Разве смог Кириллов своей смертью освободить людей от Бога? Со смертью он проваливается в пустоту, и на этом все кончается.

Нет ничего во всем творчестве Достоевского более страшного, чем эта смерть, в которой Кириллов так долго видел высшее избавление, и которая, как ему казалось, должна была спасти человека от Бога и сделать Богом его самого.

Самоубийство для Достоевского — самый тяжкий грех. Человек отказывается не только от творения, как Иван, но и от своей жизни, в безумном стремлении спастись от Бога. Но Кириллову смерть не принесла избавления от всякой зависимости от Бога; скорее, он распознал в ней свою окончательную гибель.

ПЬЯВОЛ И АД

В первом из великих романов изображен ад Свидригайлова. Он говорит Раскольникову:

«А что если там [в будущей жизни] одни пауки или что-нибудь в этом роде?.. Нам вот все представляется вечность как

идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность».

Вопрос «что есть ад?» мы встречаем в назиданиях старца Зосимы. Старец дает такой ответ:

«Страдание о том, что нельзя уже более любить» [...]. Раз, только раз дано было (человеку) мгновение любви деятельной, *живой*, а для того дана была земная жизнь, а с нею времена и сроки, и что же: отвергло сие счастливое существо дар бесценный... таковой... тем-то и мучается, что ко Господу взойдет он, не любивший, соприкоснется с любившими любовью их пренебрегший... прошла та жизнь, которую (он) мог в жертву любви принести... Да и отнять у них (пребывающих во аде) эту муку духовную невозможно, ибо мучение сие не внешнее, а внутри их... ненасытимы во веки веков и прощение отвергают, Бога, зовущего их, проклинают. Бога живаго без ненависти созерцать не могут и требуют, чтобы не было Бога жизни, чтоб уничтожил Себя Бог и все создание Свое. И будут гореть в огне гнева своего вечно, жаждать смерти и небытия. Но не получают смерти...»

Между первым и последним романом пролегал путь веры, которая становилась все более зрелой и живой. Писатель все глубже проникал в тайну. Бог — жизнь, добро, свобода... но все божественные совершенства лишь разные стороны любви; Бог есть Любовь. Быть осужденным на вечные муки значит быть навсегда отторгнутым от любви. Бог продолжает быть любовью, но нелюбящий, отказавшийся от любви именно когда его любят, в ответной ненависти переживает свой отказ от любви.

Ад, каким он представляется Свидригайлову, это ад, внешний по отношению к человеку; ад, каким его видит старец, весь внутри человека; это опыт одиночества и смерти, ибо человек живет только в любви и любовью.

Состояние пребывающего в аду предвосхищается в «Бесах»: это то, что испытывает Ставрогин, который, в своей

сухости, в своем бесчувствии, не может больше нести бремя самого себя и кончает с собой. Ставрогин, подобно Свидригайлову, подобно Ивану Карамазову, страдает галлюцинациями. Свидригайлову являются слуга Филька, является Марфа Петровна, которую он же и отравил.

Ставрогин же видит беса, точнее множество бесов. Сначала это один бес, «глупый и наглый», омерзительный в своем высокомерии. Потом — бесы, их великое множество, и они лезут из всех болот. Ничего в них нет трагического, ничего серьезного; они не улыбаются и даже не ухмыляются, только смеются и заражают своим смехом Ставрогина, который вдруг, посреди рассказа, раздражается хохотом. Так дьявол втаскивает человека в пустоту, в жизнь, лишённую подлинного содержания.

Ивану Карамазову тоже является черт. Достоевский подробно описывает его одежду, внешний облик, манеру речи и тон разговора с Иваном. Он терпелив, даже любезен, он будто бы даже хочет сделать все, чтобы угодить слушателю. «Ты, я вижу, решительно ждешь от меня чего-то великого, а может быть, и прекрасного. Это очень жаль, потому что я даю лишь то, что могу...». Этот дьявол — не тот романтический демон, которого воспевали поэты. Дьявол, в галлюцинациях Ивана, — этаким черт-бедолага, мечтающий стать человеком («люблю с купцами и попами париться») и воплотиться в «толстую, семипудовую купчиху». С человеком, который есть образ Божий, разговаривает дьявол — в образе человеческом. Это двойник, тайный человек, скрывающийся под маской «реального» человека, и этот-то тайный человек и есть подлинный — под маской человека больших идей, больших решений. Человек внутренне разделен, его постоянно мучает один и тот же вопрос: «Есть Бог или нет Бога»? В словах черта действительно раскрывается тайна Ивана: «... колебания, беспокойство, борьба веры и неверия — это ведь такая иногда мука для совестливого человека, вот как ты, что лучше повеситься». В борьбе между добром и злом Иван как будто склоняется на сторону зла, и все же именно уступка бесу пробуждает в нем желание добра, потребность в Боге.

Свидригайловым и Ставрогиным зло овладело полностью, и они погибли безвозвратно. Для Ивана же, по-видимому, все еще возможно... «Оставь меня, мне... невыносимо с тобой!», — стонет он. Рассудочность, самое несчастное свойство его натуры, мешает ему совершить акт веры, который бы мог его спасти. Глава, повествующая о видении Ивана, выявляет слабость человека перед лицом искушения; человек, быть может, и не хотел бы уступать злу, но он не в силах совершить добро. В этой борьбе Бог и черт сходятся в человеческом сердце. Да, и черт, потому что человек свободен, но он никогда не бывает независимым: или он свободно принимает и осуществляет в своей жизни зависимость от Бога, или впадает в зависимость от дьявола. Галлюцинация имеет объективный характер. Если Бог приносит душе мир, то смятение это дело рук черта. И как душевный мир может быть Божьим знамением, так же и в смятении Ивана можно обнаружить объективное присутствие лукавого. Иван еще не сбросил с себя его путы, и черт напоминает ему об этом, излагая собственные мысли среднего из братьев Карамазовых о созидании нового мира:

«... и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надобно начинать... Раз человечество отречется поголовно от Бога..., то само собою... падет все прежнее мировоззрение и главное, вся прежняя нравственность, и наступит все новое».

Для Ивана действительно еще ничего не решено окончательно, однако нет сомнений, что любой грех меркнет по сравнению с тем искушением, до которого его доводит гордыня: он хочет, ни много ни мало, заменить Бога. Ставрогин хотел бросить вызов общественному мнению своим браком, но до Ивана ему далеко. Это правда, что Иван, «в глубине души жаждет» войти в число отцов и иноков пустыни, но гордыня его столь велика, что у него возникает искушение встать на место Самого Бога, и нам неизвестно, сумеет ли он одолеть это искушение.

Это грех Люцифера, и Иван близок к тому, чтобы разделить его с ним.

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ДОБРА

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

КАК мы уже не раз говорили, самоубийство для Достоевского — самый тяжкий грех, абсолютное отвержение Бога, ибо самоубийца отвергает первый дар, который человек получил от Него, условие всякого другого дара. Но уже в неспособности любить человек отчуждает себя от Бога, отмежевывается от Него. Эта отчужденность становится глубже в случае, если кто-то хочет, чтобы не было на свете его ближнего: у Ивана Карамазова это проявляется в желании стереть с лица земли собственного отца, у Ракитина — в ненависти и стремлении развратить всех и вся, у Лизы — в ее невероятной ненависти, у Раскольникова — в идеологически подготовленном убийстве старухи-процентщицы. В этом отказе от любви человек отказывается от Бога и впадает в тоску, в отчаяние, в помешательство.

Жизнь это путь во времени. Куда ведет этот путь? Человек должен довериться жизни, а доверие предполагает веру, более того, доверие — основополагающий акт веры.

Итак, самоубийство — тягчайший грех. Самоубийством человек совершает безумный акт абсолютного отказа; если же человек не отказывается от жизни, это значит, что он, в своей жизни, потенциально готов принять вместе с даром и Дарителя, даже если Он ему пока незнаком.

Тот же, кто любит жизнь, уже находится в неосознанном, но реальном общении с Богом. Если Иван любит жизнь, он уже прошел половину пути, который должен привести его к Богу; Алеша может быть за него спокоен. В Иване, как и в Мите, есть глубочайшая привязанность к жизни, и, возможно, эта любовь способна вывести его на путь, который может

привести человека к Богу. Собственно, он уже имеет некое общение с Богом, благодаря своей связи с землей, благодаря состраданию, которое соединяет его с братьями.

Самоубийца в романах Достоевского двое: Свидригайлов и Ставрогин. Самоубийство последнего — естественный итог пустой жизни: Ставрогин уже при жизни фактически мертвый человек. Но сколько страсти в Иване и в Мите! Приговор не может погасить в Мите жажду жизни; в сибирской каторге он хотел бы воспеть гимн жизни. Он не поддается страху быть побежденным и потому хочет, чтобы Грушенька последовала в Сибирь за ним. Иван не принимает творение, потому что не может принять тайну страдания. И именно из любви к жизни он отрицает Бога, но так и не возвращает Ему входной билет, несмотря на обещание это сделать. Что значит для Ивана не принимать этот мир, сотворенный Богом? Если Бог в самом деле есть, какой смысл может иметь его отказ от творения? Это в самом деле детский каприз, как нам кажется, или все же нечто более разумное? Ты любишь жизнь; не ты ее создаешь, значит тебе нужно принимать ее такой, какой она тебе даруется. Твой протест бесполезен; любовь к жизни в самой себе с необходимостью заключает ее приятие. От тебя не требуется оправдывать ее, потому что не ты устанавливаешь ее законы и задаешь ей цель. Любовь к жизни уже есть акт веры. Алеша был прав, когда говорил, что любовь Ивана к жизни имеет христианский характер; в этой любви уже не только обещание будущей встречи с Богом — ей внутренне присуще приятие Бога.

Обычный человек может быть добрым или злым, он проживает и организует свою жизнь в соответствии с собственной волей; но есть люди, которые уже не имеют своей жизни, которыми как бы овладевает другой: это святые, а также погибшие души.

Одержимый страстью к разрушению и сеянию смерти, Петр Верховенский не знает, что такое друг, никогда не в чем не раскаивается, ни к кому не испытывает уважения, отказывается признавать собственного отца. И поскольку сам он является орудием идеи, то и всякий человек для него

ценен лишь постольку, поскольку служит идее. Даже такой разбойник, как Федька, может чувствовать свое нравственное превосходство над ним. В Петре не осталось ничего человеческого; перед нами разум в чистом виде, вся сила и изобретательность которого направлены на то, чтобы совершать зло. Петр словно механически повторяет подсказанный урок; это ум, с остервенелым упорством организующий все и всех ради неизменной цели.

Есть мистика атеизма в Кириллове, но в Петре она более наглядна: бес владеет им и, можно сказать, преображает его. В произведениях Достоевского нет человека, которым владеет Бог. Нравственного величия князя оказывается недостаточно, чтобы он пережил преображение во Христе; в лучшем случае, Мышкин — Его бледное подобие. Старец Зосима оставляет нам свои поучения, но в действительности, всего того, что писатель сообщает нам о жизни старца, мало, чтобы можно было говорить о его преображении во Христе.

В «Бесах», в «Братьях Карамазовых» исполнителями преступлений являются не те, кто несет за них главную ответственность. Ставрогин знает, что Петр обещал Федьке определенную сумму за расправу над Марьей Тимофеевной и ее братом, капитаном Лебядкиным; но именно Ставрогин, хоча, бросает Федьке все наличные деньги, встречая его на мосту, соединяющем околоток Лебядкина с другими кварталами города. Так Ставрогин дает почин преступлению. Подобная ситуация в «Братьях Карамазовых»: Смердяков не упускает возможность расправиться с Федором Павловичем с молчаливого согласия Ивана. В каждом из этих двух случаев виновником преступления является его вдохновитель. А вдохновитель это всякий, кто потворствует преступным планам человека, который знает, что, совершив преступление, он пойдет тебе навстречу. Человеческий суд не может признать преступление таковым; нравственную ответственность за поступок не может оценивать человеческий суд, — это дело одного Бога, Который выносит не подлежащий обжалованию приговор на суде совести.

ПУТЬ ВЕРЫ В РОМАНАХ

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО важно распознать продвижение в вере, переживаемое Достоевским, — процесс, который проходит через пять романов, от «Преступления и наказания» к «Братьям Карамазовым». Присутствие христианства в «Преступлении и наказании», несомненно, имеет определяющее значение для этого романа, но такое христианство выглядит чуждым официальной Церкви и христианской морали. Персонажи, воплощающие в себе это христианство, — неисправимый пьяница и маленькая проститутка: Мармеладов и его дочь Соня.

В «Идиоте» писатель попытался нарисовать современный образ Христа. Князь Мышкин — мирской образ Христа; незаметно, чтобы он был связан с Церковью и тем более жил в глубоком общении с Церковью официальной.

В «Бесах» появляется официальное христианство, но оно находится на краю общественной жизни и не имеет никакого воздействия на жизнь людей. Его представитель — епископ Тихон, который отошел от деятельного исполнения своих архиерейских обязанностей ради жизни в тишине и смирении, в монастыре, где даже монахи не почитают его и не считаются с ним.

В «Подростке» христианство живет и утверждается в старом Макаре Ивановиче, в его святости, которая имеет скорее онтологический, чем нравственный характер. Он переживает общение и единение с Богом в своем общении и единении с Его творением.

Историческое христианство выходит на передний план в «Братьях Карамазовых». Это христианство православной Церкви, сердце которой находится не в кафедральном соборе, а в монастырях, и которую представляют не иерархи, а святой монах, старец. Образ Христов, по мысли Достоевского, должен из монастырей перейти в мир. Миссия Алеши должна была стать главной темой романа. Если бы Достоевский смог завершить свой роман, он безусловно стал бы величайшим апологетом христианства, верно православной Церкви. В любом случае, несмотря

на полемические выпады против католической Церкви, «Братья Карамазовы» остаются одним из высочайших свидетельств христианства в искусстве. В развитии писательской деятельности Достоевского мы наблюдаем непрерывный процесс сближения с Церковью, ее учением, ее структурами. Вместе с тем мы погрешили бы против истины, если бы сказали, что одновременно шел другой непрерывный процесс, и писатель все больше свидетельствовал о Христе своей жизнью.

Ни «Идиот», ни «Бесы» не дают нам свидетельства святости, равного свидетельству Сони в «Преступлении и наказании». Вера в Христа, сострадание к убийце, отсутствие какого бы то ни было суждения о каком бы то ни было человеке, ее жертвенная любовь, сначала к мачехе и ее детям, а затем к Раскольникову, — все это проявления истинного христианского подвижничества. Старец Зосима оставляет нам высокое учение о духовной жизни, но именно Соня, в абсолютном смирении, дает нам уникальное свидетельство этой жизни.

ДОБРО

ДОБРО не рождает *фабулу*. В лучших романах Достоевского перед нами разворачивается история человека или нескольких людей, которых, так или иначе, соединяет преступление: убийство старухи-процентщицы в «Преступлении и наказании», убийство Федора Павловича в «Братьях Карамазовых». Да и в «Бесах», темой которых является жизнь города, сюжет строится вокруг разнузданной смуты и смерти.

И наоборот, Тихон, в «Бесах», живет как бы вне мира, и *фабулы* не создает. Но не создают *фабулы* и старец Зосима в «Братьях Карамазовых», и Соня в «Преступлении и наказании», и Соня с Макаром Ивановичем в «Подростке».

В них-то и присутствует добро, которое есть в мире; добро сокровенно и неведомо. Оно не творит историю; оно очищает и спасает.

И во втором романе добро не действует. Поначалу кажется, что от князя следует ожидать грандиозных свершений, но

потом ничего не происходит. На деле в результате его присутствия, его появления и ухода все остается, как прежде, а в чем-то меняется к худшему. Именно он косвенно причастен и к гибели Настасьи Филипповны и к печальной участи Аглаи. Настасья Филипповна, узнав князя, не может больше любить никого, но не сможет она и связать свою судьбу с судьбой Мышкина.

При первом чтении кажется, что Достоевский — писатель темного мира зла, и все же, тайно и сокровенно живет в этом мире добро, и, собственно, благодаря этому присутствию мир продолжает существовать. Присутствие Бога — под знаком смирения и безмолвия — действует, очищает мир и спасает его. Ни один роман не обходится без этого присутствия; наименее тайно и даже совершенно открыто проявляется оно в романе «Идиот», но именно здесь это присутствие предстает бессильным, не действует и не спасает.

В «Преступлении и наказании» присутствие униженной жизни действует с необычайной силой. Соня воплощает собой, можно сказать, присутствие Божественной Славы (*Шехина* - евр.), которая живет среди отбросов мира, в изгнании. Не Разумихин и не Порфирий Петрович освобождают Раскольникова от его греха. Закон его наказывает, самой дружбы недостаточно, чтобы отпустить ему грех, даровать новую жизнь, но маленькая проститутка, которая берет на себя его наказание, его боль, — она может спасти его и даровать ему новую жизнь.

Так в «Подростке» жена Макара Ивановича, которую Версилов соблазнил и которая незаконно с ним сожительствует, в атмосфере тревожного беспокойства и необузданной страсти, своей кротостью и смирением приносит и дает другим мир. Ее супруг, Макар Иванович, дворовый человек Версилова, живущий странником — без семьи, без дома, — отдает душу целому творению. В его опыте природа становится явлением Божества, и он устанавливает с людьми отношения сердечного братства.

«Бесы», без сомнения, — роман, в котором зло присутствует наиболее явно и как будто властвует единолично, однако, и в этом романе добро не отсутствует. Обособленно,

святым отшельником, живет епископ Тихон, но его тайком посещает Варвара Петровна, мать Ставрогина. Городские происшествия известны Тихону, он следит за всем, знает все, потому что за всех несет ответ перед Богом. Чем сокровеннее присутствие святого, тем в большей мере становится он сердцем города. Кроме смиренной книгоноши, которая возвращает жизнь умирающему Степану Трофимовичу, нет в «Бесах» другого вместилища добра, меж тем как, исчезают, один за другим, вместе со смертью, Кириллов, Шатов, Ставрогин, Федька, да и Степан Трофимович; и только Петр Верховенский, воплощение беса, несет куда-то еще разрушение и смерть.

И наконец, «Братья Карамазовы». Достоевский замыслил пророчески возвестить о торжестве добра через миссию и жизнь Алеши, ангела, которого старец Зосима, умирая, посылает в мир, чтобы широко разливалась по миру радость пасхального воскресения. Алеша — чистый образ Христа: духовная красота, явленная в лице Христовом, спасет мир, обновит его. Роман не окончен, но уже в его грандиозном начале писатель прозревает, как сберегается в тиши монастырей живой образ Христа. Исполняя свою миссию, Алеша должен будет оставить монастырскую сень, дабы принести этот образ в мир.

И тогда тайная святость смиренных женщин, несущих в себе Христа, уступит место славному явлению Христа в святости духовного сына старца Зосимы.

Таким образом, святость, в романах Достоевского, играет определяющую роль, даже оставаясь сокровенной. По слову Христову — последние становятся первыми.

Христианский характер творчества Достоевского особенно различим в учении о любви к ближнему и в том, как писатель видел эту любовь. С юности он жил ожиданием новой истории, смиренного человечества, живущего в любви, но вынужден был констатировать, что любовь к ближнему, для конкретного человека, невозможна. Было ли видение такого человечества лишь мечтой, утопией?

Когда, казалось, окончательно рухнули надежды Достоевского на те общественные группировки, которые призваны были осуществить его сокровеннейшие стремления, ему при-

шел на помощь Христос, Тот Христос, Которого он всегда любил. Учение, а точнее, сила Христова, должны были осуществить то, что только обещало, но не могло реализовать революционное движение. Писатель понимал, что социализм может, конечно, разрушить всякое социальное и политическое устройство, но неспособен поднять мир из этих руин. В социализме Достоевский не нашел любви.

ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ

ХРИСТИАНСКАЯ жизнь включает в себя известный опыт, а опыт являет реальность тайны. Какой тайны? Человек становится центром вселенной и уже не может существовать отдельно от какого бы то ни было создания — не только людей, но и свежих зеленых листочков, поющих птиц, далеких звезд. С другой стороны, он чувствует свою вину и ответственность за все зло мира. Он непрестанно просит прощения у всех за все, и вместе с тем пребывает в радости. Смирение и исповедание своей ответственности за всю вселенную соединяются в нем с ощущением внутреннего мира и уверенности. Он дышит воздухом свободы и живой радости, он уже в раю, потому что рай и есть это самое единство; и в этом единстве грех и вообще всякое зло уничтожаются. Человек уже не живет разделенным в самом себе, он не отделён ни от кого. Его жизнь это другие. Таков старец Зосима, который принимает на себя страдания верующих баб, таков Алеша, у которого словно и нет своей жизни: он живет жизнью Ивана, Мити, Лизы, Катерины...

Как же все это происходит? Конечно, единство образуется любовью. Эта любовь, согласно православной традиции, есть дар Святого Духа. Значит, христианская жизнь по сути своей духовна? Не имеющий Духа живет по законам дикого эгоизма: такова жизнь Федора Павловича Карамазова, Николая Ставрогина. Федор Павлович не любит даже своих детей, видит в них только своих возможных соперников или врагов. Но брат старца Зосимы, сам старец, Алеша из “Братьев Карамазовых”

и Макар Иванович из «Подростка» на деле переживают опыт единства. Их переполняет чувство единения со всем и со всеми, чувство бесконечного сострадания — такое, как у князя Мышкина, внутренняя твердость, которая наделяет бедную и униженную девушку несравненной силой, героической верностью в самопожертвовании.

У Достоевского есть некое противопоставление сердца и разума. Разум, рассудок, как будто, служит лишь эгоизму — в лице Лужина, Ракина, да и Ивана Карамазова, но победа достается сердцу.

РАДОСТЬ

ХРИСТИАНСТВО Достоевского это христианство воскресения. Здоровый оптимизм побеждает ночь, которая часто становится временем действия романа «Братья Карамазовы», побеждает смуту, ужас, преступление.

Прежде всего нужно любить жизнь, — говорит Алеша Ивану. Можно любить жизнь, если жизнь имеет смысл, но только в том случае, если человек любит жизнь, он может открыть для себя ее смысл и значение. Жизнь прекрасна и вся озарена радостью. Даже на каторге Митя воспоет гимн Богу радости; атеисту же радость недоступна. Атеизм — союзник смерти, в то время как вера в Бога дарует радость, а человек, как говорит Митя, не может жить без радости.

Благодаря своей вере Соня в «Преступлении и наказании» может победить ужас своей доли, с отцом-алкоголиком, мачехой, вынуждающей ее заниматься проституцией и беспросветной нищетой и голоданием любимых сестер и брата. Благодаря своей вере Митя, знающий, что он невиновен в преступлении, в котором его обвиняют, может преодолеть горестную подавленность после страшного приговора. Жить в радости способен лишь тот, кто прошел через смерть: Макар Иванович и старец Зосима при жизни познали тайну воскресения. Для них рай наступает уже здесь, на земле. Ничто не может нарушить их внутренний мир; ничто не в силах поколебать их

любовь ко всем и ко всему — к дневному свету, к поющим птицам, к цветам, раскрывающимся навстречу солнцу, к далеким звездам, сияющим в ночи. Человек опытно познает в своей жизни единение со всем творением, чувствует свою неразрывность со всем на свете. Его жизнь есть любовь.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

*М*ИР, для тех, кто опытно познал Бога, не исчезает; он преобразается. У людей есть другие глаза, чтобы смотреть на вещи. Раскольников, который идет с повинной в «контору» (при этом ощущая не столько свою виновность в преступлении, сколько унижение от того, что не выдержал испытания), целует землю, но земля грязна, и прохожие смеются над ним, принимая его за пьяного. Не так взирает на мир Макар Иванович, не так видит его юный брат старца Зосимы и сам старец, по-иному видит его Алеша. Эти люди уже на земле переживают прикосновение к будущему воскресению.

Христианство Достоевского это христианство преображения. Никакого упоения скорбью. Никакого чувства смерти как конца. Присутствие тайны уничтожает всякий грех. Не только мир, но и душа человеческая становится прозрачной для взора святого: так Тихон смотрит на Ставрогина и испытывает несказанный ужас перед преступлением, которое тот готов совершить; так Алеша прозревает виновность Ивана. И восстает Иван против его слов именно потому, что брат попал в цель: Иван не совершал преступления, однако, чувствует себя виновным. Так старец Зосима кланяется в ноги Мите, потому что видит его будущее страдание.

Эти люди Божии живут в мире, который более не осквернен грехом. В действительности, мир озаряют или, наоборот, омрачают глаза людей. Мир, в котором живет князь Мышкин, — мир жадности, ревности, пустоты, но князь как будто не видит греха: он в этом мире одинокий чужак.

Любовь неразрывно соединяет святого со всеми, делает его виновным во всех грехах; он просит прощения у всех за

все, и всех прощает. Но князь не таков: его сострадательная любовь неспособна избавить Настасью Филипповну от ее чувства вины, от ее униженного состояния. Душа князя еще не преображена любовью. Он любит истину, но страсть к истине — такой, какой она ему видится, — подвигает его на несправедливые обвинения в адрес католической церкви. Ни Макар Иванович, ни старец Зосима не обличают. Мир, в котором они живут, это мир, целиком озаренный Божьим присутствием, мир, умирённый и очищенный Богом, Который есть любовь.

БЕССМЕРТИЕ

В письмах Достоевский с силой заявляет о своей вере в бессмертие. Читая романы, мы знакомимся с его представлениями об аде и с учением о муках пребывающих в нем душ, но там же находим его учение и представления о жизни душ спасенных. Со смертью человек не проваливается в ничто. Можно сказать, что ад и рай, по Достоевскому, предвосхищаются в нынешней жизни, но их псевдо-реальность отсылается к посмертию. В любом случае, уже в земной жизни происходит разделение душ и их подготовка к будущему уделу. Не познавший любовь здесь, вечно будет вкушать жизнь без любви, любящий же уже в нынешней жизни вкушает радость живого общения любви.

Множественно Достоевский описывает такую жизнь и свидетельствует о ней, изображая человечество, которое, избавившись от всякого эгоизма, живет в любви, и в любви видит этот мир уже преображенным. Предвосхищение блаженной жизни таково, что люди могут уже вступать в общение со святыми и с этих пор чувствуют себя призванными и приглашенными на небесный праздник, на свадебный пир, — по слову Иисуса.

Алеша, который взбунтовался, не в силах примириться с тем, что Бог не сохранил и не защитил, после смерти, его старца от лукавых языков, от человеческой ревности и злобы, засыпает от усталости во время молитвенного бдения у гроба

духовного отца. В полудреме он слышит голос старца, который приглашает его на свадебный пир. Злорадство людей не достигает его, он наполнен радостью. Если адское проклятие — вечность без любви, то блаженная жизнь — праздник вечной любви. Званы все. Их приглашает Тот же, Кто приготовил пир. Кто-то может отвергнуть приглашение и остаться вне комнаты, полной света, но никого Он не обходит приглашением — ни грешников, ни пьяниц, ни расточивших свою жизнь в пороке. В смерти своей и Мармеладов призван, и он тоже смиренно входит на небо.

Но, может быть, наиболее очевидно тема бессмертия присутствует в романе «Бесы»; здесь же она воспета с наибольшей торжественностью. Степан Трофимович, старый литератор, оставляет дом, бежит от фальшивой жизни вечного ритор, чтобы зажить наконец «своей» жизнью. Он встречает скромную, смиренную женщину, разносчицу Евангелий. Вместе с любовью к ней, в нем зарождается стремление к смиренной и бедной, но подлинной жизни. Вместо того, чтобы получить возможность осуществить только что взлелеянные надежды, он заболевает и умирает. Однако любовь пребывает: от его предыдущей жизни не остается ничего, но пробудившаяся любовь к книгоноше помогает ему познать Бога, и он чувствует, что эта любовь бессмертна.

Опыт истинной любви есть опыт бессмертия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

МИР Достоевского находит высочайшее и совершеннейшее выражение, с одной стороны, — в бунте Ивана в «Легенде о великом инквизиторе» а, с другой, — в «Поучениях старца», наполненных мирным и радостным общением человека с творением и, в еще большей мере, — общением человека с людьми.

В этом бунте человек самонадеянно пытается заменить собою Бога, а в результате теряет и самого себя. Но если человек примиряется с людьми и Богом, то плодом его смиренного прощения оказывается единство в любви.

ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ

ПОРОЙ кажется, что человеческое слово способно нести в себе такое же богатство и глубину, что и слово Божие. Во всем творчестве Достоевского есть нечто пророческое; он не только повествует и говорит, но также предвозвещает и открывает. В «Легенде о великом инквизиторе», кажется, заключена абсолютная сила религиозного послания.

Прежде всего это отказ от творения и бунт самого Ивана. Иван может принять Бога, он не может принять творение. Творение, вместо того, чтобы славословить Бога, отрицает Его; таким образом, утверждение Бога есть отрицание творения. Его присутствие несовместимо с миром вещей. Недоступный сам по Себе, Бог полностью отделён от мира. Если Он есть, как может существовать творение? Бог, Которого Иван хотел бы признать, это Бог абсолютного апофатизма. Однако Иван

занимает другую позицию. Он не может верить в Бога. Страдание мира служит обвинением против Бога, свидетельствуя о Его бессилии, или, что хуже, обличает Его стремление к торжеству несправедливости и желание причинить скорбь невинным.

Возможно, Достоевский был прав, когда писал, что никто до него не выдвигал столь веских аргументов против признания Бога. Его вере пришлось преодолеть глубочайшую бездну сомнения и богохульства. Разумеется, эту бездну нельзя преодолеть без веры; Бог словно ставит перед человеком задачу, решить которую ему не под силу. У человека появляется искушение исправить Божий замысел. Почему существует зло в мире? И почему зло не то, что не уничтожается, а торжествует? И действительно ли ответ — памятование, что Некто, абсолютно «безгрешный», взял на Себя все зло и тем самым нас от него избавил?

Несправедливое страдание при безразличии Бога, когда Он не вмешивается, чтобы восстановить справедливость, побуждает Ивана отвергнуть Его и взбунтоваться.

Что же противопоставляет Достоевский необычайной мощи бунта Ивана, отвергающего мир, в котором нет справедливости и в котором растаптывают безгрешного, Иванову отрицанию Бога, Который не вмешивается и Который словно бросил мир на произвол силы, отнимающей у людей свободу? Он противопоставляет этому молчание Христа, молчание Бога. Христос не отсутствует; в Своем немом присутствии, Он слушает и, вменяя и принимая обвинение, в тот же миг прощает.

Христианство можно кратко описать как борьбу добра и зла. Эта битва начинается с началом общественной жизни Иисуса и продолжается, становясь более ожесточенной и страшной, в Его страстях и смерти. Дьявол искушает Иисуса, и Иисус одерживает над ним победу, ибо отвергает три искушения, но победа достигается ценой бедности и голода, и внешне видится, что она бесплодна, на фоне Его обездоленности в мире власти и силы. Борьба, казалось бы, должна продолжаться в истории Церкви, но Достоевский полагает, что Церковь побеждена, что она не отвергла искушений, стала орудием

лукавого, чтобы сделать людей рабски покорными власти зла. Христос присутствует, но узником, или, согласно другим произведениям Достоевского, сокрыт в монастырях. Но столь несправедливое и злое суждение Достоевского о католической Церкви — выводит ли из-под удара Церковь православную? Беззаветная любовь писателя к своему народу не позволяла ему обрушить обличения и на православие, однако, Достоевский, оставаясь верным православию, не любит священства, он не в восторге от внешнего устройства своей Церкви. Лишь в продолжении «Братьев Карамазовых» он хотел возвестить новое откровение Христа, которое должно было обновить и сам мир.

В это же развернутое обличение Церкви, которая, по мнению писателя, исказила, подменила образ Христов, и более того, заменила его образом князя мира сего, Достоевский вводит фигуру молчащего Христа. Демиургической воле того, кто выстраивает мир, из которого убран Христос, Иисус противопоставляет молчание. Но в последнее мгновение, в Своем бесконечном сострадании, Христос, подойдя к великому инквизитору, целует его.

Сильнее, чем в речи Мармеладова, в призыве старца Зосимы идти на брачный пир, Достоевский свидетельствует здесь о том, как Христос побеждает зло мира Своим бесконечным милосердием, — там, где, казалось бы, вся власть отдана дьяволу, действующему через тех, кто согласился на его предложение, в мире, где все организовано так, чтобы изгнать из него Христа, Он все равно присутствует. Никаких обличений: единственный ответ, которого дождался старый инквизитор по окончании своего *инквизиторского* допроса, — Его поцелуй. Целование это совершается в последний момент, в то время как молчание Христово длится в течение всей речи великого инквизитора, длится в течение всей истории.

Достоевский — против Церкви. Как ему представляется, Церковь, в противоположность тому, что сделал Христос, отвергнув три искушения князя мира сего, уступила ему, и князь мира сего, именно через Церковь, устроил мир таким образом, что Бог был исключен из жизни людей. Все, что дьявол

пообещал Иисусу, он теперь предоставляет людям руками Церкви: благосостояние, уверенность; но взамен он потребовал от людей отказа от их душ, от их свободы, от их нравственной ответственности. Он сделал их рабами.

Для Достоевского настоящим наваждением было мысленное лицемерие социализма, того, что социализм может совершить. Орудием, с помощью которого эта программа будет осуществляться, Достоевский как раз и считал Церковь.

Несравненное величие «Легенды...» омрачено этим обвинением. Церковь не может противопоставлять себя Христу, ибо она получила Его Духа, и более того, она с Ним — едино. В жизни Церкви продолжается жизнь Иисуса, и поэтому во все эпохи ей должно проходить искушения. Правда в том, что не Церковь, а входящие в нее люди могут иногда впадать в три искушения. «Легенда» стала одним из убедительнейших призывов к людям Церкви оставаться верными Христу, отвергая «силу, чудо и власть».

Церковь совсем не хочет завоевывать мир; она хочет лишь служить. Владычество над миром было обещано дьяволом, и только от дьявола Церковь могла получить его, но Церковь призвана служить, а не владычествовать.

Церковь — не Антихрист, вопреки утверждению князя Мышкина.

В любом случае, «Легенда» не потеряла в художественной силе от этого немыслимого обвинения, брошенного Церкви; да и удар прошел мимо цели. Зримые структуры Церкви служат святости, а святость Церкви являет себя не в кострах инквизиции, но в мученичестве. А мученичество сопровождает Церковь на протяжении всего ее пути и свидетельствует о противоположности между Церковью и «миром».

Дьявол избавляет души от груза свободы и делает их «счастливыми» в рабстве.

«Легенда» — величайшее славословие свободе из всех когда-либо возносившихся. Бог оставляет сколь угодно места человеческой свободе, чтобы в своей свободе человек смог стать подобным Ему. Благодаря свободе человек преодолевает природу и является некоторым образом творцом самого себя. Он

не может передать кому-то другому дело собственного спасения, но если он отказывается от своей свободы, то, также самостоятельно, выбирает гибель. Великий инквизитор берет на себя ответственность за всех: за это они должны отказаться от высокого звания свободных людей, получая взамен счастье рабов.

Мы уделили «Легенде о великом инквизиторе» лишь несколько слов, но ее содержание намного богаче. Иван отвергает творение, великий инквизитор в своей речи отвергает Церковь. Церковь, которая должна свидетельствовать собою о Христе, на деле якобы выступает против Христа и отвергает Его. За отказом от творения следует отвержение Церкви как орудия Антихриста, горячо провозглашаемое князем Мышкиным. Ответ на это двойное отвержение — молчание Бога и, наконец, поцелуй Христа.

Всякий раз, когда Достоевский говорит о Христе в своих письмах, записях, проявляется его любовь к Нему, ревнивая и страстная; в романах же он редко выказывает ее. Все в романах как будто взывает к ней или предполагает ее, но прямо писатель говорит о ней считанные разы. Это молчание придает еще большую торжественность его «выступлению» в последнем романе. Это выступление — «Легенда о великом инквизиторе», — как нам кажется, входит в сердцевину завета, оставленного нам Достоевским; видимо, именно в этом эпизоде, согласно учению писателя, происходит высшее исполнение истории. После суровой отповеди великого инквизитора появляется Иисус, Который молча подходит к нему и целует его.

Говорят: возможно ли, чтобы Христос, Слово Божие, должен был молчать? Но поцелуй и есть Его слово. Рассыпаются в прах обвинения, оказываются тщетными попытки поправить евангельскую весть. Молчание Христа, Его смиренная любовь — выше, сильнее человеческой власти и гордыни желающих исправить благовест. В конце остается и побеждает любовь. Не таково ли будет ее явление, обещанное апостолом Павлом в Послании к Колоссянам (Кол 3, 1-4)?

В других местах Достоевский говорил, что преобразование, новый обетованный мир, явятся и осуществляются внезапно, в

один миг, и преобразование будет, наконец, любовью, которая объединит всех людей в одном объятии, в одной радости. Когда она придет, все, как учит Апокалипсис, узнают ее, узнают Его. Он придет не для того, чтобы судить, но для того, чтобы спасти людей, которые обвиняли Его, и спасет их Своим поцелуем мира.

Поцелуем Христа исполняется и завершается история, и это исполнение и завершение есть победа любви; эта любовь одолевает всякое обвинение, всякий бунт всеобщим прощением, всеобщим спасением.

Так ли должны мы понимать заключительную часть «Легенды...»? Действительно ли Достоевский ждал спасения от исторического христианства или, как впоследствии написал его друг Владимир Соловьев, полагал, что спасение наступит при конце света, совпадающем с последним явлением Христа?

Конечно, Достоевский, даже веря в то, что православное христианство и монашеская духовность должны сыграть немаловажную роль в обновлении России, а может быть, и всего мира, не мог обманываться. Он ожидал, как и Соловьев, конца. «Легенда о великом инквизиторе», в творчестве Достоевского, по-своему предваряет «Три разговора» Соловьева.

ПОУЧЕНИЯ СТАРЦА

НЕ только у мудрецов, но и в знаменитых книгах есть толкования «Легенды о великом инквизиторе». Безусловно, это творение Достоевского заслуживает того, чтобы его изучали писатели и философы, критики и литераторы — благодаря высочайшим литературным достоинствам текста и заключенному в нем смысловому богатству; вместе с тем, как нам кажется, рассмотрение этих страниц без их соотнесения с поучениями старца нанесло ущерб пониманию самой «Легенды...». Кстати, Достоевский и сам определенно хотел противопоставить «Легенде...» «Поучения». И если в литературном отношении «Легенда о великом инквизиторе» намного превосходит

«Поучения», то это совсем не значит, что эти два текста следует рассматривать в отрыве друг от друга. Именно противопоставив их, мы сможем наилучшим и наиболее полным образом приблизиться к пониманию замысла великого писателя. Он полагал, что бунту Ивана, зрелищу человечества, избавленного от груза ответственности и впавшего в рабскую зависимость от власти, нужно противопоставить благодарное и радостное приятие Божьего творения и свободное общение людей в любви. Власть может обеспечить человека благополучием, но она делает его узником и не дает ему возрастать в свободе; любовь же открывает человеку мир свободы, восстанавливает достоинство человека и дарует ему радость.

Атмосфере «Легенды...» противопоставляется, в «Поучениях», мир света и свободы, в котором человек дышит полной грудью.

Достоевский хотел быть свидетелем Христовым. Перейдя от бури сомнений к ясной тишине веры, он не мог согласиться с тем, что «Поучения» должны в чем-то быть менее значительными, чем «Легенда». «Поучениями» он выразил свою веру. Но получилось так, что в литературном отношении они оказались менее сильными, чем «Легенда...». Слог «Поучений» несет на себе отпечаток наивности и простоты монашеских писаний. Эти страницы, близкие по жанру писаниям мудрых, стремятся свидетельствовать о свете или о чистоте высокого христианского опыта. И если исключить рассказ об убийце, который, под воздействием общения со старцем, принародно объявляет о своем давнишнем преступлении, то этот опыт лишен всякой драматичности.

Столкновение между добром и злом, лежащее в основе всех романов, словно конденсируется в этих двух великих отрывках, которые, вбирая в себя все творчество Достоевского, вместе с тем, остаются независимыми от повествования. С одной стороны, отказ от творения, стремление к власти, бунт против Бога, Который дарует человеку свободу, потому что хочет любви, с другой — изумление перед красотой, любовь, объединяющая людей в радости жизни, которая есть незамутненная безгрешность. Повторяем, Достоевский сам хотел

противопоставить «Легенде...» «Поучения». От бури сомнений, от бунта и отвержения Бога он пришел к экстатическому лицензрению творения, преображенного любовью.

Алеша услышал из уст Ивана «Легенду о великом инквизиторе» и он же, Алеша, собрал и опубликовал «Поучения» своего духовного отца.

Мир греха, каким бы вседержавным он ни казался, непременно имеет свою противоположность — мир света и красоты.

Персонажи Достоевского, как правило, не знают ни сияющего великолепия полей, ни светлого утреннего блистания; они живут в гнусных, грязных городах, живут чужаками в грязных домах без света. Даже те из них, которые любят, обычно знают только страсть, разрушающую их, они закрыты в себе, они боятся обнаружить свою тайну.

Лиза — девушка, которая не в состоянии сберечь ее, и которая являет с трагическим цинизмом страшный лик ненависти, воли и извращенного пристрастия ко злу. Для любого общения с природой, для какой бы то ни было любви между людьми в этом мире словно нет места.

И все-таки именно к такому единению стремится человек. О таком мире возвещает старец Зосима в своих «Поучениях». Путь человечества должен стать возвращением в потерянный рай, его целью станет всеобщее единение любви между людьми.

Человек больше не будет жить в разладе с природой; его жизнь наполнится единением с природой, и мир вернется в состояние древнего Эдема.

Старец живет среди людей, и в его присутствии утихает ненависть, сходят на нет противостояния. Любовь, которая соединяет его со всеми, предполагает единство и, по-видимому, требует от человека, чтобы он, вместе с осознанием своей греховности, испрашивал прощения у всех и одновременно щедро даровал прощение всякому человеку.

В слове старца мы, безусловно, находим высочайшее воззрение на христианскую жизнь. Без Христа любовь невозможна. Недостаточно возвращения человека в потерянный рай, к единению с природой, даже и преображенной. Преображение неполно, если оно не сопровождается отношениями любви.

Ужасу лжи и ненависти, из которого состоит мир греха, Достоевский противопоставляет, в словах старца, мир любви. Во взаимном прощении люди должны становиться прозрачными друг для друга, и эта прозрачность, как представляется писателю, установит всеобщее единение. В этом мире явится зримо Христос, исполнение вселенской любви совпадет с Его возвращением. У Достоевского отсутствует видение Бога. Верно, что в любви к ближнему — исполнение закона, однако нельзя сказать, чтобы стремление к искуплению у Достоевского переполняло человека. Сам Христос, Которого он любит безумно, выходит у него Богом, Которому как будто не хватает всемогущества.

В любом случае, христианство Достоевского дает нам в «Поучениях» высочайший пример своей красоты. И в воспоминании о юном брате старца, и в учении последнего настойчиво звучит мотив человеческой солидарности. Человек не может ни от кого отделиться, но один ответственен за всех, за все грехи, и у всех он должен просить прощения. Эта солидарность, которую следовало бы лучше назвать взаимностью любви, является, по всей видимости, величайшим плодом искупления. В самом деле, Один взял на Себя груз греха всех людей и тем самым искупил их. Писатель не мог не думать о Христе, когда писал эти удивительные страницы. Именно от этого искупления, которое теперь связывает всех людей подлинным единением любви, идет пасхальная радость, которую переживает и которой живет старец. Рай не далеко и не в будущем; он тут же откроется для тебя, как только ты осознаешь, что ты прощен, чтобы жить в радости.

В этих страницах заключена суть религиозных воззрений Достоевского, как и в сцене с брачным пиром, на который приглашает Алешу новопреставленный старец.

«Поучения» это вариация на пасхальную тему. Спасение уже произошло, люди могут отныне свидетельствовать о Его даре. Это дар Духа: Бог уже не «на том свете», Он присутствует в любви, объединяющей людей, в чистоте и в радости, которые уже не оскверняются страхом. Даже смерть не в силах погасить эту радость.

Оптинские монахи не узнали себя в христианстве старца Зосимы. Не будем отрицать, что «Поучения» не совпадают с традиционным монастырским учением. Достоевский сам дает нам это понять, пожелав, чтобы Алеша ушел из монастыря и жил в миру. «Поучения» не только прикровенно учат о всеобщем призвании к святости; здесь происходит *рождение нового харизматического христианства, чистой красоты и свободы*. Образ Христов больше не будет сохраняться в монастырях. Любовь широко, безбоязненно разольется по миру, и все человечество станет одним общением любви.

Утопия? Но христианская надежда всегда воспламеняла в сердцах людей ожидание Царства.

Глубина Достоевского прежде всего метафизическая, а затем уже психологическая, и именно эта, метафизическая, глубина придает его творчеству пророческий характер. События, о которых он повествует, сами персонажи, населяющие его романы, подразумевают и являют некую более тайную и истинную реальность: за миром феноменов стоят мир зла и мир Бога.

Адский мир есть разделение, беспорядок и смерть; божественный мир есть, наоборот, красота, и, главное, единство. В мире Бога нет другого свойства, кроме любви. Если адский мир дает о себе знать явлениями дьявола, то мир Божий есть присутствие Христа. В «Сне смешного человека» среди людей появляется Христос.

Слова Свидригайлова метят очень далеко. Может быть, они — из самых значительных в религиозной философии Достоевского. Реальность вещей скрыта от нас, и лишь в особых случаях она себя обнаруживает. Эти случаи могут показаться симптомами психического расстройства, но, возможно, они, напротив, являют истинные свойства вещей. Зримое поистине есть знамение незримого — единственной истинной реальности. На смену адскому миру, лишенному света красоты, вместилищу огромных пауков и пыли, приходит, в видениях Ставрогина, пустой мир многоликих воплощений одного и того же «злобного существа», и наконец, в «Братьях Карамазовых», Иван переживает свою драму, вступая в личные отношения с

чертом. Не нужно пытаться преуменьшить значение этого «присутствия». Черт — раздвоение личности? Но следовало бы понять, является ли для Достоевского это раздвоение лишь психологическим фактом, или он полагает, что этот же самый психологический факт свидетельствует об онтологической реальности адского мира. Не дьявол — двойник человека; скорее, сам человек все более изменяется по образу дьявола и стремится с ним отождествиться.

С художественной точки зрения гений Достоевского, кажется, лучше являет мир зла, который изображается с большей силой. Однако, нигде, кроме как в «Записках из подполья», зло никогда не побеждает настолько, чтобы устранить мир Бога; более того, мир Бога часто возникает там, где его труднее всего можно представить. Все творчество Достоевского есть драма. Он обновляет учение великого Оригена: истинные протагонисты истории — Христос и дьявол, и вся история сводится к борьбе между ними. К услугам дьявола — ненависть и ложь, Христу служат смирение и любовь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прекрасно понимаю, сколь скудно то, что я написал; это от силы — краткое вводное слово к чтению произведений одного из величайших гениев, которых Бог даровал человечеству. Возвратил ли я свой долг ему? Если бы эти страницы побудили кого-то перечитать романы Достоевского, — я уже был бы рад.

Известная ограниченность, свойственная любому делу рук человека, пусть даже великого, недоумение, которое может вызвать взгляд Достоевского на христианство, не делают менее подлинным и высоким его религиозное свидетельство. Так же, как он пророчески возвестил опустошение, принесенное октябрьской революцией, он подготавливает христианское возрождение.

Останавливаясь на пороге обновленного христианства, Достоевский, тем не менее, не только оживляет его чаяние, но и хочет, чтобы все мы потрудились явить миру образ Христов. Откровение Его присутствия будет светом чистой красоты, станет всемирным потоком любви.

Это проповедует Иоанн Павел II в послании *Dives in misericordia* и это провозглашает Достоевский: красота спасет мир.